КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXXIV.

1904 г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.
1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXXIV.

1904 г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Мерингoвская, № 6.
1904

Дозволено Цензурою, Кіевъ 23 декабря 1903 г.

Приходскія школы въ старой Малороссіи и причины ихъ уничтоженія.

Въ 1802 году въ Россіи учреждено министерство народнаго просвѣщенія, начавшее свою дѣятельность съ составленія программы, или «предварительныхъ правилъ», утвержденныхъ 24 января, 1803 года. Этой программой, какъ извѣстно, было установлено четыре типа школъ: а) училища приходскія, б) уѣздныя, в) губернскія, или гимназіи и г) университеты. Послѣдніе три рода учебныхъ заведеній, хотя и въ весьма ограниченномъ числѣ, существовали въ имперіи и до того времени. Что же касается до приходскихъ училищъ, назначавшихся для сельскаго населенія, то въ ихъ учрежденіи впервые выразилась правительственная заботливость о насажденіи въ Россіи собственно народнаго образованія. Означенными министерскими правилами предписывалось въ каждомъ приходѣ имѣть приходское училище или, въ крайнемъ случаѣ, два смежныхъ прихода должны имѣть одну общую школу. Если такія школы устраивались въ казенныхъ селеніяхъ, то наблюденіе надъ ними поручалось приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ гражданъ; въ помѣщичьихъ же селеніяхъ учрежденіе приходскихъ школъ предоставлялось, какъ сказано въ 4 пунктѣ «правилъ», «просвѣщенной и благонамѣренной попечительности самихъ помѣщиковъ». Общій же надзоръ за этими школами, главнымъ образомъ за учебною частью, возлагался на смотрителя мѣстнаго уѣзднаго училища. Согласно § 8,

эти смотрители должны были располагать помѣщиковъ къ оказанію пособій школамъ въ ихъ имѣніяхъ и въ нужныхъ случаяхъ могли обращаться за содѣйствіемъ по этому предмету къ уѣзднымъ предводителямъ дворянства. Вообще въ «правилахъ» нѣтъ опредѣленныхъ указаній, на какія именно средства предполагалось завести приходскія училища; по пункту же 42, рѣшеніе этого вопроса «предоставлялось учинить впредь по соображеніи мѣстныхъ обстоятельствъ и удобностей».

Въ приходскихъ училищахъ дѣти должны были обучаться чтенію, письму и первымъ дѣйствіямъ по ариѳметикѣ; кромѣ того, требовалось «наставлять учениковъ въ главныхъ началахъ закона Божія, въ благоправіи, въ обязанностяхъ къ государю, начальству и ближнему, и вообще простымъ, яснымъ и состоянію учащихся соотвѣтственнымъ образомъ стараться дать имъ правильное понятіе о вещахъ».

Такъ какъ опредѣленный контингентъ учителей для этихъ школъ пока еще отсутствовалъ, то министерству не оставалось иного выхода, какъ привлечь къ народному учительству единственно пригодный для того классъ—духовенство. Помимо того, что приходскимъ священникамъ поручено было ближайшее наблюденіе за вновь учрежденными школами, «предварительныя правила» прямо признавали желательнымъ, чтобы священники и церковно-служители сами исправляли учительскую должность, «толь соотвѣтственную ихъ званію, о чемъ святѣйшій синодъ и долженъ пещись», чтобы въ непродолжительномъ времени «сіе произведено было въ дѣйствіе безъ малѣйшаго отягощенія какъ для священниковъ, такъ и прихожанъ».

Такъ предполагалось организовать начальное обученіе при первомъ министрѣ народнаго просвѣщенія, графѣ П. В. Завадовскомъ, по инціативѣ котораго и были составлены означенныя «правила». Само собою разумѣется, что этотъ утопическій планъ повсемѣстнаго учрежденія въ имперіи приходскихъ школъ безъ всякихъ затратъ со стороны государства, безъ опредѣленныхъ учителей, въ расчетѣ на самодѣятельность прихожанъ, «благонамѣренную попечительность» помѣщиковъ и да-

ровой трудъ приходскаго духовенства, заранѣе обреченъ былъ на полное фіаско, какъ это случилось на самомъ дѣлѣ. Но то былъ вѣкъ сентиментализма не только въ литературѣ, но и въ политикѣ, когда вѣрили въ магическую силу гуманныхъ принциповъ, провозглашенныхъ съ высоты трона, когда даже такой сложный политико-соціальный вопросъ, какъ уничтоженіе крѣпостного права, мечтали разрѣшить посредствомъ призыва къ просвѣщенной благонамѣренности помѣщиковъ въ надеждѣ, что они изъ чувства человѣколюбія станутъ отпускать на волю своихъ крестьянъ [1]). Точно также и въ дѣлѣ образованія народныхъ массъ правительство полагало, что достаточно его призыва къ этому общеполезному дѣлу, и тѣ же помѣщики станутъ устраивать школы для своихъ крѣпостныхъ, а духовенство не откажется безвозмездно взять на себя трудъ учительства.

Къ числу такихъ благородныхъ мечтателей-идеалистовъ принадлежалъ тогдашній малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, человѣкъ весьма просвѣщенный, одинъ изъ видныхъ дѣятелей массонскаго движенія, гонимый за то при Екатеринѣ II и реабилизованный лишь императоромъ Павломъ I. Поставленный въ 1802 г. во главѣ управленія двумя малороссійскими губерніями (полтавской и черниговской), кн. Куракинъ оказался заботливымъ, справедливымъ и просвѣщеннымъ администраторомъ и въ короткое время пріобрѣлъ всеобщее расположеніе въ краѣ и вполнѣ заслужилъ тѣ простодушныя похвалы, какими осыпалъ его авторъ «Энеиды», И. П. Котляревскій въ извѣстной малороссійской «Одѣ». Все, что клонилось къ культурному развитію и благосостоянію управляемыхъ имъ губерній—заботы о шелководствѣ и садоводствѣ, о разысканіяхъ каменнаго угля, ртутной руды, минеральныхъ источниковъ, о раз-

---

[1]) Такіе примѣры бывали изрѣдка. Въ 1811 г. полтавскій помѣщикъ Сахновскій далъ вольную своимъ крѣпостнымъ, за что высочайше былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 3 ст., который повелѣно было генералъ-губернатору вручить ему, при особомъ рескриптѣ, въ собраніи дворянъ.

работкѣ торфа и т. под.,—все это неизмѣнно встрѣчало въ просвѣщенномъ генералъ-губернаторѣ живѣйшій интересъ и энергичную поддержку и покровительство [1]). Тѣмъ съ большимъ сочувствіемъ онъ долженъ былъ отозваться на призывъ правительства о содѣйствіи дѣлу народнаго образованія.

Не входя въ критическую оцѣнку того, насколько осуществимъ планъ министерства относительно созданія изъ ничего цѣлыхъ тысячъ приходскихъ школъ, кн. Куракинъ, со свойственнымъ ему увлеченіемъ и настойчивостью, занялся этимъ дѣломъ, какъ предметомъ первостепенной важности, всѣми мѣрами побуждалъ къ тому дворянъ, чиновниковъ, духовенство, требовалъ усерднаго содѣйствія со стороны подвѣдомыхъ ему лицъ и учрежденій и. встрѣчая на каждомъ шагу препятствія, не опускалъ рукъ даже и въ то время, когда самъ министръ П. В. Завадовскій пришелъ къ печальному заключенію относительно преждевременности задуманнаго имъ дѣла. Эти благородныя усилія друга просвѣщенія, независимо отъ достигнутыхъ результатовъ, сами по себѣ заслуживаютъ того, чтобы отмѣтить ихъ въ исторіи края, что и составляетъ предметъ настоящаго очерка, составленнаго на основаніи новыхъ матерьяловъ, извлеченныхъ нами изъ архива полтавскаго губернскаго правленія.

I.

Надобно замѣтить, что для Малороссіи вопросъ о народныхъ школахъ вовсе не являлся новостью, какъ для иныхъ частей имперіи. Приходскія училища, о заведеніи которыхъ хлопотало теперь министерство, повсемѣстно существовали еще въ XVIII вѣкѣ; по имѣющимся за 1740—48 гг. статистическимъ даннымъ видно, что почти въ каждомъ городскомъ и сельскомъ

---

[1]) См. рядъ нашихъ замѣтокъ въ «Кіев. Старинѣ» въ X, XI и XII книгахъ за 1901 г., а также «Полтава въ началѣ XIX столѣтія» въ «Кіев. Стар.» 1902 г. и отдѣльно.

приходѣ находилась отдѣльная школа. Ни гетманское правительство, ни епархіальныя власти не участвовали въ созданіи этихъ скромныхъ разсадниковъ грамотности и кое-какого образованія: они были созданы самимъ ходомъ культурной жизни страны, подъ вліяніемъ просвѣтительнаго движенія, начатаго церковными братствами еще въ эпоху борьбы за вѣру и народность и затѣмъ поддерживаемаго образовательнымъ вліяніемъ высшаго училища въ краѣ—кіевской академіи.

Ревизскія полковыя книги первой половины XVIII в. показываютъ, что въ 1740—48 г. въ семи полкахъ старой Малороссіи было 866 школъ и онѣ распредѣлялись слѣд. образомъ: въ нѣжинскомъ полку было 217, въ лубенскомъ 172, въ черниговскомъ 154, въ переяславскомъ—119, въ полтавскомъ—98, въ прилуцкомъ 69 и въ миргородскомъ 37. О полкахъ—стародубскомъ, кіевскомъ и гадячскомъ свѣдѣнія утеряны, а Украина лѣваго берега Днѣпра раздѣлена была, какъ извѣстно, на 10 полковъ. Всѣхъ городовъ въ 7 поименованныхъ полкахъ было 35, мѣстечекъ 61, селъ 792, деревень 206 и слободокъ 11.

Сопоставляя эти данныя съ числомъ школъ, нельзя не видѣть, что почти во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, гдѣ были приходы, были и школы [1]). Приходы встарину были малолюднѣе нынѣшнихъ и потому пропорціональное отношеніе тогдашнихъ школъ къ числу населенія едва ли не было болѣе благопріятнымъ, чѣмъ такое отношеніе нынѣшнихъ земскихъ и даже церковно-приходскихъ школъ [2]). Въ Слободской Украинѣ (съ 1835 г.—харьковская губ.) были также школы, но много меньше. По переписи 1732 г. упоминаются слѣд. школы: около Харькова, въ Куряжѣ, при соборной церкви двѣ школы, изъ которой въ одной было три наставника; въ самомъ Харьковѣ при Троицкомъ храмѣ, кромѣ богадѣльни, была школа съ 7 учителями; въ селѣ

---

[1]) А. Лазаревскій. Школы въ XVIII в. Основа, 1862, май 82—89 стр.

[2]) О. Левицкій. Очерки нар. жизни въ Малороссіи, стр. 280.

Дергачахъ—школа и шпиталь, а также въ селахъ Новой Водолагѣ, Рогозянкахъ etc. Всѣхъ школъ было 45. Школы въ Малороссіи находились при церквяхъ и назывались именемъ того праздника или святого, которому посвящена мѣстная церковь; напр. нѣжинскія школы именовались: покровскою, успенскою, святоникольскою и т. д. Строился храмъ, и при немъ строилась изба, называемая «школой», гдѣ обыкновенно жилъ дьячокъ, «панъ-дякъ», какъ его называли прихожане. Въ XVIII вѣкѣ причтъ церковный состоялъ изъ священника и дьяка; пономарей не было до введенія штатовъ, а дьяконы были рѣдки. Пономарскія обязанности исполняли «школяры и молодики», обучавшіеся и обучавшіе въ школѣ. Дьякомъ въ то время могъ быть всякій, не было надобности принадлежать къ духовному званію, что сдѣлалось обязательнымъ лишь со времени введенія въ Малороссіи церковныхъ штатовъ въ 1786 году, точно опредѣлившихъ число причетниковъ при каждой церкви. Дьякъ избирался приходомъ, громадой, за «добрый гласъ», за знаніе церковной службы и за умѣнье вести службу «благолѣпно и благочинно». Къ этому пану-дьяку общество предъявляло и педагогическія требованія; онъ долженъ былъ умѣть преподавать въ школѣ, и потому его называли «панъ бакаляръ», а какъ начальникъ школы онъ именовался «панъ-дирехторъ». На основаніи древняго обычая южнорусскихъ причтовъ приготовлять для своей церкви служителей, изъ которыхъ выходили дьячки и потомъ священники, въ Малороссіи въ XVIII в. при каждой приходской церкви обучались мальчики, по преимуществу сироты, безпріютные, которымъ и поручали разныя обязанности при богослуженіи. Эти школьники жили въ церковныхъ домахъ и помогали дьячку въ церкви и при совершеніи утребъ. Вмѣстѣ съ дякомъ, они принимали участіе въ колядованіи, въ пѣніи духовныхъ гимновъ, виршъ и т. д. Старшій изъ нихъ назывался «подьячимъ», т. е. помощникомъ дяка, другіе назывались клиросниками, псаломщиками. Изъ нихъ и избирались настоящіе дяки. Многимъ приходилось оставаться въ званіи «школьниковъ и молодиковъ» до весьма почтеннаго возраста, на что указываетъ вѣдомость города Прилукъ за 1765 годъ.

Въ этой вѣдомости приведенъ списокъ мѣстныхъ школьниковъ. Оказывается, что въ 4 приходскихъ школахъ ихъ было 18, по возрасту же они распредѣлялись такъ: 6 изъ нихъ имѣли отъ 12 до 20 лѣтъ, четыре отъ 20 до 30 л. и 8 отъ 30 до 39 лѣтъ. Изъ этихъ школъ выходили не одни церковно-служители, но и вообще грамотные люди, достигавшіе впослѣдствіи виднаго общественнаго положенія. Таковъ былъ, напр., извѣстный Петрикъ, претендовавшій на гетманское достоинство. Когда онъ въ 1692 году подступилъ съ ордой и запорожцами къ границамъ полтавскаго полка, то Мазепа отправилъ къ нему укорительное письмо, въ которомъ говорилось: «всѣ мы знаемъ, же батько твой жебракъ (нищій) есть, въ городѣ нашемъ въ Полтавѣ мешкалъ, а ты, въ школѣ, межъ нищими валяючися и по-подъ окнами нашими ходячи, окрушками выкормился» [1]). Петрикъ точно былъ воспитанникомъ одной изъ полтавскихъ школъ, гдѣ онъ настолько «выпольоровался», т. е. образовался, что могъ занять должность старшаго канцеляриста въ генеральной канцеляріи. «Школьніи выростки», или «молодики», какъ ихъ называли, не были только учениками школы, но и сами занимались обученіемъ. Если это имъ надоѣдало, то они бросали обученіе и принимались за другое. «Это была нищая, убогая братія»—говоритъ О. И. Левицкій,—способная даже на воровство, и если у кого-либо изъ нихъ оказывались сколько-нибудь значительныя деньги, то это возбуждало недобрыя подозрѣнія. Учились ли и сами эти «выростки школьніи» чему-нибудь, трудно сказать; если и учились, то развѣ дьячковскому искусству подъ руководствомъ «дидаскала», который, конечно, былъ опытнымъ псаломщикомъ [2]). Это была вольная артель особаго рода ремесленниковъ, промышлявшихъ учительствомъ и дьячковствомъ. Ихъ называли «мандроваными дьяками», т. е. странствующими. Сохранилась автобіографія одного изъ такихъ дьяковъ—Иліи Турчиновскаго. Его странствованіе напол-

---

[1]) Лѣтопись Величка, т. III, стр. 114.

[2]) О. Левицкій: „Очеркъ народной жизни въ Малороссіи въ XVII ст., стр. 286.

нено приключеніями и прекрасно характеризуетъ этотъ интересный типъ странствующаго учителя и вмѣстѣ церковника. Жизнь этого мандрованнаго дьяка рисуетъ намъ нравы и бытъ тогдашнихъ дьяковъ, вообще отличавшихся, по словамъ П. И. Житецкаго, «продерзостью и отвагой, управляемой голодомъ, и выносливостью въ испытаніяхъ всякаго рода» [1]).

Такова была старинная малорусская школа и ея оригинальные «дидаскалы». По мнѣнію О. И. Левицкаго, этотъ своеобразный типъ школы заимствованъ съ Запада: нѣмецкіе vagi scholares, бокханты и польскіе rybałty—это тѣ же наши «мандрованные дьяки» [2]). Такая школа могла возникнуть и существовать, прежде всего, благодаря тому, что въ Малороссіи существовало выборное начало въ замѣщеніи церковныхъ должностей и отношеніе между священно-церковнослужителями и приходомъ опредѣлялось договоромъ. Была и другая причина, благопріятствовавшая существованію «мандрованныхъ дьяковъ». Это право свободнаго передвиженія, которымы пользовались всѣ классы населенія въ Малороссіи, начиная отъ высшаго и кончая подданными, т. е. посполитыми крестьянами [3])

Этихъ мандрованыхъ дьяковъ называли въ насмѣшку «пиворѣзами». Получили они это названіе, какъ надо думать, отъ пристрастія къ пиву. П. И. Житецкій приводитъ интересные отрывки изъ одной интерлюдіи XVIII ст., рисующей этихъ дьяковъ-пиворѣзовъ. Интерлюдія начинается монологомъ одного пиворѣза, раздумывающаго, куда бы ему отправиться: въ Березну, или въ Коропъ. Въ Коропѣ его хорошо знаютъ и будутъ рады его появленію. Въ эту минуту является другой пиворѣзъ, и вотъ между ними завязывается разговоръ:

---

[1]) Автобіографія Турчиновскаго напечатана въ „Кіев. Старинѣ" 1885 г. февраль. См. также книгу П. И. Житецкаго—„Мысли о думахъ", стр. 46—48.

[2]) «Очерки народной жизни въ Малороссіи», стр. 287.

[3]) Харьков. календарь; разборъ проф. Багалѣя «Кіев. Старина», 1885 г., мартъ, 552—558 стр.

Якъ колись на мѣсцѣ бували,
То до мене всѣ странни въ школу прихождали.
Ми, бувало, всіого по достатку маемъ,
И хто прійдетъ къ намъ въ школу, любезно
вгощаемъ.
Веліе бяше число у насъ горѣлицѣ,
Полни чванцы текущи зъ-подъ трубной криницы;
И всего, слава Богу, бяше по достатку,
Що у людей, то и въ насъ—всякого статку;
Да и теперь богати: маемъ воли и телицы,
Иже купно мандрують по стѣнѣ къ трубницѣ».

— Не хвалѣтесь,—отвѣчаетъ своему собрату первый пиворѣзъ:

« бо и мы блощичного роду,
Маемо по достатку и всякого плоду
Довольствуемъ же зѣло, что хлѣба нѣ куса,
Все ходячи по школѣ справляемо труса,
Потрясши кучерамы, да спаты лѣгаемъ,
А уставши раненко, бражку подчиваемъ».

Далѣе эти пиворѣзы спрашиваютъ другъ у друга, куда кто идетъ. Первый заявляетъ, что хотѣлъ бы пойти въ Березну, но боится, и объясняетъ почему:

« бо построивъ штуки,
Такъ щобъ не попастися протопопѣ въ руки».

Оба порѣшили идти вмѣстѣ въ Коропъ, но задумали прежде снять портреты другъ съ друга. Въ это время къ нимъ приходитъ мужикъ, пожелавшій также, чтобы и съ него сняли портретъ.

« Добрѣ, мы служить охочѣ,
Отмалюемъ усіого, толко заплющъ очи.

Мужикъ повиновался, и пиворѣзы размалевали ему все лицо; при чемъ одинъ изъ нихъ сожалѣлъ, что мужику

« не залѣпивъ рота:
Якъ пѣйде до громады да войту искаже,
То й намъ кіями ктиторъ пекарню помаже [1]).

Но среди этихъ безшабашныхъ скитальцевъ, прожигателей жизни, попадались и такіе, которые, вмѣстѣ съ семинаристами, приглашались въ домы зажиточнаго шляхетства, въ качествѣ домашнихъ наставниковъ. Состоя «на кондиціи», они назывались инспекторами. Желавшій получить такого наставника обращался обыкновенно къ архіерею и при этомъ опредѣлялъ свои требованія и условія, на какихъ желалъ имѣть наставника. «Ваше преосвященство—писалъ одинъ изъ такихъ просителей: мнѣ нуженъ учитель учить дѣтей грамматикѣ, риторикѣ, поэзіи; жалованья ему десять или пятнадцать рублей и одежда» [2]).

Чему же учили въ старинной приходской школѣ? Обученіе обыкновенно начиналось съ «грама́тки»—букваря и затѣмъ изучали часословъ, псалтырь—двѣ основныхъ богослужебныхъ книги, учили также и письму. Вотъ вся программа этой школы. Букварю учили съ указкой и иногда нагляднымъ способомъ. «Учили, разсказываетъ Крыжановскій, съ указкой и надо было викрикивать: Азъ, Буки, Вѣди, Глаголь и т. д. Придумывали и позы для изображенія буквъ. Дьячекъ подбоченится, выпрямится—сталъ Фертъ; подниметъ руки вверхъ,—выходитъ Пси, опуститъ ихъ—это Ща; протянетъ одну руку вверхъ, другую внизъ на откосъ—вотъ и Хѣръ; опуститъ руки, разставитъ ноги—вотъ и Люди». Наглядность эта такъ занимала учениковъ, что она служила и дома для нихъ игрой [3]). Ознакомившись съ главными богослужебными книгами, надо было изучить всѣ церковные напѣвы

---

[1]) Житецкій, «Мысли о думахъ», 48—51 стр.

[2]) Данилевскій, „Украинская Старина", т. 21, стр. 13.

[3]) Крыжановскій, Сочин., т. I, 561—562 стр.

и обязательно—восемь гласовъ на «Господи воззвахъ», восемь гласовъ на «Богъ Господь и явися намъ» и столько же гласовъ на ирмосы. Помимо этого, надо было изучить пѣніе «самогласное», т. е. тѣ же псалмы и ирмосы на особый голосъ, и «подобное», т. е. пѣніе двойного текста на одинъ и тотъ же гласъ. Пѣніе церковное для этихъ школьниковъ было очень важно, оно могло выдвинуть школяра въ будущемъ, дать ему мѣсто дьяка, а то могло помочь «выдряпаться и на попа», какъ выражались въ то время. Неизбѣжными спутниками обученія въ школѣ были побои и тѣлесное наказаніе, безъ котораго въ то время казалась немыслимой возможность и самаго обученія. Въ малорусской литературѣ сохранилась вирша, прекрасно рисующая эти побои:

Казавъ мени бокаляръ промовыты: Азъ, Азъ,
А якъ же я не вымовывъ, винъ по пыци: разъ, разъ!
Крыкнувъ же винъ у друге: А ну, кажы:«Букы»
Ой це жъ бо я не вымовывъ—попавъ въ ёго рукы.
Крыкнувъ дали въ третій разъ, щобъ вымовывъ: «Виде»,
А вже жъ его жвава рука по чупрыни иде.
Ой якъ сказавъ у четверте: вымовляй: «Живите».—
Ну те жъ, хлопци, заразъ ёго на лавку кладите!
И просывся и молывся, а ще бильшъ злякався,
Бо задалы таку хлосту, що й свита цурався [1]).

Помимо того, что били при самомъ обученіи, были установлены «субботники», т. е. расплата по субботамъ за лѣнь и шалости въ теченіе недѣли. Это учрежденіе очень древнее, оно встрѣчается впервые въ уставѣ Луцкой братской школы 1624 г., гдѣ читаемъ: «по субботамъ дидаскалъ маетъ дѣтямъ и памятного не боронити, по чаши школьной испити». Эти «субботники», какъ извѣстно, очень привились къ русской школѣ и уничтожены сравнительно недавно, незадолго до крестьянской реформы. О

[1]) Житецкій. Мысли о думахъ, 41—42 стр.

наступленіи этой субботы, когда школьники должны были отдать отчетъ за цѣлую недѣлю, дьячокъ предупреждалъ наканунѣ: «Завтра день святой, нужно каждому очиститься»,—говорилъ онъ. Наступаетъ суббота. Дьячекъ читаетъ проступки каждаго изъ учениковъ своихъ. «Ложись»!—заканчиваетъ дьячокъ; ложились на скамью и получали удары не розгами, а линейками. Бывали случаи, что не щадили и хорошаго ученика. Подойдетъ «дядя» (такъ называли школяры дьячка) и говоритъ: «Ты учился хорошо, не шалилъ, а все-же что-нибудь сдѣлалъ или думалъ нехорошее и чѣмъ-нибудь согрѣшилъ—нужно очиститься наказаніемъ» и затѣмъ слѣдовало роковое: «ложись». Отбывши наказаніе, надо было поцѣловать дядю и сказать: «спасибо за науку», на что дядя отвѣчалъ: «Богъ тебѣ да поможетъ, съ Богомъ пройдешь всякую науку» [1]).

Интересны цѣны за обученіе, какія брали дьячки въ XVIII ст. За выучку букваря плата была отъ 50 к. до 1 р., а въ Кременчугѣ брали 2 р. За обученіе часослову отъ 1 до 2 р., а въ Кременчугѣ отъ 3 до 4 р. Изученіе псалтири цѣнилось еще дороже: въ большинствѣ школъ брали 2 р, въ Переяславѣ цѣна доходила до 4 р., а въ Кременчугѣ до 5 р. Цѣна опредѣлялась безъ обозначенія времени, а за выучку, только въ константиноградскомъ уѣздѣ плата была годовая, отъ 4 до 5 р.

Должны мы, впрочемъ, оговориться, что плата эта существовала въ 1803 г., а въ XVIII стол. она была, несомнѣнно, меньше [2]).

Таковы были школы въ Малороссіи въ XVIII столѣтіи. Несомнѣнно, что это были очень скромные разсадники просвѣщенія, но и въ этомъ несовершенномъ видѣ, въ какомъ онѣ просуществовали въ Малороссіи въ XVII и XVIII стол., культурно-историческая заслуга ихъ неоспорима. Но школы эти, начиная съ конца XVIII столѣтія, начинаютъ постепенно исчезать. Гдѣ же причина этого, несомнѣнно, очень грустнаго явленія? Заботы пер-

---

[1]) Крыжановскій, т. I, 562—563 стр.

[2]) Арх. Полт. Губ. Правл. по описи № 247. донесенія городничихъ и нижнихъ земскихъ судовъ.

ваго малороссійскаго генералъ-губернатора кн. А. Б. Куракина о насажденіи приходскихъ школъ въ Малороссіи вызвали съ его стороны желаніе узнать что-либо объ этихъ школахъ, и вотъ эти данныя, сохранившіяся въ архивѣ полтавскаго губернскаго правленія, и раскрываютъ намъ причину ихъ исчезновенія.

II. [1])

Князь Куракинъ, получивъ «предварительныя министерскія правила», предписалъ черниговскому губернатору барону ф. Френсдорфу и полтавскому—А. Б. Сонцеву донести ему, какія и гдѣ существуютъ въ ихъ губерніяхъ школы и въ какомъ онѣ состояніи. «И за скоростію времени, писалъ имъ князь, и по многочисленности занятій, вдругъ меня встрѣтившихъ, не удалось мнѣ основательнѣйшимъ образомъ узнать, полюбопытствовать и посмотрѣть, какъ слышу я здѣсь, весьма издревле существовавшихъ приходскихъ училищъ, разумѣется кромѣ тѣхъ, кои извѣстны подъ именемъ народныхъ; есть-ли дѣйствительно сего рода школы въ губерніи полтавской и черниговской и понынѣ находятся, я бы желалъ знать и особенно о томъ прошу ваше прев-во не оставить безъ попечительнаго надзрѣнія вашего, дабы оныя приведены были въ возможный порядокъ. Поелику здѣсь есть предположеніе откомандировать одного члена отъ коммиссіи народнаго просвѣщенія училища сіи обозрѣть, слѣдовательно и доставится намъ обоюдное удовольствіе, буди при сей ревизіи и сіи заведенія найдены будутъ въ желаемомъ совершенствѣ, какъ и всѣ протчія; я надѣюсь, что по предмету сему не оставите вы меня вашимъ извѣщеніемъ». Это предложеніе князь прислалъ изъ Петербурга въ мартѣ мѣсяцѣ, вскорѣ послѣ утвержденія «предварительныхъ правилъ» [2]).

---

[1]) Глава эта составлена исключительно по архивнымъ даннымъ полтав. г. правленія, по описи № 153, 1803 г. и № 247, 1805 года.

[2]) Арх. полт. губ. правленія № 153, есть и въ № 247.

Черниговскій губернаторъ не замедлилъ отвѣтомъ, что начальныхъ школъ въ его губерніи очень немного, помѣщаются онѣ въ церковныхъ домахъ, гдѣ дѣти обучаются у дьячковъ букварю, часослову, псалтири и церковной печати. Дѣти обучаются у дьячковъ по добровольному уговору съ ними родителей. Что же касается болѣе точныхъ свѣдѣній о состояніи этихъ школъ, то баронъ Френсдорфъ, въ виду того, что дьячки находятся подъ начальствомъ духовнаго вѣдомства, высказалъ уклончивое замѣчаніе, что «привесть въ порядокъ сіи школы и дать о нихъ совершенное свѣдѣніе, гдѣ онѣ точно есть, а гдѣ нѣтъ, неудобно». Такой отвѣтъ не могъ, конечно, удовлетворить кн. Куракина, очень настойчиваго въ преслѣдованіи своихъ цѣлей и сильно желавшаго что-либо сдѣлать для своего края въ дѣлѣ образованія. Онъ вторично предписалъ губернатору снестись съ архіепископомъ черниговскимъ [1]) относительно доставленія свѣдѣній о начальныхъ школахъ и просилъ его «усугубить» свое попеченіе, дабы привесть школы въ совершенный порядокъ». Это предписаніе было исполнено губернаторомъ. Оказалось, что въ Козелецкомъ и Нѣжинскомъ повѣтахъ совсѣмъ не было правильно организованныхъ школъ, а лишь кое-гдѣ дѣти разныхъ званій обучались грамотѣ у дьячковъ, о другихъ же уѣздахъ въ донесеніи свѣдѣній не находимъ. Въ то же время генералъ-губернаторъ счелъ не лишнимъ и съ своей стороны обратиться къ архіепископу черниговскому съ предложеніемъ позаботиться о школахъ. «Желая, писалъ онъ, всемѣстно споспѣшествовать учрежденію въ Малороссіи приходскихъ училищъ, кои, по правиламъ народнаго просвѣщенія, должны быть подъ наблюденіемъ приходскихъ священниковъ, обращаюсь къ вашему преосв-ву, съ покорнѣйшею просьбою о вспоможеніи въ семъ случаѣ начальственнымъ вашимъ содѣйствіемъ въ предписаніи приходскимъ священникамъ вашей епархіи о принятіи на себя попеченій наблюдать за таковыми училищами». Такую же просьбу послалъ князь и полтавскому

---

[1]) Черниговскимъ архіепископомъ былъ въ то время Викторъ.

епископу Сильвестру[1]. Но просвѣщенная заботливость кн. Куракина не встрѣтила надлежащаго сочувствія со стороны епархіальной власти, въ чемъ и заключалась главная причина безуспѣшности его стараній. Интересны отвѣты архіереевъ на предложеніе генералъ-губернатора. Архіепископъ Викторъ писалъ, что въ школахъ его епархіи дѣйствительно обучаютъ дѣтей грамотѣ дьячки по книгамъ церковнымъ, но что «таковое обученіе до распоряженія по части духовнаго правительства никогда не относилось и нынѣ не относится, а по предварительнымъ правиламъ министерства народнаго просвѣщенія сказано: приходскія училища въ селеніяхъ казенныхъ ввѣряются приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ жителей, а въ помѣщичьихъ онѣ предоставляются попечительности самихъ помѣщиковъ, и я,— пишетъ далѣе архіепископъ,—не находилъ въ проѣздѣ моемъ нынѣ по губерніи заведенныхъ училищъ». Вообще въ этомъ уклончивомъ отвѣтѣ архіепископъ Викторъ не выразилъ ни малѣйшаго желанія помочь князю въ устроеніи народныхъ школъ. Губернаторъ черниговскій доносилъ, что онъ, съ своей стороны, принялъ должныя мѣры въ видахъ содѣйствія этому дѣлу и убѣждалъ маршаловъ и предписалъ нижнимъ земскимъ судамъ стараться объ устроеніи школъ въ казенныхъ селеніяхъ и въ имѣніяхъ помѣщиковъ, ввѣряя надзоръ за ними приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ жителей.

Епископъ полтавскій Сильвестръ отвѣтилъ на предложеніе князя, что онъ не находитъ возможнымъ предписать священникамъ озаботиться устройствомъ приходскихъ школъ, впредь до полученія прямыхъ указаній по этому предмету святѣйшаго си-

---

[1]) Сильвестръ II Лебединскій былъ ректоромъ казанской академіи. Хиротонисанъ въ 1799 г. во епископы малороссійскіе и съ 1803 года повелѣно ему именоваться епископомъ полтав. и переяславскимъ. Въ 1807 г. переведенъ въ Астрахань архіепископомъ; 10 янв. 1808 г. уволенъ на покой въ Глуховской Петропавловскій монастырь, но на пути скончался 5 ноября 1808 года, въ с. Ровенькахъ, острогожскаго уѣзда, воронеж. губ., гдѣ и погребенъ.

пода, куда онъ послалъ, по требованію послѣдняго, свое мнѣніе по вопросу о преподаваніи священно-служителями въ этихъ училищахъ. Надо сказать, что министерство народнаго просвѣщенія сообщило въ синодъ «предварительныя правила» съ ходатайствомъ о принятіи мѣръ къ учрежденію школъ. Синодъ запросилъ у всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ мнѣнія по этому вопросу. Кн. Куракинъ, получивъ донесеніе еп. Сильвестра, обратился къ митрополиту петербургскому и новгородскому Амвросію съ просьбой ускорить разсмотрѣніе присланыхъ въ синодъ мнѣній епархіальныхъ архіереевъ. Митрополитъ обѣщалъ немедленно увѣдомить князя о ходѣ этого дѣла, какъ только будутъ получены свѣдѣнія отъ другихъ епархій.

Пока шла переписка съ черниговскимъ и полтавскимъ архіереями, были наконецъ доставлены въ ноябрѣ 1803 года изъ другихъ источниковъ свѣдѣнія о школахъ въ полтавской губерніи. Полтавскій губернаторъ Сонцевъ собиралъ эти свѣдѣнія отъ городничихъ и нижнихъ земскихъ судовъ, исполнявшихъ въ то время полицейскія обязанности.

Въ этихъ доношеніяхъ содержатся любопытныя указанія о судьбѣ тѣхъ «школъ», которыя, какъ мы знаемъ, когда-то существовали почти при каждой церкви въ старой Малороссіи и затѣмъ невѣдомо куда исчезли къ концу XVIII в. По собраннымъ даннымъ, какъ увѣдомлялъ Сонцевъ, въ полтавской губерніи школъ нѣтъ. Въ прежнее время были при церквахъ училища подъ названіемъ «школы», гдѣ обучали дьячки, зашедшіе изъ разныхъ мѣстъ. Не имѣя никакой осѣдлости, дьячки эти жили въ этихъ домахъ при церквахъ и за умѣренный платежъ деньгами или хлѣбомъ обучали дѣтей грамотѣ. Ревизія 1782 года, обнаружившая постоянные переходы дьячковъ съ мѣста на мѣсто, заставила ихъ «сообразно своему званію, обзавестись жительствомъ въ своихъ домахъ, а школы между тѣмъ пришли въ обветшалость и сами собой упразднились, и нынѣ таковыхъ въ полтавской губерніи нѣтъ. По нѣкоторымъ городамъ дѣти дворянскіе, козачьи и другого званія обучаются у дьячковъ россійской грамотѣ за разную плату».

Нельзя сказать, чтобы школъ совсѣмъ уже не было въ краѣ, какъ доносилъ Сонцевъ. Школы еще были, но въ очень небольшомъ количествѣ. Вотъ статистическія данныя, доставленныя городничими о школахъ въ уѣздныхъ городахъ, а нижними земскими судами о школахъ въ уѣздахъ. Изъ уѣздныхъ городовъ остались школы: въ Пирятинѣ 1, въ Кременчугѣ 3, въ Ромнахъ 2. Хоролѣ 4, въ Переяславѣ 3, въ остальныхъ городахъ ихъ уже не было. Въ уѣздахъ было школъ немного: въ гадячскомъ, лубенскомъ, миргородскомъ, кременчугскомъ, роменскомъ, пирятинскомъ, прилуцкомъ—школъ не было совсѣмъ, въ остальныхъ онѣ еще существовали: въ хорольскомъ ихъ было 4; въ переяславскомъ 18, въ золотоношскомъ 16, въ константиноградскомъ 24 и въ полтавскомъ 6. Всѣхъ обучавшихся въ такихъ школахъ (числомъ 87) было 738 ч., изъ нихъ дворянъ было 149, козаковъ 151, духовныхъ 6, церковно-служит. 17, помѣщичьихъ крестьянъ 21, мѣщанъ 102, купцовъ 18, казенныхъ крестьянъ 34, остальные были дѣти чиновниковъ, солдатъ, военныхъ и др. Сюда же въ общее число вошли и учащіеся въ хорольск. и переяславскомъ уѣздахъ, которые не показаны по сословіямъ.

Но, конечно, всѣ эти данныя едва ли точны; многія изъ этихъ школъ помѣщались не въ церковныхъ домахъ, а въ квартирахъ дьячковъ, бравшихъ дѣтей для обученія грамотѣ. Но во всякомъ случаѣ, не будетъ ошибкой выводъ, что очень немного школъ осталось въ Малороссіи къ началу XIX столѣтія изъ того количества, которое существовало полувѣкомъ раньше. Кременчугскій нижній земскій судъ такъ же, какъ и губернаторъ Сонцевъ, указалъ на ревизію 1782 г., какъ на причину, имѣвшую вліяніе на уничтоженіе школъ. Прибавимъ еще, что въ числѣ прежнихъ дьяковъ, обучавшихъ грамотѣ, было много заштатныхъ, которые распоряженіемъ императрицы Екатерины II были отправлены въ военную службу при черноморскомъ адмиралтействѣ [1])

---

[1]) «Кіев. Старина», 1901, май. Статья Иванова—Переселеніе заштатныхъ церковниковъ. Отправлено было 611 ч. обоего пола церковниковъ. Стр. 288—297.

Такова была участь многихъ изъ этихъ насадителей грамотности въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ.

Донесеніе Сонцева не порадовало просвѣщеннаго князя, и онъ предписалъ губернатору навести новыя справки и дать болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о дьячковскихъ школахъ, какія все еще существовали въ губерніи. Тогда губернаторъ предписалъ, съ своей стороны, городничимъ и нижнимъ земскимъ судамъ собрать такія свѣдѣнія, которыя мы и привели выше.

Одновременно съ донесеніемъ Сонцева преосвященный Сильвестръ сообщилъ князю точную копію своего мнѣнія, посланнаго имъ въ св. синодъ. Признавая вообще крайне обременительнымъ для приходскаго духовенства привлеченіе его къ дѣлу учрежденія школъ и въ особенности къ личному въ нихъ учительству, какъ того желали министерскія правила, преосвященный Сильвестръ исходитъ изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ. Всѣхъ священнослужителей было въ то время въ полтавской епархіи 769. Селеній, гдѣ было по два прихода и болѣе, 232, а селеній съ однимъ приходомъ 450. По разсчету преосвященнаго, если соединять и по два селенія для устройства одного училища, то необходимо устроить въ губерніи 457 школъ.

Что касается контингента учителей, то преосвященный предлагалъ тѣхъ изъ воспитанниковъ переяславской семинаріи, которые не могутъ продолжать курса въ высшемъ классѣ (разумѣемъ богословскій, уже введенный въ то время въ переяславской семинаріи), зачислять въ причтъ и назначать учителями приходскихъ школъ. Если же въ приходѣ былъ одинъ только священникъ, то преосвященный Сильвестръ не считалъ возможнымъ поручить ему преподаваніе и надзоръ за школами, въ виду его прямыхъ занятій по приходу.

Кн. Куракинъ принялъ въ соображеніе мысль о привлеченіи къ учительству неокончившихъ семинаристовъ и порѣшилъ учредить для нихъ подготовительные курсы при черниговской гимназіи, для чего и обратился къ преосвященному Сильвестру и преемнику архіепископа Виктора, преосвященному Михаилу, съ просьбою назначить семинаристовъ на эти курсы, при чемъ со-

держаніе ихъ порѣшилъ отнести на средства черниговской городской думы. Объ этомъ кн. Куракинъ сообщилъ министру гр. П. В. Завадовскому, съ которымъ часто совѣтовался въ дѣлѣ устройства школъ. Министръ выразилъ князю свое удовольствіе и пожелалъ успѣха его начинаніямъ. Упоминая о заботахъ кн. Куракина учредить школы, министръ пишетъ: «Извѣстно, сколько таковые опыты усердія къ благу общества близки къ сердцу того, съ кѣмъ вы раздѣляете подвиги распространенія наукъ, и потому мнѣ весьма желательно, чтобы вы въ совершеніи вашего предпріятія споспѣшествоваемы были усердіемъ той страны обитателей и благонамѣреніемъ духовнаго начальства, у котораго вы испрашиваете семинаристовъ».

Но какъ отнеслись къ этой мысли преосвященные? Пр. Сильвестръ остался вѣренъ себѣ. Онъ и теперь не нашелъ возможнымъ исполнить желаніе князя, ссылаясь на указъ св. синода, о чемъ и увѣдомилъ князя. Это было въ декабрѣ 1805 г. Но онъ все-таки назначилъ въ каждомъ уѣздномъ городѣ своей епархіи смотрителя изъ духовенства, а учителями предназначилъ нѣсколько человѣкъ изъ церковно-служителей и 16 семинаристовъ—6 изъ философскаго класса и 10 изъ риторики.

Черниговскій преосвященный отнесся иначе къ этому дѣлу. Онъ нашелъ, что желаніе князя не противорѣчитъ указу синода. «Таковое благонадежнѣйшее вашего сіятельства требованіе, по моему мнѣнію, сходственно и съ предписаніемъ святѣйшаго синода, которымъ предопредѣлено имѣть нѣкоторое пріуготовленіе къ народнымъ учительскимъ должностямъ и въ самыхъ духовныхъ семинаріяхъ. А потому и предписалъ я семинарскому правленію избрать къ сему способныхъ и желающихъ изъ учениковъ высшихъ классовъ, каковыхъ оказалось десять человѣкъ». Содержаніе семинаристамъ преосвященный полагалъ назначить слѣдующее: студенту богословія 35 р. асс., фисософіи—30 р. и риторики—25 р. ас.

Ознакомимся кстати и съ мнѣніемъ святѣйшаго синода, на которое часто ссылался епископъ Сильвестръ.

Синодъ пришелъ къ такимъ выводамъ. Обученіе въ сельскихъ школахъ можетъ происходить лишь въ періодъ времени отъ окончанія полевыхъ работъ до начала ихъ, ибо во время полевыхъ работъ священно- и церковно-служители, «упражняясь въ земледѣліи, имѣютъ слѣдующія занятія: убираютъ хлѣбъ, молотятъ, производятъ починку строеній, мочатъ пеньку, сушатъ и обработываютъ, возятъ въ городъ продавать и т. п.; исправляютъ должности благочинныхъ, депутатовъ и т. д. Въ силу этого нѣтъ надлежащей удобности преподавать поученія самимъ священникамъ. Но, съ другой стороны, и принимая въ разсужденіе имѣющіеся при церквахъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ по два и по три комплекта священно-церковно-служителей, а особливо по такимъ приходамъ, кои по разнымъ отдаленнымъ селеніямъ не разсѣяны, усматривается, что можно, на первый случай и доколѣ не будутъ совершенно приготовлены для сего учителя, начать преподаваніе оное учившимся въ семинаріяхъ и испытаннымъ въ честномъ и добромъ и въ прилежномъ званія своего прохожденіи дьяконамъ и причетникамъ подъ смотрѣніемъ неленостнаго преподаванія ими ученія приходскаго священника». Поэтому синодъ постановилъ: 1) учредить эти училища по сношенію съ епархіальными архіереями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть такіе священно-церковно-служители, которые могутъ преподавать ученіе; 2) въ домахъ священно-церковно-служителей школъ не учреждать, а для сего «отводить особые домы отъ свѣтскаго правительства», неподалеку отъ жилищъ причта; 3) ученіе преподавать по книгамъ, какія изданы будутъ по повелѣнію правительства, и 4) если учительская должность «одному, опредѣленному въ оную, покажется тягостною, то въ таковомъ случаѣ позволить священно-церковно-служителямъ чередоваться въ оной погодно».

Разсматривая это постановленіе, нельзя не видѣть, что св. синодъ считалъ дѣло учительства въ народныхъ школахъ занятіемъ постороннимъ для духовенства, допустимымъ постольку, поскольку оно не будетъ помѣхой не только пастырскимъ, но и хозяйственнымъ его занятіямъ; поэтому и былъ предоставленъ епархіальнымъ архіереямъ полный просторъ дѣйствій въ этомъ

дѣлѣ. Тѣмъ не менѣе министръ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскій призналъ и такое содѣйствіе со стороны духовнаго вѣдомства на первый разъ достаточнымъ.

Князь Куракинъ былъ болѣе настойчивъ. Получивъ отказъ отъ полтавскаго архіерея назначить семинаристовъ въ черниговскую гимназію для приготовленія къ учительству въ народныхъ школахъ, онъ вторично писалъ ему о томъ же. Преосв. Сильвестръ отвѣтилъ, что въ Петербургѣ министерствомъ учреждается особое училище для приготовленія учителей, куда уже затребовано отъ него 5 семинаристовъ изъ философскаго класса. Очевидно, преосвященный намекалъ на учрежденіе въ Петербургѣ Педагогическаго института, имѣвшаго совсѣмъ другое назначеніе. Князь Куракинъ не удовлетворился этимъ уклончивымъ отвѣтомъ и послѣ третьяго письма добился наконецъ того, что Сильвестръ назначилъ девять семинаристовъ для приготовленія къ учительству. Это порадовало князя, и онъ поспѣшилъ увѣдомить о томъ министра; графъ Завадовскій вскорѣ отвѣтилъ ему, и это письмо его очень интересно въ томъ отношеніи, что самъ министръ пришелъ къ печальному заключенію относительно преждевременности задуманнаго имъ дѣла. «Встрѣчалъ я многократно неподатливость равнымъ образомъ, какъ вы видите въ отношеніяхъ къ вамъ епархіальныхъ пастырей, которые приложены къ почтеннѣйшему писанію вашего отъ 22 декабря (князь писалъ въ 1805 г.). По вниманію къ отзывамъ святѣйшаго синода, что отъ обращенія духовныхъ семинаристовъ къ образованію въ учители для народныхъ училищъ оскудѣютъ епархіальныя семинаріи для предмета наполненія изъ оныхъ въ епархіяхъ весь причтъ церковный (sic), государь императоръ повелѣлъ, дабы министерство народнаго просвѣщенія о всякомъ семинаристѣ, котораго хотѣло бы къ употребленію по своей части, докладывало ему безпосредственно. Слѣдственно, не можно считать на великую помощь вообще учебной части отъ сихъ разсадниковъ, плодами не изобилующихъ. Я чувствую всю цѣну горячихъ попеченій вашего сіятельства въ устроеніи учебныхъ заведеній въ вашихъ губерніяхъ, въ побужденіи дворянамъ основать приходскія училища. Сія статья

хотя есть въ генеральномъ предположеніи, но она къ послѣдствіямъ принадлежитъ, когда лучъ просвѣщенія воздѣйствуетъ въ другихъ степеняхъ и выведетъ насъ изъ настоящаго недостатка имѣть учителей. Потому приходскія училища не вдругъ повсюду, а исподоволь и гдѣ есть способы къ тому, могутъ быть открываемы. Ближе было бы приходскому священнику преподавать въ оныхъ ученіе, но многіе ли изъ нихъ способны или ревнительны питать овцы своего стада ученьемъ имъ полезнымъ? Предавъ сію мысль вашему проницательному разсужденію, имѣю честь быть...» (подпись).

Планъ Куракина былъ—учредить приходскія училища въ уѣздныхъ городахъ, а затѣмъ нѣсколько по уѣздамъ, расширяя ихъ сѣть постепенно. Полтавская казенная палата, по его предписанію, представила ему статистическія данныя о количествѣ церквей, приходовъ, о числѣ муж. пола въ каждомъ изъ приходовъ, а также приблизительную смѣту, во что обойдется наемъ помѣщеній для училищъ и отопленіе ихъ. Эти данныя были собираемы съ 1806 г. и представлены только въ 1807 году. Всѣхъ церквей въ полтавской епархіи по этимъ даннымъ было 777, приходовъ 884, жителей мужскаго пола 337,713 д. Всѣхъ школъ предполагалось учредить 598. Наемъ помѣщеній для нихъ, по разсчету палаты, долженъ обойтись въ 9766 руб., а отопленіе въ 11606 руб. асс.

Но князь Куракинъ не успѣлъ привести въ исполненіе хотя бы часть этого проекта. Въ 1808 г. онъ занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ и переселился въ Петербургъ. Изъ представленныхъ нами данныхъ нельзя не видѣть, что кн. Куракинъ, такъ много желавшій сдѣлать для ввѣренныхъ ему губерній въ дѣлѣ школьнаго обученія, не встрѣтилъ сочувствія въ представителяхъ тогдашняго духовенства и, понятно, его просвѣтительныя начинанія не привели ни къ какимъ послѣдствіямъ.

Не встрѣтилъ онъ сочувствія и среди дворянства черниговской и полтавской губерній. Еще въ 1805 году кн. Куракинъ обратился ко всѣмъ уѣзднымъ маршаламъ этихъ губерній съ предложеніемъ озаботиться устройствомъ школъ въ помѣщичьихъ имѣ-

ніяхъ. Разсчетъ князя, что въ дворянствѣ, какъ культурномъ классѣ общества, онъ встрѣтитъ сочувствіе, не оправдался. Это было время крѣпостного права, когда объ образованіи крѣпостныхъ не только не думали, но считали его лишнимъ и даже вреднымъ, не соотвѣтствующимъ самому положенію крѣпостныхъ людей, въ которыхъ видѣли только даровыхъ работниковъ для помѣщика. Многіе изъ предводителей даже не отвѣтили князю, другіе увѣдомили только о полученіи его предложенія, и лишь немногіе отвѣтили на его предложенія. Такъ, зѣньковскій предводитель отвѣтилъ: «многіе дворяне въ отзывахъ своихъ изъясняютъ, что въ помѣстьяхъ учреждать приходскія училища неудобно, поелику оные есть малопомѣстные и расположены по разнымъ мѣстамъ, а безъ помощи другихъ нѣтъ удобности. Въ случаѣ учрежденія школъ, добавляетъ предводитель, мелкопомѣстные готовы участвовать, при чемъ подполковникъ Козицкій вызвался пожертвовать 200 р. Обѣщалъ оказать все свое содѣйствіе и роменскій предводитель, если будутъ учреждены школы». Вотъ и всѣ отзывы на предложеніе князя приступить къ устройству школъ. Таковы были результаты заботъ кн. Куракина о насажденіи просвѣщенія въ черниговской и полтавской губерніяхъ.

Подведемъ итоги всему сказанному нами.

Въ старой Малороссіи существовали многочисленныя приходскія школы, не только подготовлявшія учащихся къ прохожденію дьячковской должности, но и дававшія грамотность и извѣстное книжное и эстетическое образованіе. Школы эти были созданы не правительствомъ, ни епархіальнымъ начальствомъ, а самыми прихожанами, народомъ. Къ концу XVIII в. школы эти постепенно начинаютъ исчезать, чему причиной послужило введеніе при церквяхъ штатовъ, а болѣе всего ревизія 1782 г., прикрѣпившая всѣхъ и каждаго къ опредѣленному мѣстожительству и роду занятій. Прикрѣпленіе это уничтожило, конечно, свободное передвиженіе, чѣмъ и уничтожило эти школы.

И. Фр. Павловскій.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Извлеченіе изъ архивныхъ дѣлъ объ учрежденіи приходскихъ школъ въ Малороссіи въ генералъ-губернаторство князя А. Б. Куракина. (Архивъ Полт. Губ. Правленія по описи № 153 и Полт. Депут. Собр. по описи № 10).

I. *Донесеніе черниговскаго губернатора барона Френсдорфа.*

Его сіятельству, господину дѣйствительному тайному совѣтнику, сенатору, малороссійскому генералъ-губернатору, дѣйствительному камергеру и кавалеру князю Алексѣю Борисовичу Куракину отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, малороссійскаго черниговскаго гражданскаго губернатора рапортъ.

Вслѣдствіе предписанія вашего сіятельства отъ 22 прошлаго марта, за № 667, ко мнѣ послѣдовавшаго, а мною сего апрѣля 6 числа полученнаго, имѣю честь вашему сіятельству донести: приходскія училища, или такъ называемыя школы, хотя имѣются въ здѣшнемъ краю, но не во всякомъ приходѣ, а въ нѣкоторыхъ только при церквахъ въ выстроенныхъ корпусахъ изъ церковныхъ доходовъ или отъ прихожанъ для жительства дьячковъ, которые, сколько мнѣ извѣстно, состоятъ изъ одной или двухъ простыхъ избъ и то въ худомъ положеніи, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, то въ собственныхъ дьячковъ домахъ; дѣти отдаются для обученія грамотѣ, читать и писать, большею частью по городамъ—купцовъ и мѣщанъ, а въ селеніяхъ—козаковъ и другихъ средняго рода людей; они обучаются дьячками первоначально читать по букварю, потомъ часословъ и псалтырь церковной печати и по

старому методу; нѣкоторые же и писать, но въ самомъ несовершенствѣ по неумѣнію того дьячковъ; а принимаются дѣти для обученія по добровольному съ родителями или попечителями ихъ условію, съ заплатою за обученье каждой книги, безъ означенія на то времени и смотря по состоянію каждаго. И какъ церковные дьячки состоятъ всѣ въ вѣдѣніи духовнаго начальства, то привесть въ порядокъ сіи школы и даже имѣть объ нихъ совершенное свѣдѣніе, гдѣ точно оные есть, а гдѣ нѣтъ, мнѣ неудобно, что и предлагаю на благоразсмотрѣніе вашего сіятельства. Губернаторъ баронъ Френсдорфъ. Апрѣля 10 дня 1803 г. Черниговъ.

Князь А. Б. Куракинъ, получивъ это донесеніе, предписалъ губернатору снестись съ черниговскимъ архіепископомъ, что и сдѣлалъ губернаторъ, о чемъ и увѣдомилъ князя:

«Вашего сіятельства предписаніе отъ минувшаго апрѣля подъ № 1039 (чтобы снестись съ черниговскимъ архіепископомъ усугубить попеченіе, дабы привесть приходскія школы въ совершенный порядокъ) сего маія 12 числа я имѣлъ честь получить и во исполненіе онаго отнесся я къ преосвященному Виктору, архіепископу малороссійскому черниговскому и кавалеру, чтобъ онъ, какое по сему предмету учинитъ распоряженіе, меня увѣдомилъ къ вспоспѣшествованію, есть ли что будетъ и отъ меня зависѣть моимъ содѣйствіемъ къ совершенному устройству приходскихъ школъ, вашему сіятельству почтеннѣйше о томъ доношу, докладывая притомъ, что по испытанію моему, въ проѣздъ мой нынѣ черезъ козелецкій и нѣжинскій повѣты, приходскіе священники объявили, что нарочитыхъ приходскихъ школъ при церквахъ городскихъ и сельскихъ не имѣется, а обучаются дѣти у дьячковъ, и то у нѣкоторыхъ только, въ домахъ ихъ. 1803 года, мая 15, Нѣжинъ. № 2769».

Получивъ эту бумагу, кн. Куракинъ предписываетъ губернатору обратить вниманіе на устройство школъ, «ежели оные не существуютъ, дабы устроеніе и заведеніе ихъ на правилахъ, для сего постановленныхъ, воспріяло свое начало въ непродолжительномъ времени, тѣмъ болѣе, что сіе относится къ пользѣ общей и просвѣщенію юношества». (Іюня 12, 1803 года, за № 1521).

На это черниговскій губернаторъ донесъ князю рапортомъ о своемъ сношеніи съ черниговскимъ архіепископомъ Викторомъ:

«Вашего сіятельства предписаніе отъ 12 іюня, подъ № 1521, о обращеніи вниманія, дабы устроеніе и заведеніе въ сей губерніи при-

ходскихъ училищъ на правилахъ для сего постановленныхъ воспріяло свое начало въ непродолжительномъ времени, сего жъ іюня 18 числа я имѣлъ честь получить, и какъ на отношеніе мое объ оныхъ приходскихъ училищахъ преосвященный Викторъ, черниговскій архіепископъ и кавалеръ, извѣщаетъ меня, что по городамъ, мѣстечкамъ и селамъ нѣкоторые въ школахъ приходскихъ проживающіе дьячки обучаютъ дѣтей разнаго званія людей русской грамотѣ по произволу отцовъ, столько, сколько кому время и обстоятельства позволятъ, единственно по книгамъ церковнымъ и ихъ ученіе до распоряженія по части духовнаго правительства никогда не относилось и нынѣ не относится; а по предварительнымъ правиламъ народнаго просвѣщенія сказано: приходскія училища въ селеніяхъ казенныхъ ввѣряются приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ жителей, а въ помѣщичьихъ онѣ предоставляются просвѣщенной и благонамѣренной попечительности самихъ помѣщиковъ, то я, не находя нигдѣ въ проѣздъ мой нынѣ по губерніи заведенныхъ приходскихъ училищъ, кромѣ тѣхъ, о коихъ имѣлъ уже я честь вашему сіятельству донести, предписалъ повѣтовымъ господамъ маршаламъ, нижнимъ земскимъ судамъ, чтобы съ нихъ первіе, внуша помѣщикамъ, предоставили старанію и попеченію ихъ о заведеніи и устроеніи въ помѣщичьихъ селеніяхъ приходскихъ училищъ, а нижніе земскіе суды, также внуша въ казенныхъ селеніяхъ жителямъ, старались бы, согласно предварительнымъ правиламъ народнаго просвѣщенія, устроить и завесть таковые училища, ввѣря оные приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ жителей, въ каждомъ ли приходѣ можно оные учредить, или въ двухъ вмѣстѣ, объ ономъ, какъ по распоряженіяхъ и успѣхѣ по сему, мнѣ донести, о чемъ вашему сіятельству почтеннѣйше доношу». Іюня 30. 1803 года. Стародубъ.

Князь А. Б. Куракинъ, получивъ это донесеніе, рѣшился самъ обратиться къ преосвященнымъ—черниговскому Виктору и переяславскому Сильвестру съ такого рода письмами:

Ваше преосвященство, милостивый мой архипастырь!

Желая всемѣрно споспѣшествовать предварительно учрежденію въ Малороссіи приходскихъ училищъ, въ правилахъ народнаго просвѣщенія назначенныхъ, кои должны быть подъ наблюденіемъ приходскихъ священниковъ, обращаю къ вашему преосвященству покор-

нѣйшую просьбу мою о вспоможеніи въ семъ случаѣ начальственнымъ вашимъ содѣйствіемъ въ предписаніи приходскимъ священникамъ вашей епархіи о принятіи на себя попеченій наблюдать за таковыми училищами, дабы лучшій успѣхъ получило сіе высочайше назначаемое введеніе просвѣщенія. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть навсегда вашего преосвященства, милостиваго моего архипастыря... Полтава. Августа 1 дня, 1803 года. (Арх. Полт. Губ. Правленія, по описи № 153).

На это письмо послѣдовалъ отвѣтъ пр. Сильвестра:

Ваше сіятельство, милостивый государь мой и благодѣтель!..

На почтеннѣйшее вашего сіятельства отношеніе о предписаніи приходскимъ здѣшней епархіи священникамъ о наблюденіи за училищами въ правилахъ народнаго просвѣщенія, имѣю честь ваше сіятельство извѣстить, что какъ по указу изъ святѣйшаго правительствующаго синода, минувшаго марта отъ 18 числа, вслѣдствіе даннаго оному высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшему, представлено отъ меня въ оный мнѣніе о преподаваніи въ тѣхъ училищахъ ученія священно-церковно-служителямъ, съ чѣмъ сопрягается и наблюденіе священниками за училищами, то до полученія на оное разрѣшенія, священниковъ къ сему наблюденію опредѣлить я не могу, а когда изъ святѣйшаго синода послѣдуетъ по сему предмету повелѣніе, тогда не премину дать черезъ кого слѣдуетъ священникамъ и прочимъ церковнослужителямъ надлежащее о томъ предписаніе и ваше сіятельство увѣдомить; въ прочемъ есмь и пребыть имѣю всегда съ истиннымъ къ особѣ вашего сіятельства высокопочитаніемъ и совершенною преданностью вашего сіятельства, милостиваго государя моего и благодѣтеля, покорнѣйшій слуга Сильвестръ, епископъ малороссійскій переяславскій. № 188. Августа 13 дня, 1803 года. (Арх. Полт. Губ. Правленія по описи № 153).

Письмо кн. Куракина къ митрополиту петербургск. Амвросію.

Ваше высокопреосвященство, милостивый архипастырь мой!

Желая всемѣрно споспѣшествовать предварительно учрежденію въ Малороссіи сельскихъ училищъ, въ правилахъ народнаго просвѣщенія, назначеніе коихъ должно быть подъ наблюденіемъ приходскихъ

священниковъ, относился я къ обоимъ малороссійскимъ преосвященнымъ: Виктору, архіепископу черниговскому, и Сильвестру, епископу переяславскому, о споможеніи въ семъ случаѣ начальственнымъ ихъ содѣйствіемъ, вслѣдствіе сего епископъ переяславскій извѣстилъ меня, что по указу святѣйшаго правительствующаго синода, минувшаго марта отъ 18 числа къ нему послѣдовавшему, представлено отъ него мнѣніе о преподаваніи ученія священно-и церковно-служителями, съ чѣмъ сопрягается и наблюденіе священниками за училищами, а потому и отношу къ вашему высокопреосвященству покорнѣйшую просьбу употребить милостивое содѣйствіе, дабы представленіе сіе получило незамедлительное разрѣшеніе; имѣю честь быть впрочемъ съ совершеннымъ неизмѣннымъ почтеніемъ вашего высокопреосвященства, милостиваго архипастыря моего... (Арх. полт. губ. правленія по описи № 153). Сентября 7, 1803 года.

Отвѣтъ митрополита Амвросія.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь!

На почтеннѣйшее отношеніе вашего сіятельства отъ 7 числа минувшаго сентября, коимъ требовать изволите содѣйствія моего, дабы по представленію преосвященнаго епископа переяславскаго о преподаваніи ученія священно-церковнослужителями въ сельскихъ школахъ въ святѣйшемъ синодѣ рѣшеніе скорѣе послѣдовало, честь имѣю отвѣтствовать, что оное неукоснительно послѣдовать имѣетъ по собраніи изъ всѣхъ епархій потребныхъ на сей предметъ свѣдѣній. О чемъ извѣстя, съ совершеннымъ почитаніемъ и преданностью пребываю вашего сіятельства, милостиваго государя, всепокорнѣйшій слуга Амвросій, м. новгородскій. (Арх. полт. г. правл. № 153) Октября 1 дня, 1803.

Отношеніе къ преосвященному Сильвестру.

Ваше преосвященство, милостивый мой архипастырь!

Ваше преосвященство почтеннымъ отзывомъ ко мнѣ отъ 13 августа за № 188 предварили меня не оставить увѣдомленіемъ о повелѣніи, какое послѣдуетъ изъ Святѣйшаго Синода по представляемому мнѣнію нащетъ преподаванія ученія священно и церковно-служителями въ приходскихъ училищахъ подъ наблюденіемъ священниковъ, что по благословному вашему ко мнѣ благорасположенію повторили лично въ

проѣздъ мой черезъ Переяславъ. Я, получивъ теперь отъ высокопреосвященнаго Амвросія, митрополита новгородскаго, извѣщеніе, что разрѣшеніе упоминаемаго мнѣнія въ святѣйшемъ синодѣ неукоснительно имѣетъ послѣдовать, въ надѣяніи на сіе обѣщаніе, прошу покорнѣйше васъ, милостивый мой архипастырь, о снисходительномъ ускореніи въ удовлетвореніи моей просьбы, чѣмъ обязать изволите совершенною благодарностью пребывающаго съ истиннымъ и непремѣннымъ почтеніемъ вашего преосвященства, милостиваго архипастыря... (Арх. полт. губ. правл., по описи № 153). Декабря 2, 1803 года.

Отвѣтное письмо еп. Сильвестра.

Ваше сіятельство, милостивый государь мой и благодѣтель!

Въ угодность требованію вашего сіятельства, вчерашняго дня въ почтеннѣйшемъ вашемъ отношеніи сего мѣсяца отъ 2 числа мнѣ сообщенному, пріятнѣйшимъ поставляю для себя долгомъ препроводить и сію къ вашему сіятельству копію съ рапорта моего въ святѣйшій синодъ, содержащаго мое мнѣніе по предмету преподаванія священно-церковно-служителями въ приходскихъ сельскихъ училищахъ ученія. Увѣдомляя васъ, что разрѣшеніе на сіе еще не послѣдовало, но какъ скоро оное получу, въ тоже время извѣстить васъ, милостиваго государя, не премину, впрочемъ прошу ваше сіятельство совершенно быть увѣренными въ истинномъ къ особѣ вашей высокопочитаніи и преданности, съ которыми имѣю честь быть всегда вашего сіятельства мил. государя моего и благодѣтеля всепокорнѣйшій слуга Сильвестръ, епископъ малороссійскій переяславскій. (Архив. полтав. губ. правленія, по описи № 153). Декабря 20, 1803 года.

Мнѣніе епископа Сильвестра, поданное въ святѣйшій синодъ.

Въ святѣйшій правительствующій синодъ. Сильвестра, епископа малороссійскаго переяславскаго и ордена святыя Анны 1 класса кавалера, рапортъ.

Его императорскаго величество указомъ изъ святѣйшаго правительствующаго синода, минувшаго марта отъ 18-го, подъ № 104, съ прописаніемъ имянныхъ его императорскаго величества высочайшихъ указовъ: перваго, даннаго святѣйшему синоду генваря 24 дня о принятіи со стороны оннаго соотвѣтственныхъ мѣръ для содѣйствія бла-

гоуспѣшному теченію народнаго просвѣщенія; второго, объявленнаго святѣйшему синоду, въ вѣдѣніе правительствующаго сената, даннаго оному того же января въ 24 день съ утвержденіемъ поднесенныхъ его императорскому величеству министромъ просвѣщенія обще съ членами правленія училищъ предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія,—между прочимъ велѣно мнѣ, въ святѣйшій синодъ представить мнѣніе свое: можно ли приходскимъ сельскимъ священникамъ, хотя нѣкоторымъ, а особливо, гдѣ состоитъ не одинъ причтъ священнослужителей и имѣются притомъ дьяконы, поручить преподаваніе ученія, для приходскихъ училищъ предполагаемаго, безъ отягощенія ихъ и остановки въ исправленіи прочихъ ихъ должностей? или не найдутся ли къ сему на первый случай способные изъ церковниковъ, при тѣхъ церквахъ состоящихъ, такъ же изъ уволенныхъ отъ должностей священно-церковнослужителей, коихъ съ пользою можно было употребить подъ смотрѣніемъ только приходского того селенія священника?..

Во исполненіе такого святѣйшаго правительствующаго синода предписанія, по собираніи переяславскою духовною консисторіею, въ каковыхъ здѣшней епархіи селеніяхъ священники или дьяконы или причетники состоятъ изъ учившихся въ семинаріи или академіи и въ которыхъ учившіеся одному россійскому и другихъ къ составленію по сему предмету положенія нужныхъ свѣдѣній, явствуетъ 1) изъ уволенныхъ отъ должностей священноцерковнослужителей хотя является въ вѣдомствѣ духовномъ нѣкоторое число, а именно 102 человѣка, но оные всѣ, какъ въ сообразность указа 1778 года, октября 8 дня, по старости и слабости отъ должностей уволены, потому къ употребленію сему мало надежны. 2) Напротивъ же, какъ изъ состоящихъ въ дѣйствительномъ служеніи учившихся въ семинаріяхъ или академіяхъ священнослужителей является 769, селеній же, кромѣ городовъ, во всей епархіи изъ двухъ и болѣе приходовъ состоящихъ 232, да одноприходныхъ 450, изъ коихъ въ первыхъ полагая по одному приходскому училищу, а въ послѣднихъ по одному таковому, соединяя по два селенія, нужно будетъ по сей епархіи жителей для всѣхъ по епархіи приходскихъ училищъ 457. 3) Хотя изъ показанныхъ учившихся въ семинаріяхъ или академіи, въ дѣйствительномъ служеніи состоящихъ 769 человѣкъ и найдутся таковые, коимъ по одиночеству въ своемъ служеніи не совмѣстно будетъ преподаваніе ученія, но какъ довольное количество въ переяславской семинаріи семинаристовъ изъ свя-

щенноцерковнослужительскихъ дѣтей, съ одной стороны требующихъ въ продолженіи ученія своего пособій казенныхъ, съ другой—не подающихъ надежды къ продолженію съ успѣхомъ высшихъ наукъ, заставляетъ меня каждогодно въ сентябрѣ дѣлать разборъ, паче достигшимъ риторическаго ученія, и изъ таковыхъ каждогодно исключается въ причтъ довольное количество, а ихъ мѣста въ казенномъ семинарскомъ домѣ занимаютъ другіе, къ классическому ученію изготовленные священнослужительскіе дѣти, такъ что каждогодно и выбываетъ въ причтъ довольное количество, и комплектное число въ семинаріи каждогодно пополняется. Кромѣ жъ сего, и самимъ своекоштнымъ таковой же ежегодно дѣлается разборъ. Всѣ тѣ безъ исключенія семинаристы изъ самыхъ нижнихъ грамматическихъ классовъ, кромѣ учебныхъ каждаго класса предметовъ, обучаются въ опредѣленныя часы по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ—ариѳметикѣ, а по субботамъ катехизису; потому таковые исключающіеся по извѣстнымъ разборамъ семинаристы способны и могутъ, буде гдѣ дѣйствительно служащимъ несовмѣстно преподаваніе ученія, пополнять учительскія въ приходскихъ училищахъ мѣста; 4) при всемъ семъ, какъ соблюдается со стороны моей во ввѣренной мнѣ епархіи то, что каждогодно къ сентябрю и вѣдомости отъ духовныхъ правленій и благочинныхъ присылаются въ консисторію объ обучившихся россійскому письму священноцерковнослужительскихъ дѣтяхъ, и самыя таковыя дѣти въ семинарію доставляются, такъ соблюдено будетъ и то, чтобъ и самые возрастные, при отцахъ безъ помѣщенія состоящіе, не иначе помѣщаемы были на причетническія мѣста, какъ по предварительномъ въ семинаріи хотя въ начаткахъ ариѳметическихъ и въ катехизисѣ образованіи, дабы и таковые, бывъ помѣщены въ причтѣ, могли употреблены быть по сему предмету, хотя подъ смотрѣніемъ приходскаго, совершеннѣе въ сихъ предметахъ образованнаго священника, но по одиночеству въ своемъ служеніи должности сельскаго учителя отправлять не могущаго. По таковымъ обстоятельствамъ при сихъ моихъ предположеніяхъ полагаю мнѣніе, что во ввѣренной мнѣ переяславской епархіи можно, при распоряженіи отъ надлежащаго правительства по селеніямъ приходскихъ училищъ, поручить преподаваніе ученія, для таковыхъ училищъ предполагаемаго, священноцерковнослужителямъ здѣшней епархіи, поставляя самое расположеніе или размѣщеніе къ тому способныхъ къ самому тому времени и положенію, когда и какъ расположены будутъ таковыя приходскія училища; что

однако на благоразсмотрѣніе святѣйшему правительствующему синоду покорнѣйше предаю.

Іюля 8 дня, 1803 года. Подлинный подписалъ: Сильвестръ, епископъ малороссійскій переяславскій. Іосифъ Козачковскій, городского собора протоіерей, семинаріи префектъ. (Архивъ. полт. губ. правленія по описи № 153).

Рапортъ полтавскаго губернатора Сонцева о причинѣ исчезновенія школъ.

Господину малороссійскому генералъ-губернатору.

По содержанію почтеннаго предписанія вашего сіятельства, прошлаго апрѣля 10 числа мною полученнаго, о надзрѣніи, дабы существующія издревле въ Малороссіи приходскія училища, естьли онѣ и нынѣ въ полтавской губерніи находятся, приведены были въ возможный порядокъ, я предписалъ всѣмъ полтавскимъ городничимъ и нижнимъ земскимъ судамъ, чтобы они, учиня выправку, естьли училища такого рода въ вѣдомствахъ ихъ окажутся, то, взявъ таковыя въ попечительное надзрѣніе, имѣть въ таковомъ всегда съ наблюденіемъ, дабы въ возможнѣйшемъ порядкѣ содержимы были, мнѣ же доставить свѣдѣнія какъ объ оныхъ училищахъ, такъ о находящихся въ оныхъ ученикахъ, на какомъ положеніи оные содержутся и какой отъ кого учители получаютъ платежъ. Изъ собранныхъ нынѣ мною о семъ донесеній значится, что хотя въ прежнихъ годахъ состояли по селеніямъ при приходскихъ церквахъ училища подъ названіемъ «школы» и въ нихъ бывали ученики изъ разнаго званія людей и преподавалось имъ ученіе россійской грамоты отъ приходскихъ дьячковъ, кои были зашедшіе изъ разныхъ мѣстъ и, не имѣвъ своихъ осѣдлостей, въ тѣхъ школахъ проживали, получая отъ родителей тѣхъ учениковъ за ученье умѣренный платежъ деньгами и хлѣбомъ, однако то было во время свободнаго съ мѣста на мѣсто перехода людей, т. е. до сочиненія въ 1782 году ревизіи, а когда затѣмъ таковый переходъ пресѣченъ и тѣ дьячки, поступивъ по оной ревизіи въ званіе, каждому свойственное, обзавелись жительствомъ въ своихъ домахъ, а школы между тѣмъ пришли въ обветшалость, то сами по себѣ и упразднились, и нынѣ таковыхъ училищъ въ губерніи полтавской нѣтъ. Обучаются же по нѣкоторымъ городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ дѣти дворянскіе, козачіе и другаго званія начальной россійской грамотѣ,

граматки, часослова и псалтирѣ у дьячковъ приходскихъ церквей и другихъ частныхъ людей, собственными своими домами живущихъ, за разнообразную по договорамъ заплату. О чемъ вашему сіятельству честь имѣю донести. Полтавскій губернаторъ Сонцевъ. (Архивъ полт. губ. правленія № 153. 10 ноября, 1803 года, № 4827.

Получивъ это донесеніе, князь Куракинъ еще разъ отнесся къ губернатору Сонцеву:

Господину полтавскому гражданскому губернатору.

Степень ученія, въ предварительныхъ правилахъ о народномъ просвѣщеніи названная «приходскія училища», по мнѣнію моему, заключаетъ въ себѣ тѣ самыя школы по нѣкоторымъ городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ полтавской губерніи, гдѣ дѣти дворянскіе, козачіе и другаго званія обучаются начальной россійской грамотѣ у дьячковъ приходскихъ церквей и другихъ частныхъ людей, хотя собствеными своими домами живущихъ, за разнообразную по договорамъ заплату; а поелику не имѣютъ они никакого еще образованія, я прошу ваше превосходительство, собравъ вѣрнѣйшіе объ оныхъ подробныя свѣдѣнія: въ которыхъ мѣстахъ они именно существуютъ и на какихъ основаніяхъ, доставить ко мнѣ, употребивъ при томъ начальственное ваше попеченіе въ приведеніи тѣхъ училищъ въ положеніе, соотвѣтственное правиламъ для нихъ предначертаннымъ. Свѣдѣнія, сколько и гдѣ именно по губерніи таковыхъ существуетъ, оныя доставить ко мнѣ. Малорос. генер.-губернаторъ. (Архивъ полт. губ. правленія, по описи, № 153). Ноября 30 дня, 1803 г. № 5750.

Мнѣніе св. синода и указъ правит. сената объ участіи сельскаго духовенства въ преподаваніи въ школахъ.

Указъ его императорскаго величества самодержца всероссійскаго. Изъ малоросійскаго полтавскаго губернскаго правленія заступающему мѣсто здѣшняго губернскаго маршала, прилукскому повѣтовому господину маршалу Горленку. Въ указѣ его императорскаго величества изъ правительствующаго сената, отъ 31 января подъ №. 1622 пущенномъ, а въ семъ правленіи 23 февраля сего года полученномъ, напечатано: по указу его императорскаго величества правительствующій сенатъ слушали донесеніе министра народнаго просвѣщенія, господина дѣй-

ствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера графа Петра Васильевича Завадовскаго, что препровожденное къ нему при указѣ правительствующаго сената прошедшаго 1804 года, сентября 12 дня вѣденіе святѣйшаго синода о сдѣланномъ въ ономъ положеніи касательно преподаванія священно и церковно-служителями въ сельскихъ приходскихъ училищахъ ученія предложено отъ него было главному училищъ правленію, которое признало принятыя по сему предмету святѣйшимъ синодомъ мѣры на первый случай достаточными; съ каковымъ мнѣніемъ онъ, господинъ министръ, будучи согласенъ, представляя о семъ правительствующему сенату, возвращая при томъ въ подлинникѣ помянутое вѣденіе святѣйшаго синода, въ которомъ значитъ: что святѣйшій синодъ, разсматривая мнѣнія, вступившія отъ епархіальныхъ архіереевъ, относительно преподаванія въ приходскихъ училищахъ священно и церковно-служителями ученія и соображаясь какъ съ предварительными правилами народнаго просвѣщенія, такъ и съ обстоятельствами самихъ священно-церковнослужителей, находитъ, что въ приходскихъ училищахъ назначается продолжать ученіе отъ окончанія полевыхъ работъ до начала оныхъ въ слѣдующемъ годѣ; а въ показанное время священно и церковно-служители, упражняясь въ земледѣліи, имѣютъ слѣдующія занятія: убираютъ хлѣбъ съ поля, молотятъ, сѣно, солому и дрова возятъ, присмотръ имѣютъ за прокормленіемъ скота, производятъ починку и строеніе около дома, пеньку мочатъ, сушатъ, обработываютъ и возятъ въ городъ избытки свои для продажи, по званіямъ же ихъ занимаясь служеніемъ и требами, исправляютъ сверхъ того должности благочинныхъ, духовниковъ, депутатовъ, занимаются перепискою метрическихъ и исповѣдныхъ книгъ, а въ случаѣ выбытія изъ котораго прихода священника, до опредѣленія другаго, отправляютъ и по тому приходу служеніе и требы, для каковыхъ требъ, особливо гдѣ прихожане живутъ въ разныхъ мѣлкихъ селеніяхъ и въ отдаленности отъ церквей, бываютъ въ отлучкѣ по нѣскольку времени; почему и нѣтъ надлежащей удобности преподать то ученіе самимъ священникамъ. Но съ другой стороны, пріемля въ разсужденіе имѣющіяся при церквахъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ по два и по три комплекта священно- церковнослужителей, а особливо по такимъ приходамъ, которые по разнымъ и отдаленнымъ селеніямъ не разсѣяны, усматривается, что можно на первый случай и доколѣ не будутъ совершенно приготовлены предположенные для сего учители, начать преподавать оное ученіе учившимся въ семинаріяхъ и испи-

таннымъ въ честномъ и добромъ поведеніи и въ прилежномъ званія своего прохождении дьяконамъ и причетникамъ подъ смотрѣніемъ относительно нелѣностнаго преподаванія ими ученія приходскаго священника и благочиннаго; а въ разсужденіи должнаго тому повиновенія и послушанія учащихся, на основаніи предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія главы I, статьи 4, подъ надзираніемъ почетнѣйшаго жителя. А по таковымъ обстоятельствамъ святѣйшій синодъ впредь до разсмотрѣнія и полагаетъ: *Первое*, училища въ приходахъ учредить по сношеніямъ съ епархіальными архіереями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть такіе священнослужители, кои могутъ преподавать ученіе, въ противномъ случаѣ епархіальные архіереи не оставятъ взять своихъ мѣръ переведеніемъ или опредѣленіемъ въ тѣ приходы способныхъ къ сему преподаванію. *Второе*, училищъ въ домахъ священноцерковнослужителей не учреждать, а отводить для сего особые домы отъ свѣтскаго правительства, неподалеку отъ жилищъ священноцерковнослужителей и прихожанъ; да и самое ученіе преподавать по книгамъ, какія изданы будутъ по повелѣнію правительства, и учащимъ какъ для покупки книгъ, такъ и для прочаго нужнаго къ преподаванію ученія никакихъ расходовъ отъ себя не имѣть. *Третье*, въ селеніяхъ обращавшихся въ православную вѣру греко-россійскаго исповѣданія, какъ то: корелъ, черемисъ, мордвы, вотяковъ, татаръ, чувашъ и прочихъ, кои дѣти по-русски не разумѣютъ, учить священно и церковнослужителямъ въ школахъ и въ церквахъ наставленіе производить на ихъ природномъ языкѣ дотолѣ, доколѣ всѣ ихъ прихожане отъ мала до велика разумѣть будутъ совершенно россійскій языкъ; а для преподаванія таковаго ученія и можно будетъ употребить на первый случай назначенные святѣйшимъ синодомъ къ изданію въ печать книги на россійскомъ языкѣ съ переводомъ на упомянутые, содержащія въ себѣ церковныя молитвы, символъ вѣры, десятословіе и катехизисъ, каковыя книги для сихъ обращенныхъ въ вѣру греческаго исповѣданія народовъ могутъ послужить къ лучшему вразумленію ихъ и понятію о богопочитаніи и истинномъ познаніи святости христіанской вѣры. И для того въ тѣ села во всѣ священнослужительскіе чины, открываться имѣющіе, производить или изъ семинаріи тамошнихъ уроженцевъ, знающихъ непремѣнно употребляемый тамъ языкъ, или и самыхъ жителей, обучая послѣднихъ при производствѣ первымъ дѣйствіямъ ариѳметики въ семинаріи. *Четвертое*, буде учительская должность одному опредѣленному въ оную окажется тягостною, въ тако-

вомъ случаѣ позволить священноцерковнослужителямъ чередоваться въ оной погодно или какъ они сами за благо и полезно для себя разсудять; а къ таковому облегченію ихъ себя, особливо же въ которомъ селѣ окажется изъ священно и церковнослужителей одинъ только ученый, а прочіе нимало въ семинаріяхъ и училищахъ не обучавшіеся, долженъ обучающій на ряду съ будущими учениками заставить слушать въ училищахъ и причетниковъ нужное къ учительскому званію и приготовлять на помощь себѣ, а со временемъ и на перемѣну себя, что исполниться можетъ въ очень короткое время, ибо читать и писать каждый церковникъ, безъ сомнѣнія, знаетъ, а остается только показать каждому начальныя дѣйствія ариѳметики, до чего прочіе ученики временемъ нужнымъ на обученіе читать и писать дойти могутъ; слѣдовательно каждый изъ причетниковъ неученыхъ къ нужному времени исправиться можетъ. *Пятое*, если гдѣ окажутся священно и церковнослужители всѣ въ семинаріи и духовныхъ училищахъ не обучавшіеся, въ такомъ случаѣ переводить въ оные изъ другихъ селъ, въ коихъ таковыхъ избыточно окажется, по согласію однакожъ нужныхъ къ переводу, а затѣмъ несогласіе на то прихожанъ и самаго переводимаго за неспособностію причетника не уважать; равнымъ образомъ и изъ обучающихъ дьяконовъ и причетниковъ преимущественно производить въ высшія степени на открывающіяся при другихъ церквахъ мѣста, гдѣ нѣтъ таковыхъ училищъ, дабы когда сіи и тамъ учредятся, могли они преподавать въ нихъ ученіе или имѣть смотрѣніе надъ училищами; соразмѣряя сему, дѣлать опредѣленіе въ мѣстахъ и семинаристовъ, какъ оканчивающихъ ученіе, такъ и выписываемыхъ за неспособностью къ высшимъ наукамъ учениковъ, но для обученія въ приходскихъ училищахъ довольно наставленными быть долженствующихъ. *Шестое*, у обучающихъ въ училищахъ священно и церковнослужителей за небытіе ихъ во время преподаванія ученія при исправленіи требъ, подлежащихъ на ихъ часть доходовъ какъ отъ земли, такъ и отъ требъ, не удерживать. *Приказали:* поелику оное положеніе правительствующаго синода о преподаваніи священно и церковнослужителями въ сельскихъ приходскихъ училищахъ ученія, какъ главнымъ училищъ правленіемъ, такъ и господиномъ министромъ народнаго просвѣщенія признано на первый случай достаточнымъ, то и сенатъ, соглашаясь съ онымъ, полагаетъ всѣмъ начальникамъ губерній и губенскимъ правленіямъ предписать, дабы они къ благоуспѣшнѣйшему произведенію въ дѣйство таковыхъ святѣйшаго синода

мѣропріятій содѣйствовали всегда по отношеніямъ духовныхъ начальствъ всѣми зависящими отъ нихъ мѣстными распоряженіями, для свѣдѣнія же дать знать о томъ и прочимъ присутственнымъ мѣстамъ, а равно и гг. министрамъ указами, московскимъ же сената департаментамъ вѣденіемъ, каковое сообщить и въ святѣйшій правительствующій синодъ для дальнѣйшаго съ его стороны по вышеизъясненному положенію его распоряженія. И по указу его императорскаго величества, малороссійское полтавское губернское правленіе опредѣлили: по оному чинить отъ сего правленія должное исполненіе, для свѣдѣнія объ ономъ и равномѣрнаго въ потребномъ случаѣ исполненія, съ прописаніемъ того правительствующаго сената указа, послать таковые отъ правленія губернскому и всѣмъ повѣтовымъ господамъ маршаламъ, полиціймейстерамъ и подкоморскимъ судамъ, городовымъ магистратамъ и ратушамъ указы. И о семъ въ здѣшнія казенную палату, генеральный судъ по обоимъ департаментамъ и приказъ общественнаго призрѣнія сообщить, совѣстному суду предложить. Іюля 28 дня, 1805 года. (Арх. Полт. Двор. Собр., 1805 г., по описи № 109, и Полт. Губ. Правленія, по описи № 247).

Увѣдомленіе Кременчугскаго нижняго земскаго суда о существованіи школъ.

Хотя въ прежнихъ годахъ состояли по селеніямъ при приходскихъ церквахъ училища подъ названіемъ отъ простолюдиновъ «школы» и въ нихъ бывали ученики, большею частію, изъ козачьихъ и крестьянскихъ дѣтей и симъ россійской грамоты преподавалось отъ приходскихъ дьячковъ, кои были зашедшіе съ разныхъ мѣстъ и, не имѣвъ осѣдлостей, въ тѣхъ школахъ проживали, получая отъ родителей тѣхъ учениковъ за ученіе ихъ умѣренный платежъ деньгами и хлѣбомъ, однако то было во время свободнаго съ мѣста на мѣсто перехода людей, то есть до сочиненія въ 1782 г. ревизіи, а когда затѣмъ таковый переходъ пресѣченъ и тѣ дьячки, поступивъ по оной ревизіи въ званіе каждому свойственное, обзавелись жительствомъ въ своихъ домахъ, а школы, между тѣмъ, пришли въ обветшалость, то сами по себѣ упразднились и нынѣ таковыхъ въ здѣшнемъ повѣтѣ нѣтъ, обучаются же, и то въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, козачьи дѣти россійской грамотѣ у дьячковъ приходскихъ церквей, собственными своими домами живущихъ, за плату симъ по договореннымъ неодинаковыми цѣнами въ разсужденіи, что таковые ученики въ маломъ числѣ обучаются въ зимнее время, а въ лѣтнее

большею частью занимаются полевыми работами. (Донесеніе отъ 16 мая 1803 г. за № 1873, по описи Полт. Губ. Правленія № 247).

Число школъ и учащихся въ 1803 г. въ полт. губ.

Князь А. Б. Куракинъ очень интересовался узнать, существуютъ ли еще школы въ Малороссіи, почему и предписалъ всѣмъ городничимъ собрать свѣдѣнія о школахъ въ уѣздныхъ городахъ, а нижнимъ земскимъ судамъ о школахъ въ уѣздахъ, что и было исполнено. Донесенія ихъ сохранились въ архивѣ; мы сочли за лучшее, въ видахъ сохраненія мѣста, а также для большей наглядности, всѣ эти данныя сгруппировать въ видѣ таблицы. Эти данныя заключаются въ дѣлѣ архива Полтавскаго Губернскаго правленія, за № 247. Они относятся къ 1803 году.

Уѣздные города.

	Число школъ при церквахъ.	Учащіеся.										
		Дѣти дворянъ.	Козаковъ.	Священно-служ.	Церковно-служ.	Помѣщ. крест.	Мѣщанъ.	Купцовъ.	Дѣти чиновник.	Солдатъ.	Воен. поселянъ.	Казен. крест.
Пирятинъ . . .	1	3	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—
Кременчугъ . . .	3	17	—	—	—	—	45	6	—	—	—	—
Ромны	2	2	6	—	—	3	14	1	—	—	—	—
Переяславъ . . .	3	5	1	—	—	2	15	—	6	2	1	2
Хоролъ	4	8	7	—	5	3	6	—	—	—	—	—
Итого	13	35	14	—	5	8	84	7	6	2	1	2

Въ остальныхъ городахъ, если вѣрить донесеніямъ, школъ не было, какъ то: въ Лубнахъ, Миргородѣ, Гадячѣ, Полтавѣ, Константиноградѣ, Прилукахъ.

Школы по уѣздамъ.

УѢЗДЫ.	Число школъ при церквахъ.	Учащіеся.										
		Дѣти дворянъ.	Козаковъ.	Священно-служ.	Церковно-служ.	Помѣщ. крест.	Мѣщанъ.	Купцовъ.	Дѣти чиновник.	Воен. поселянъ.	Солдатъ.	Казен. крест.
Переяславскій . .	18	20	53	4	2	8	—	—	—	—	—	—
Золотоношскій . .	16	47	53	2	1	—	3	1	—	—	—	22
Полтавскій . . .	6	39	24	—	4	8	9	—	—	—	—	10
Хорольскій . . .	8	8	7	—	5	3	6	—	—	—	—	—
Итого	48	114	137	6	12	19	18	1	—	—	—	32

Сюда еще надо прибавить константиноградскій уѣздъ, куда входило въ то время много селъ, перечисленныхъ потомъ въ кобелякскій уѣздъ. Въ константиноградскомъ уѣздѣ было всѣхъ школъ 22, а обучавшихся въ нихъ 187, изъ которыхъ училось букварю 24, часослову 53, псалтири 50 и обучалось письму 60. Опредѣлить число учащихся по сословіямъ трудно на основаніи донесенія нижняго земскаго суда.

О школахъ въ остальныхъ уѣздахъ свѣдѣнія таковы: въ миргородскомъ нѣтъ, въ лубенскомъ, пишетъ нижній земскій судъ, школъ нѣтъ, а обучаютъ дѣтей козаки и дьячки въ своихъ домахъ; то же самое въ прилукскомъ, роменскомъ и пирятинскомъ, гдѣ школъ нѣтъ, а есть, какъ видно изъ донесеній, при церквахъ избы, гдѣ живутъ церковники такъ называемые дьячки, но избы, большею частью, собственныя, гдѣ дьячки обучаютъ грамотѣ. Въ хорольскомъ повѣтѣ 8 школъ и обучающихся всѣхъ 53 (по сословіямъ не указано). Подведя итоги, мы видимъ, что въ 1803 году въ полтавской губерніи было: школъ 87, а обучалось въ нихъ 738 чел. Но это были только жалкіе остатки той густой сѣти школъ, какая существовала здѣсь въ XVIII ст.

Проектъ сѣти школъ въ полтавской губерніи.

Князь А. Б. Куракинъ въ 1805 г. предложилъ полтавской казенной палатѣ составить приблизительный расчетъ, сколько потребуется

начальныхъ школъ въ губерніи, во что можетъ обойтись наемъ помѣщеній и отопленіе ихъ. Казенная палата представила такой проектъ въ 1807 году, 28 мая. Эти статистическія данныя не лишены интереса. Данныя эти озаглавлены: «Вѣдомость, составленная изъ доставленныхъ отъ волостныхъ правленій и старостъ свѣдѣній о состоящихъ въ дистанціи оныхъ вѣдомства казеннаго обитателей церквахъ, имѣющихъ одинъ или два, три прихода, по количеству людей, и въ тѣхъ приходахъ ревизскихъ мужескаго пола душахъ, съ объясненіемъ, въ какихъ приходахъ предполагаются училища для народнаго просвѣщенія. Учинена мая 28 дня, 1807 года (Арх. Полт. Губ. Правленія, по описи № 247, л. 281—323).

Надо сказать, что эта вѣдомость очень подробна; мы беремъ изъ нея только итоги по каждому уѣзду.

ПОВѢТЫ.	ЧИСЛО.				Во что ежегодно сіи домы обществу обойдутся примѣрно.	
	Церквей.	Приходовъ.	Мужск. пола душъ.	Приходскихъ училищъ.	Наемъ помѣщенія.	Отопленіе.
					РУБЛИ.	РУБЛИ.
Полтавскій . . .	51	59	30235	38	218	945
Константиноград.	16	19	9422	17	235	260
Кобелякскій . . .	62	71	30455	49	345	660
Кременчугскій . .	37	41	16399	33	460	1215
Золотоношскій . .	55	60	21764	45	469	639
Хорольскій . . .	37	44	19349	34	943	981
Лубенскій	54	56	20649	44	290	460
Пирятинскій . . .	37	40	12215	37	433	717
Переяславскій . .	104	110	26612	53	2245	1125
Прилукскій . . .	54	59	21652	48	446	516-50 к
Роменскій	43	59	28266	32	688	930-50 к
Лохвицкій	78	82	25808	56	871	713
Миргородскій . .	46	53	20771	33	512	605
Гадячскій . . .	40	61	24267	37	928	1125
Зѣньковскій . . .	57	70	29860	42	683	714
ВСЕГО . .	777	884	337713	598	9766	11606

Какая роль „Возного" въ „Наталкѣ-Полтавкѣ"?

На памятникѣ Котляревскому въ Полтавѣ изображена изъ «Наталки-Полтавки» сцена разговора Возного съ Наталкою въ тотъ моментъ, когда его прерываетъ Выборный пѣснею «Дидъ рудый, баба руда»! Выборный показывается изъ-за огромной вербы слѣва, тогда какъ обыкновенно на сценѣ онъ выходитъ изъ задней правой кулисы, при чемъ лѣвую авань-сцену занимаетъ хата, куда уходитъ Наталка съ ведрами. Почему художникъ взялъ эту сцену, а не «Розмышлявъ я предовольно...», гдѣ могъ бы быть представленъ весь персоналъ піесы въ моментъ наибольшаго напряженія чувствъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, почему онъ нашелъ нужнымъ измѣнить обычную декорацію,—это дѣло его выбора и вкуса. А насколько вѣрно изобразилъ онъ типы избранныхъ лицъ для горельефа,—это дѣло исторической критики, такъ какъ время дѣйствія «Наталки-Полтавки» въ пригородномъ селѣ подъ Полтавою удалено отъ насъ чуть-ли не на такой же періодъ, какъ и время дѣйствія въ «Недорослѣ» Фонъ-Визина.

Мы хотимъ сказать нѣсколько словъ объ одномъ изъ трехъ лицъ этого горельефа, именно о Возномъ: изображенъ ли онъ такимъ, какимъ представлялъ его себѣ авторъ этой удивительной піесы, не сходящей со сцены уже девятый десятокъ лѣтъ? Такимъ ли его представляютъ и артисты малорусскихъ театраль-

ныхъ труппъ, прибѣгающихъ, по отзыву спеціалиста, къ «Наталкѣ-Полтавкѣ», чуть только дѣла ихъ плохи:

... «Якъ тильки заробитку нема,—говоритъ г. Карпенко-Карый,—антрепренеръ заразъ почынае вышукуваты у своій труппи Выборного чы Возьного, або хочъ и одну Наталку, абы поставыты сю популярну піесу, щобъ хочъ «зборъ узяты»..

«Поставыть «Наталку»,—и повный збиръ» [1])!

Очевидно, на трехъ указанныхъ лицахъ главнымъ образомъ держится успѣхъ піесы; очевидно, они три предпочтительно передъ тремя остальными привлекаютъ вниманіе публики. Можетъ быть, поэтому и художникъ Позенъ выбралъ именно ихъ для своего горельефа. Что же въ нихъ привлекательнаго? Въ чемъ секретъ живучести на сценѣ этой неумирающей піесы?

Лѣтъ 20 и 30 назадъ приходилось намъ слышать мнѣнія, что наивная по замыслу, слащавая по изображенію въ ней пейзанъ «Наталка-Полтавка» должна бы быть сдана въ архивъ. А и теперь лица, высказывавшія такія мнѣнія, какъ увидятъ афишу «Наталка-Полтавка»,— идутъ въ театръ. Интрига піесы—крайне несложная: «пидстаркувата вже» баба Терпилыха, хорошо узнавшая за свою жизнь, «якъ то гирко той насущныкъ люде заробляють», убѣждаетъ дочку спасти себя и ее отъ убожества и умоляетъ ее выйти замужъ за богатаго жениха, забывши Петра, пропадающаго гдѣ-то въ Тавріи или на Дону уже 4 года, а можетъ быть и совсѣмъ пропавшаго. Но Петро возвращается, застаетъ заручины Наталки за другого. Изъ этого возникаютъ разныя сцены, оканчивающіяся благополучно: любящіе сердца возсоединяются!

Такъ все это банально, такъ пахнетъ Карамзинскими прописными правоученіями о пользѣ добродѣтели, что, кажется, давно бы пора перестать играть и посѣщать устарѣвшую піесу, проникнутую насквозь складомъ сентиментализма тоже Натальи, но не мужички, а боярской дочери. И однако и въ XX вѣкѣ ее играютъ, и публика идетъ слушать, и сборы піеса даетъ! И на-

---

[1]) Литературный збирныкъ. У Кыйиви, 1903, стр. 105.

писалъ ее авторъ, который раньше à la Гоголь безпощадно осмѣивалъ все окружающее въ лицахъ громовержца Юпитера, колебателя морей Нептуна и ниже и ниже по чинамъ вплоть до «пройдысвитивъ и лапцивъ»,—обидраныхъ Троянцивъ. И умудрился онъ какъ-то въ томъ же окружающемъ его обществѣ найти что-то такое, что и до сихъ поръ заманиваетъ въ театръ публику, а уходитъ она изъ театра не въ угнетенномъ состояніи, а съ разглаженными морщинами на челѣ и съ возобновленною вѣрою, что стоитъ жить на свѣтѣ!

Гоголь, ближайшій землякъ Котляревскаго, похожденія своего Энея—Чичикова и другого пройдысвита Хлестакова писалъ и обрабатывалъ такъ-же долго, какъ и Котляревскій свою «Энеиду», и тѣ же пріемы юмора практиковалъ, что и Котляревскій. «Мертвыя души» и «Энеида» одинаково дѣйствуютъ на читателя: онъ заливается смѣхомъ при чтеніи подробностей, но когда подводитъ итоги своимъ впечатлѣніямъ отъ этихъ сатирическихъ произведеній, то приходитъ къ заключенію Гоголя: «скучно на свѣтѣ, господа»! А выходя изъ театра послѣ представленія «Ревизора» и «Наталки», зритель выноситъ противоположныя настроенія. Нахохотавшись до упаду надъ всѣми дѣйствующими лицами (кромѣ развѣ дочери городничаго, хоть и глупенькой, но чистой дѣвицы), онъ чувствуетъ, какъ слезы и безотрадное отчаяніе начинаютъ душить его, особенно послѣ изъ ряда вонъ выходящаго трагическаго оклика Сквозника-Дмухановскаго:

«Чему смѣетесь? Надъ собою смѣетесь»!

Не утѣшаетъ его и deus ex machina—появленіе жандарма въ форменномъ платьѣ!

При выходѣ же изъ театра послѣ представленія «Наталки-Полтавки», нѣтъ мѣста даже для элегическаго настроенія зрителя, несмотря на то, что онъ слышалъ вопли горя изстрадавшейся Наталки, рѣшившейся на противоестественное самопожертвованіе для успокоенія старой матери. Зритель испытывалъ сначала щемящее чувство сожалѣнія къ этой дѣвушкѣ, такъ задушевно выливавшей свою любовную тоску, свое отчаяніе и наконецъ мо-

литву о томъ, чтобы ей хоть разъ увидѣть Петра и... умереть. Это чувство сожалѣнія къ Наталкѣ и у дамъ, и у простолюдиновъ вызываетъ искренція слезы. Когда мать упрекаетъ Наталку за ея безжалостное отношеніе къ ней и къ ея судьбѣ; когда Выборный истязаетъ Наталку требованіемъ дать слово и не «згедзгаться»; когда, давши это слово, она падаетъ на колѣни съ молитвою къ Богу,—зрителямъ вовсе не до смѣха, несмотря на шутливыя прибаутки Выборнаго о городскихъ барышняхъ, сотникахъ и хорунжихъ—«якъ той грекъ мовлявъ». Не до смѣху ему и тогда, когда Петро и Наталка—оба хотятъ покончить съ жизнью. Но тучи, накоплявшіяся въ теченіе всей піесы надъ несчастною долею влюбленныхъ и грозившія погубить ихъ, вдругъ какъ-то естественно, сами собою разсѣиваются—безъ волшебной палочки Финна, разгоняющей чары Наины въ «Русланѣ»; трагическое настроеніе на сценѣ переходитъ въ веселье всѣхъ дѣйствующихъ лицъ безъ исключенія, а зрители, выслушавъ радостную и торжественную пѣсню о «згодѣ въ семействѣ», также съ облегченнымъ и развеселившимся сердцемъ» расходятся по домамъ.

Подкупы, взяточничество, пьянство героевъ «Энеиды», какъ и «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора», не могутъ уничтожиться съ появленіемъ истиннаго ревизора вмѣсто самозванца, или другого какого-либо чудеснаго избавителя міра отъ золъ, такъ какъ ни Чичиковъ, ни Сквозникъ-Дмухановскій, при существованіи того строя жизни, какимъ они окружены, измѣниться не могутъ. Это ясно всякому, и потому наружный, видимый міру смѣхъ, какъ у авторовъ, такъ и читателей и зрителей, переходитъ въ подавляемыя внутри слезы. Какимъ же способомъ композиціи, какою формою конструкціи своей піесы Котляревскій достигаетъ обратнаго перехода отъ горькаго къ радостному чувству? Если онъ по пріемамъ художественнаго творчества въ «Энеидѣ» является родственнымъ Гоголю, то и въ этомъ отношеніи, т. е. по содержанію, чѣмъ «Наталка» отличается отъ «Энеиды», піесы того же автора, или «Ревизора», піесы его земляка?

Тема поэмы Котляревскаго—политическій и соціальный строй съ крѣпостнымъ правомъ, какъ основою жизни, съ пошлостью,

пьянствомъ и чревоугодіемъ—въ ея проявленіяхъ. Въ піесѣ же «Наталка-Полтавка» эта сторона жизни отодвинута на второй планъ: Возьный и Выборный выпиваютъ, потому что ритуалъ заручинъ того требуетъ, или же потому, что второму случайно подвернулся панъ Щипавка; обстройка города Полтавы, новости о реформахъ въ земской жизни и судебномъ мірѣ, клонящихся къ искорененію взяточничества, извѣстіе о появленіи на сценѣ Харьковскаго театра новой піесы князя Шаховского и т. п.—являются вставными анекдотами, не связанными съ ходомъ дѣйствія; главною же цѣлью піесы является анализъ души человѣческой, насколько она, внѣ соціальныхъ положеній и политическихъ правъ, проявляетъ себя въ сферѣ семейныхъ отношеній. Гоголь подъ конецъ своей жизни молился передъ образами и просилъ у нихъ ниспослать ему вдохновеніе, чтобы изобразить идеально-хорошаго помѣщика внѣ отмѣны крѣпостного права... но образы идеально-нравственныхъ людей выходили трафаретными, расплывчатыми, недостойными пера и кисти этого великаго художника. Котляревскій, съ тѣмъ же сарказмомъ и юморомъ, какъ и Гоголь, бичевавшій строй современнаго ему общества, доживши до 50 лѣтъ, въ годъ изданія Аракчеевской разцѣнки «душъ» въ 22, 44, 66, 88, 110 и т. д. до 1000 руб. за штуку, смотря по возрасту продаваемыхъ душъ [1],—съумѣлъ написать піесу, которая и до сихъ поръ образами высоконравственныхъ людей въ убогой обстановкѣ пробуждаетъ въ зрителяхъ отрадный взглядъ на міръ Божій.

Болѣе поверхностное мнѣніе по этому поводу можно часто слышать такое. Обратившись къ пасторальному быту пейзанъ и къ сферѣ сельской идилліи, Котляревскій противопоставилъ чистоту отношеній селянъ—извращенной цивилизаціею города чиновничьей средѣ, переполненной ябедою, крючкотворствомъ и взятками. Онъ представилъ, съ одной стороны, героя Петра, который 4 года возитъ сѣно и пшеницу и пасетъ овецъ, хоть и не

---

[1]) Первое полное собраніе законовъ Р. И. Т. XXXVIII, № 29312 и т. XXXIX, № 29, 768

у дяди Лавана, а гдѣ-то въ Донскихъ станицахъ, откуда является на сцену съ чистымъ сердцемъ, а съ другой—изувѣра, живущаго по законамъ конца XVIII и начала XIX вѣка «животами просителей» и выполняющаго роль судебнаго пристава—Возьного. Какъ видно изъ «Москаля чаривныка» того-же Котляревскаго, въ тѣ времена на Украинѣ распѣвались сладостныя пѣсенки въ родѣ:

«Не прельщай уже мене, драгая, болѣ,
Бо я й самъ уже тобой прелстился»!...

или:

«Почто, ахъ, не склонна!...

или еще лучше:

«Прочь, обманъ всякойи славы,
Прочь и вы, вси забавы: прочь! прочь!
Я, стадо овцы́ гоня,
Тѣшу въ лугахъ себя!
Кушанье мни не въ думци
Хлѣбъ и сѣль ношу въ сунци (т. е. въ сумкѣ)
Сладку воду пью,
Въ рощахъ подъ тѣнью сплю»! и т. д.

Такія и подобныя пѣсни размножались подъ вліяніемъ сильно распространявшагося тогда на югѣ ученія Сковороды, который въ своихъ сочиненіяхъ также писалъ:

«Ничего я не желатель, кромѣ хлѣба и воды»!

или:

«О селянскій, любый, мылый мій покою» [1])!

Въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ журналѣ «Русское Слово», когда публицисты хотѣли смотрѣть на міръ «трезво»,— и эти чувствительныя пѣсни и все ученіе Сковороды обзывались «схоластическою ерундою и семинарскою мертвечиною». Но раньше (въ 20-хъ и 30-хъ годахъ того же прошлаго вѣка), когда и

---

[1]) Сочиненія Г. С. Сковороды. Харьковъ 1894. Стр. 268, 289.

«Телескопъ», и «Отечественныя Записки» очень интересовались Сковородою, такого рода пѣсни были еще въ фаворѣ. Понятно, что и Котляревскій влагалъ ихъ въ уста дѣйствующихъ лицъ: а затѣмъ всѣмъ извѣстно изъ Тургенева, что «хохлы»—очень чувствительный народъ, и стоитъ лишь имъ запѣть:

«Грае, грае воропае»!—

они сейчасъ же раскиснутъ и расплачутся. Такъ и съ «Наталкою Полтавкою» вышло: играютъ ее и поютъ «Вѣють вѣтри», или «Иды жъ, Петре, до тіеи»,— а они и плачутъ!

Такіе комментаріи какъ будто и просты, и ясны; но они крайне поверхностны, ибо не даютъ объясненія тому факту, который у всѣхъ передъ глазами: что не смотря на повременныя смѣны настроеній въ обществѣ сентиментальнаго, романтическаго, объективно-идеалистическаго, натурально-реалистическаго, матеріалистико-атеистическаго, сатирическаго, нигилистическаго, спиритуалистическаго, соціалъ-демократическаго, матеріалъ-экономическаго, марксическаго, неомарксическаго, декадентскаго и проч. и проч.,—«Наталку Полтавку» съ одинаковою охотою слушали и слушаютъ вотъ уже девятое десятилѣтіе... Всѣ подобные коментаріи не разрѣшаютъ вопроса о томъ, какія особенности отличаютъ эту театральную піесу отъ другихъ подобныхъ и создали для нея такое же безсмертное положеніе въ репертуарѣ, какое имѣетъ и «Ревизоръ». Очевидно, что, кромѣ трогательныхъ пѣсенъ и мѣткихъ выраженій, въ «Наталкѣ-Полтавкѣ» есть какая-то основная мысль, которая можетъ пережить десятки лѣтъ съ измѣненіями въ теченіи ихъ и вкусовъ и требованій публики. Отыскать ее и разсмотрѣть въ связи съ тѣми умоначертаніями, какія подъ вліяніемъ Сковороды исповѣдывалъ авторъ, будетъ плодотворнѣе, чѣмъ отыскивать мѣткія, стереотипныя выраженія того или другого изъ дѣйствующихъ лицъ, ставшія поговорками на югѣ Россіи.

Къ Сковородѣ, оставившему службу профессора потому, что онъ не могъ при изложеніи своего предмета подчиняться программамъ и инструкціямъ, преподаваемымъ со стороны, и отправившемуся съ котомкою за спиною подъ «селянськую сѣнь» простыхъ хатъ, относятся теперь уже не такъ, какъ во времена,

когда Пушкина объявляли пустомелею, воспѣвавшимъ неизвѣстно для чего кисейныхъ барышень. Послѣ новаго болѣе полнаго изданія сочиненій Сковороды признано то, что утвердилъ много разъ Костомаровъ относительно широкаго вліянія его на умственную жизнь Юга Россіи конца XVIII и начала XIX вѣка. Есть возможность уже прослѣдить до извѣстной степени ту преемственность идей, какая имѣла мѣсто при развитіи южнорусской интеллигенціи новаго типа послѣ объединенія старой Малороссіи, Слободской Украины, Юго-Западнаго края и Новороссіи. Когда перестали дѣйствовать старыя типографіи на югѣ Россіи, а традиціи былого просвѣщенія сохранялись еще кое-какъ въ школахъ мандрованныхъ дьяковъ, мало по малу утрачивавшихъ свои знанія,—сочиненія Сковороды переписывались вездѣ на Югѣ Россіи еще очень долго—лѣтъ 70—80 послѣ ихъ написанія, что подтверждается массою рукописныхъ списковъ его сочиненій. Шевченко, въ своемъ стихотвореніи, посвященномъ Козачковскому, признается, какъ онъ на краденый у дьяка пятакъ покупалъ листъ бумаги, и составлялъ—

Маленьку кныжечку; хрестамы
И вызерунками зъ квиткамы
Кругомъ лысточкы обведу,—говоритъ онъ:
Та й зпысую «Сковороду».

А время, когда этотъ геніально-талантливый мальчикъ учился у дьяка, относится уже къ 20-мъ годамъ XIX вѣка, тогда какъ первое большое сочиненіе Сковороды для молодого шляхетства харьковской губерніи было написано въ 1766 году. Что Шевченко, списывая сочиненія Сковороды, вникалъ и въ мысль ихъ, видно изъ позднѣйшихъ его произведеній, выраженія которыхъ непонятны безъ сличенія съ ученіемъ Сковороды, напр., о значеніи для духовной жизни человѣка утренняго (невечерняго) и вечерняго свѣта («И свитъ тыхый *невечерній* тыхенько засяйе») и т. п. Что и Шевченко, и Котляревскій были подъ обаяніемъ ученія Сковороды—сомнѣній быть не можетъ. А училъ Сковорода и украинское шляхетство въ аудиторіяхъ Харьковскаго кол-

легіума, и добившихся, въ замѣнъ шляхетства, званія дворянства знакомыхъ ему помѣщиковъ (ходатайствовавшихъ впослѣдствіи объ учрежденіи университета въ Харьковѣ), и мужиковъ по селамъ и хуторамъ—простой философской морали, хотя и выраженной въ замысловатыхъ выраженіяхъ, что «счастье доступно каждому»—не такъ, какъ другіе аттрибуты нашей жизни, какъ напр., богатство, здоровье, какіе достаются въ удѣлъ далеко не всѣмъ; училъ онъ, что χαλεπὰ τὰ' κακά. т. е. что трудно дѣлать зло, а добро дѣлать очень легко, и дѣлать его—необходимо нужно; а все нужное—вовсе не трудно. «Нужно ли солнце, вода, земля, огонь?»—спрашивалъ онъ учениковъ своимъ сократическимъ методомъ: «а трудно ли пользоваться этими благами»? Всѣ люди—равные братья, и истина, по утвержденію Сковороды, доступна и простому мужику, и образованному вельможѣ.

При такихъ исходныхъ точкахъ зрѣнія на людей, добро и зло, не могъ Котляревскій осмѣивать одно какое-либо сословіе, одно какое-либо соціальное положеніе, противопоставляя его другимъ. Въ «Прѣ бѣса съ Варсавою», гдѣ послѣдній есть Григорій Савичъ Сковорода, люди дѣлятся на классы иначе, и для нихъ тутъ указывается два пути жизни: одинъ путь радости—путь скромный и тихій (по которому слѣдуетъ и Сковорода); другой путь—вентеръ (вьятеръ—рыболовный снарядъ)—путь сребролюбцевъ, сластолюбцевъ, честолюбцевъ, шествующихъ подъ звуки музыки и лязгъ бичей среди запаха гастрономическихъ кушаній, при восклицаніяхъ торжествующихъ льстецовъ и т. п. Есть, наконецъ, люди, которые не рѣшаются вступить открыто ни на одинъ изъ этихъ путей, а постоянно стоятъ между двухъ стульевъ, идутъ какъ-то по срединѣ между двумя ясными путями. Это—лицемѣры: «есть то сатана, преобразивыйся въ ангела свѣтла; нѣтъ сего злѣе во всемъ адѣ!»—говоритъ Сковорода.

Сославши въ адъ представителей двухъ послѣднихъ разновидностей въ своей «Энеидѣ», не разбирая чиновъ ихъ—отъ царей и до босяковъ и «бывшихъ людей», послѣдователь ученія Сковороды сталъ искать идущихъ по первому, тихому и незамѣтному пути, но по пути истины. И онъ нашелъ ихъ—во всѣхъ шести

лицахъ персонала своей «Наталки-Полтавки», несмотря на присущія каждому личные недостатки.

Общепринятое мнѣніе гласитъ, что нельзя во всѣхъ ихъ видѣть положительные типы, что много есть отрицательныхъ чертъ и въ Выборномъ и въ матери Наталки; что же касается Возьного, то это—отъ начала до конца типъ отрицательный, выведенный Котляревскимъ съ цѣлью оттѣнить всю прелесть неиспорченности пэйзанъ. Вотъ по этому поводу мы и желаемъ высказать противоположное мнѣніе, которое, можетъ показаться парадоксальнымъ многимъ изъ артистовъ малорусскихъ театральныхъ труппъ. Имъ кажется, что и Выборный, и Возьный выведены авторомъ для осмѣянія ихъ и косвеннаго возвеличенія остальныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Выборнаго бурлáка Мыкола характеризуетъ какъ такую хитрую лисицу, которую нужно посылать туда—«де и чортъ не зможе». Онъ и Возьного опредѣляетъ не иначе, какъ—«юрыста завзятый и хапунъ такый, що й зъ ридного батька злущыть». Но и теперь всѣ бурлаки Мыколы точно такъ-же выражаются обо всѣхъ адвокáтахъ, попахъ, докторахъ, землемѣрахъ, инженерахъ и прочихъ представителяхъ профессіональнаго труда, неоплачиваемаго опредѣленнымъ жалованьемъ. А самое главное, что тотъ же Мыкола знаетъ, что и Возьный, и Выборный, и Терпилыха—полтавцы, а всѣ полтавцы, по его мнѣнію, не плачуть, а веселятся, гуляютъ и радуются. По заключительной пѣснѣ піесы авторъ также всѣхъ полтавцевъ безъ исключенія причисляетъ къ идущимъ по пути работы Сковороды: «злые»—плачутъ, но между полтавцами—нѣтъ злыхъ: оттого они и гуляютъ и веселятся.

Но неужели и Возьный причисленъ авторомъ къ этимъ ликующимъ при побѣдѣ добра надъ зломъ полтавцамъ?

— «Возьный—приказная строка, канцелярская крыса, типъ крючка и ябедника, увы, весьма среди хохловъ распространенный!»—говоритъ авторъ въ одной изъ статей, посвященныхъ Котляревскому по случаю открытія ему памятника [1]). Вставленнымъ

[1]) „Новое Время“ 1903. № 9870. Приложеніе.

междометіемъ «увы!» этотъ авторъ обнаружилъ свое если не полтавское, то «хохлацкое» происхожденіе. Ему жаль, что между его земляками много крючковъ и ябедниковъ. А намъ очень жаль, что онъ такъ голословенъ и не подтверждаетъ свое мнѣніе о Возьномъ какими-либо доказательствами.

Канцеляріи, въ которой, по словамъ этого автора, «со временъ Екатерины II, а въ духовномъ вѣдомствѣ даже со временъ Петра I», пресмыкаются люди, подобные Возьному, на сценѣ „Наталки-Полтавки"—вовсе и нѣтъ; ни на кого эта приказная строка въ теченіе всего представленія ябеды не пишетъ; если онъ и взяточникъ, какимъ рисуетъ его Мыкола,—прибавимъ мы отъ себя,—то ему также въ піесѣ не представляется случая взять такой „взятокъ, сыричь вынужденный подарочокъ", о какомъ онъ вздыхаетъ. Профессіональныя его дѣйствія и качества, обусловленныя регламентами Петра I или Екатерины II, авторъ „Наталки-Полтавки" оставилъ въ сторонѣ. Со многими взяточниками, начиная отъ Юпитера и Нептуна, онъ имѣлъ дѣло въ своей „Энеидѣ"; тамъ онъ для нихъ, какъ политическихъ дѣятелей, нашелъ казни, усиливши Дантовскую и Виргиліевскую изобрѣтательность картинами дикихъ запорожскихъ расправъ съ преступниками. А здѣсь онъ беретъ Возьного внѣ его общественной дѣятельности въ тотъ моментъ жизни, который нѣмцы называютъ schönste Lenz der Liebe, и анализируетъ его душу въ этотъ моментъ съ цѣлью рѣшить вопросъ, по какому изъ двухъ сковородинскихъ путей отправится его герой-полтавецъ?

Злоба Василиска, по словамъ Сковороды, царствуетъ въ мірѣ: онъ—глухъ, какъ камень, холоденъ, какъ ледъ. Но для чего является ледъ?—Для того, чтобы таять! Мертвая матерія вся лежитъ въ тузѣ (въ тугѣ, т. е. печали), въ ней нѣтъ иниціативы; она не можетъ вызвать любви въ себѣ. А у людей любовь эта есть, но она спитъ. Разбудите ее въ сердцахъ вашихъ, эту силу любви, мысли и стремленій къ идеалу,—и ледъ, заковавшій ваше сердце, растаетъ, а въ награду за то вы получите радость, выше которой ничего нѣтъ на землѣ.

Съ такими примѣрно рѣчами, при переводѣ на нынѣшній русскій литературный языкъ съ языка Сковороды, на половину библейскаго, на половину малорусскаго и русскаго XVIII столѣтія, обращался къ однимъ своимъ ученикамъ этотъ философъ. Другимъ онъ могъ говорить: «Хочете буты веселымы, хочете радости,—робить добри дила! Не вынenъ тому свитъ, що мы тужымо: мы сами тому вынни, бо сатана гасыть божеськый вогонь у нашому серци; а згасла въ ёму любовъ,—воно жмется и тужыть. Розбудить ёго, розтопить крыгу, що вкрыла ваше серце, воскресить ёго,—и вы зазнаете счастя й радисть на земли!»

И Котляревскій заставилъ полтавца Возьного сдѣлать доброе дѣло,—и это доброе дѣло его замѣнило искусственное появленіе deus ex machina, чтобы піеса не окончилась трагически. Попросимъ читателя не поскучать за болѣе подробнымъ изложеніемъ по тексту Котляревскаго хода роли Возьного, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Онъ является на сцену, какъ человѣкъ, котораго въ первый разъ въ жизни заполонила любовь «съ ея небесною отрадой, съ ея мучительной тоской». Это произошло, по его признанію, тогда, когда онъ увидѣлъ «душистый, прекрасный, майскій» (варьянтъ—«райскій») цвѣтокъ—Наталку. Съ тѣхъ поръ все въ головѣ его пошло вверхъ дномъ: канцелярскія бумаги, статьи и параграфы законовъ, судебные иски, засѣданія копныхъ судовъ, для которыхъ онъ долго, вѣроятно, изучалъ всѣ параграфы и запятыя Магдебурскаго права, даже чинъ, котораго не безъ труда онъ добился,—ему опротивѣли. Онъ молитъ предметъ своей любви доставить ему рай, ибо будущая жизнь съ нею, какъ съ женою, ему представляется сладкою, какъ медъ и молоко. Онъ и Наталку, и публику театральную увѣряетъ, что если бы зналъ столько языковъ, сколько было статей въ тогдашнихъ законахъ, то и этихъ средствъ не хватило бы для полнаго изображенія всѣхъ ея прелестей съ его субъективной точки зрѣнія на нее.

На возраженія Наталки, что онъ—панъ, а она—мужичка, онъ приводитъ тѣ же доводы, какіе будутъ всегда приводить влюбленные въ особу съ низшимъ положеніемъ въ обществѣ. Развѣ

онъ виноватъ, что ко всѣмъ знакомымъ ему дѣвицамъ его круга—дочерямъ судей, священниковъ, писарей онъ равнодушенъ? А ея образъ преслѣдуетъ его даже ночью! И такое состояніе его началось не со вчерашняго дня, а еще съ тѣхъ поръ, какъ она съ матерью перебралась изъ Полтавы въ то подгороднее село, гдѣ происходитъ дѣйствіе. Когда Наталка ссылается на свое положеніе и проситъ его не ухаживать за нею, ибо это можетъ ее опозорить: «какъ про дѣвицу начнутъ шептать!..»—онъ прерываетъ потокъ своего краснорѣчія и *задумывается*. «Смѣшныя мины играютъ у него на лицѣ»—сказано въ ремаркѣ: актеру предоставлено рѣшить,—думаетъ ли онъ при этомъ, какъ несостоятельны ея возраженія и какъ онъ съумѣетъ ихъ разбить дальнѣйшимъ своимъ поведеніемъ, или онъ самого себя почувствовалъ въ смѣшномъ положеніи и не знаетъ, какъ выпутаться изъ него, или еще что-нибудь смѣшное пришло ему въ голову; но *задумывается* онъ такъ сильно, что даже не замѣчаетъ, какъ Наталка, отпарировавши ударъ, ей нанесенный, уходитъ домой.

Послѣ убѣжденій Выборнаго, что ни одна мужичка не осмѣлится отказаться отъ предложенія руки такого пана, какъ Возьный, онъ ухватывается за предложеніе этого ловкаго человѣка стать сватомъ; онъ проситъ Выборнаго пустить въ ходъ всѣ средства, даже пойти на обманъ, лишь бы достичь благополучія его, а слѣдовательно и Наталки, которую онъ постарается вывести изъ бѣдности. Когда тотъ возражаетъ противъ утвержденія, что цѣль оправдываетъ средства, Возьный въ пѣсняхъ Сковороды, какъ высшаго авторитета того времени, старается найти доказательства, что и ложь допустима, если она практикуется не во вредъ, а на пользу ближнимъ.

Во второмъ актѣ Возьный уже «съ самодовольнымъ лыцемъ», какъ сказано въ ремаркѣ автора, чувствуетъ себя на верху блаженства: «наикраща зо всёго села и прикосновенныхъ околыць» дѣвица сама согласилась выйти за него замужъ, благодаря содѣйствію прекраснаго и умѣлаго свата! Съ развязностью человѣка, готоваго «весь міръ обнять», онъ, по поводу сообщаемыхъ новостей по литературѣ, дѣлаетъ бойкія критическія замѣчанія о «Козакѣ

стихотворцѣ» Шаховского, находитъ, что цѣль этихъ піесъ—осмѣять все малорусское—не состоятельна, ибо два плута не могутъ скомпрометировать не только цѣлаго края, но даже и небольшого села. Тутъ онъ является такимъ же полтавцемъ, какъ и всѣ остальныя дѣйствующія лица.

Но вотъ онъ—съ глазу на глазъ съ своимъ болѣе счастливымъ соперникомъ Петромъ въ присутствіи невѣсты, матери ея, свата и Мыколы. Жалкій «годованець» умершаго Терпила, пройдысвитъ, ланець—посягаетъ на его счастье! Фраппированный такимъ возможнымъ оборотомъ своей судьбы, Возный вспоминаетъ о своемъ положеніи въ селѣ, о своей власти и силѣ и иронически, но твердо предлагаетъ нищему-проходимцу убираться своею дорогою, матери Наталки грозитъ судомъ, и хочетъ поставить на своемъ. Его поддерживаетъ Выборный, а мать Наталки, зная, что значитъ «посыдиты на вежи», послѣ бурной сцены, забывая свои чувства къ Наталкѣ и Петру, говоритъ ему, что что́ бы онъ ни сдѣлалъ,—все будетъ хорошо: «Вы у насъ—панъ пысьменный»!

Вопросъ о томъ, ведетъ ли «пысьменство» къ безнравственности и практикованію насилія, является ли эгоизмъ или альтруизмъ въ видѣ плодовъ просвѣщенія,—поставленъ авторомъ въ ея словахъ на судъ публики очень рѣзко и открыто, съ такою же силою, какъ и у Л. Толстого въ его «Плодахъ просвѣщенія». Въ исторической перспективѣ вопросъ этотъ можетъ быть редактированъ слѣдующимъ образомъ: «семинарская-ли мертвечина и схоластика та мудрость, которая изъ Харьковскаго коллегіума, Кіевской академіи и Переяславской семинаріи разливалась тогда по новой Украинѣ—и Слободской, сёгобочной, и тогобочной, гдѣ только бывалъ Сковорода и гдѣ переписывались его сочиненія, или же эта наука можетъ привести къ тому, что «великодушный поступокъ» пересилитъ страсти?

Слѣдующія реплики дѣйствующихъ лицъ открываютъ, что Наталка дала согласіе на бракъ съ Вознымъ только по настоянію матери, а на самомъ дѣлѣ ея влеченіе къ Петру теперь получило новую непреодолимую силу, что Петро—вовсе не такой нищій, какъ казалось всѣмъ раньше, но... несмотря на свою лю-

бовь къ Наталкѣ, чтобы не поселять раздора между нею и матерью, онъ отказывается отъ невѣсты!..

Возный второй разъ *задумывается*, но уже безъ всякихъ «смѣшныхъ минъ» на лицѣ. Онъ переживаетъ борьбу между абстрактнымъ ученіемъ морали, какую теоретически исповѣдывалъ, и конкретными своими стремленіями къ счастью, построенному, какъ видитъ онъ теперь, на несчастьи ближнихъ. Онъ пораженъ уяснившимся для него теперь самопожертвованіемъ Наталки для матери и другимъ самопожертвованіемъ Петра для той же Терпилыхи. «Ледъ» Сковороды, окутывавшій до сихъ поръ душу Возного, по ученію того же Сковороды, растаялъ; сатана побѣжденъ; въ сердцѣ полтавца, изучавшаго наставленія великаго земляка-учителя и пропагандировавшаго ихъ въ первомъ актѣ Выборному, открывается путь истины и радости. Послѣ раздумья произноситъ онъ свой знаменитый монологъ: «Розмышлявъ я предоволно..., а затѣмъ съ соизволенья «ветхой деньми», у которой испрашиваетъ благословенія на «доброе дѣло», объявляетъ Наталку невѣстою Петра. Онъ въ піесѣ дѣйствительно совершаетъ чудо безъ «deus ex machina»,—не то чудо, о которомъ молилась раньше Наталка («Боже! выжены любовъ до Петра зъ мого серця!»), а другое, опрокидывающее весь предыдущій ходъ дѣйствія, переламывающее всю драматическую интригу, развивавшуюся до сихъ поръ, и обращающее піесу изъ трагической въ веселую.

Такова роль Возьнаго. Если текста ея одной нельзя перевести на нынѣ употребительные литературные малорусскій или великорусскій языки, оставивъ неприкосновеннымъ все остальное,—переведите всю «Наталку-Полтавку» на итальянскій языкъ со всѣми ея пѣснями, и дайте эту роль выполнить опытному и умѣющему изображать высокія душевныя движенія jeune premièr'у. Будетъ ли это та роль, какую мы привыкли видѣть въ исполненіи «Наталки Полтавки» у насъ? Какъ отнесется итальянская публика и къ любовной аріи Возьного «Одъ юныхъ литъ», и ко всей его роли? Не въ немъ ли она увидитъ перваго героя всей піесы, побѣдившаго своимъ самопожертвованіемъ подобное

же проявленіе воли Петра и Наталки? Если такъ, то это вполнѣ будетъ соотвѣтствовать той сентенціи, какую авторъ, по обычаю своего времени, подъ конецъ піесы влагаетъ въ уста Выборнаго и Мыколы:

— «Оттакови то нашы полтавци! Колы дило пиде, щобъ добро зробыты, то одынъ передъ другымъ хапаются!

— Наталка—по всему полтавка, Петро—полтавець, та й Возьный, здается,—не зъ другои губерніи!»

Малорусскій оборотъ въ концѣ послѣдней фразы для всѣхъ, кто знаетъ характеръ малорусскихъ разговоровъ, выражаетъ тутъ превосходную степень въ смыслѣ: «а Возьный въ великодушіи и самопожертвованіи превзошелъ всѣхъ!» Понятно, что если полтавцы обладаютъ такими доблестями, то они и поютъ на зло всему свѣту:

«Почынаймо жъ веселыться,
Часъ намъ слёзы осушыть:
Докы жъ лыха намъ страшыться,—
Не до смерти жъ въ гори жыть!
Нехай злыи одни плачуть,
Бо не добре замышляють,
А полтавци добре скачуть
И на зло другымъ гуляють!»

Слушатели піесы и въ Нижнемъ Новгородѣ, и на Кубани, и въ Петербургѣ, и въ Полтавѣ инстинктивно понимають, что прославленіе полтавцевъ—то же, что говорятъ малороссы не безъ юмора про себя: «мы люде добри сами себе хвалымо»! Въ этомъ шутливомъ оборотѣ рѣчи всѣ видятъ лишь гимнъ высокимъ движеніямъ человѣческой души, которыми авторъ надѣлилъ больше всѣхъ Возьного. Но выносилъ ли кто-либо оттуда, гдѣ играли «Наталку Полтавку», такое заключеніе о Возьномъ, приходилъ ли кто-нибудь, выйдя изъ театра, къ мысли, что наиболѣе высокій нравственный подвигъ совершилъ Тетерваковскій?

Вѣроятно, къ сожалѣнію, никто, нигдѣ и никогда; а виною тому—исполненіе роли Возьного.

Всякій актеръ, начинающій разучивать эту роль, знаетъ, насколько она «выигрышна» и въ какомъ смыслѣ по сложившейся традиціи—при подчеркиваніи и пересаливаніи того комическаго элемента, какой въ ней есть. «Смѣшныя мины» Возьнаго, о которыхъ есть упоминаніе въ концѣ второй сцены I-го акта, артистъ истолковываетъ своеобразно, старается довести ихъ до той степени шаржа, какая отвѣчаетъ, напр., роли dottore Bartolo въ «Севильскомъ цирульникѣ». Онъ забываетъ, что Бартоло ни за что не отказался бы по своей волѣ, какъ Возьный, отъ Розины, если бы на дорогѣ не явился всесильный графъ Альмавива и нотаріальный актъ... Представивъ себѣ въ лицѣ Возьного такого же 60—70-лѣтняго старика—селадона, актеръ и гримъ подбираетъ подходящій для dottore Bartolo и появляется на сцену въ самыхъ непривлекательныхъ краскахъ—уродъ-уродомъ, съ лысиною на все темя, нюхающимъ табакъ и утирающимъ платкомъ сомнительнаго цвѣта бритую губу подъ носомъ, забитымъ табачищемъ. Такой уродливой фигурѣ, одѣтой въ какіе-то невозможные картузы и балахоны, присваивается гнусявый голосъ, произносящій дѣйствительно смѣшныя по настоящему времени выраженія изъ книжной рѣчи получавшихъ полубогословское образованіе и начиненныхъ канцелярскою мудростью интеллигентовъ старой Малороссіи.

Народный языкъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ въ «Наталкѣ-Полтавкѣ»—тотъ же, какимъ говорятъ и теперь въ Полтавѣ и вокругъ Полтавы. Искреннія и глубокія чувства Наталки, ея матери, Петра, проникнутыя юморомъ замѣчанія Мыколы, а особенно Выборнаго, поражаютъ своею пластичностью и ярко-выразительнымъ стилемъ простонародной рѣчи—«безъ прымису ухыщренія», какъ сказалъ бы Возьный. Задушевныя пѣсни «Чого вода каламутна»? «Віють витры» и др. трогательны не только по мелодіи своей, но и по чарующей прелести языка, какой рѣдко достигаетъ кто-либо изъ нынѣшнихъ малорусскихъ поэтовъ. Неуклюжій же книжный языкъ Возьного съ его риторическими, но плоскими уподобленіями, метафорами и синекдохами, устарѣвшій уже и для времени написанія «Наталки-Полтавки» (1819), слиш-

комъ контрастируетъ съ живою народною рѣчью, можетъ быть даже больше чѣмъ нынѣшній канцелярскій языкъ оффиціальныхъ бумагъ съ тою же рѣчью. Если теперь весь театръ снизу до верху хохочетъ неудержимо, когда г. Кропивницкій въ роли волостного старшины на сценѣ, гдѣ слышится народная малорусская рѣчь, начинаетъ читать предписаніе уѣздной земской управы, въ которой выражено, «категорическое требованіе предпринять мѣры противъ эпизоотическихъ заболѣваній», то что прикажете дѣлать, когда, послѣ вышепрописанной подготовки въ гримѣ и костюмѣ, на сцену является карикатура на человѣка вообще и начинаетъ рѣчь словами:

«Благодэнствэнного и мырного пребыванія»!

Дальнѣйшая рѣчь этого сатира въ образѣ Возьного пересыпается иностранными словами, отчасти уже вышедшими изъ употребленія, въ родѣ: «терминъ, партикулярно, резолюцыя, оказія, артикулъ, контроверсія, позвы, копы, утроба (въ смыслѣ тайники души), чювствіе, зракъ, кринъ, сугклитъ, вышереченный, кмиты хожденіе, возженіе крови» и т. п. Чѣмъ болѣе изысканный стиль хочетъ употребить «пысьменный панъ», сплетая свои вычурныя слововыраженія, тѣмъ онъ смѣшнѣе для публики, хотя никто изъ дѣйствующихъ лицъ на сценѣ не находятъ его языка уродливымъ: они ничѣмъ не выражаютъ, что стиль этотъ для ихъ ушей неожиданный, страшный, или смѣшной.

Когда Возьный объясняетъ Наталкѣ: «ты одна заложыла йому (моему сердцу) позовъ на вичныи роки и душа моя ежечасно волаетъ тебе посли ныншорнои даже годыны»,—Наталка просто отвѣчаетъ: «Воля Ваша, добродію: а Вы такъ зъ-пысьменна говорыте, що я того не зрозумію». Такъ отвѣтила бы предсѣдателю суда, если бы была въ состояніи, знаменитая преступница М. Левицкаго, на его вопросъ:

«Подсудимая! копія обвинительнаго акта была вамъ вручена?» [1]) но она, какъ извѣстно, была въ томъ положеніи, что могла только рыдать.

---

1) Литературный збирныкъ. У Кыиви, 1903, стр. 296.

Дѣйствительно, трудно «зрозумиты» простому человѣку всѣ условности книжной рѣчи, мѣняющіяся при томъ десятилѣтіями такъ, что мы теперь ужъ не можемъ безъ улыбки слышать со сцены восклицаніе влюбленнаго Собинина: «Такъ ты для земного счастья—грядущая женка моя»!

А къ высокопарному языку Возьного, чуждому по своей архаичности и малороссамъ и великороссамъ, да еще въ противопоставленіи его съ языкомъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ, зрители относятся только съ гомерическимъ смѣхомъ. Зрители изъ простонародья, незнакомые съ исторіею развитія литературныхъ языковъ, но изрѣдка слышащіе газетныя выраженія (конверсія, институція, конституція, ликвидація и т. п.)—не смѣются. Послѣ перваго акта «Наталки-Полтавки» они правильно опредѣляютъ положеніе Наталки, Выборнаго, ея матери, принимая Выборнаго за волостного старшину; но относительно Возьного намъ приходилось слышать и такое опредѣленіе: «це, мабудь, якыйсь нимець»! Такъ поражаетъ ихъ его языкъ, хотя смѣшного въ немъ они видятъ столько же, сколько и въ языкѣ церковныхъ проповѣдей, т. е.—ничего; надъ кривляньями же актера, изображающаго Возьного, они смѣются наравнѣ съ остальною публикою. Для послѣдней же отношеніе къ этому уроду рѣшено съ перваго появленія его на сценѣ: что бы онъ ни сказалъ,— хохочутъ, полагая при этомъ, что и авторомъ онъ выведенъ на посмѣшище, тѣмъ болѣе, что актеръ каждой фразѣ Возьного придаетъ не только комическій, а пошло-комическій оттѣнокъ. Когда дѣло доходитъ до акта самоотреченія Возьного отъ земного счастья ради высшихъ благъ, уже всѣ смотрятъ на него, какъ на какого-то полишинеля, и несмотря на то, что его «благородный поступокъ» долженъ бы вызвать другое отношеніе къ нему, продолжаютъ хохотать; этотъ хохотъ сливается съ смѣхомъ отъ радости, что все окончилось благополучно: и Петро не ушелъ куда-то скитаться или погибать, и Наталка не утопилась!

Но слѣдуетъ ли актерамъ такъ играть роль Возьного? слѣдуетъ ли публикѣ такъ относиться къ его признанію, напр., что

«за недосужностью по службѣ» ему не удалось сдѣлать ни одного добраго дѣла?

Что хуже: взяточникъ и канцелярская крыса, или горькій пьяница и тупоумный канцелярскій писецъ? Можно и надъ Акакіемъ Акакіевичемъ смѣяться и сыпать ему на голову бумажки, но—до извѣстнаго предѣла. Когда этотъ низенькій чиновникъ съ лысиной на лбу скажетъ: «Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?» и въ этихъ словахъ зазвенятъ другія: «я—братъ твой!»—даже весь вѣкъ смѣявшійся Гоголь смѣяться не рекомендовалъ. Можно и надъ пьянчужкой смѣяться; но когда въ другой театральной піесѣ онъ восклицаетъ: «Шире дорогу! Любимъ Торцовъ идетъ!»—и публика и весь хоръ на сценѣ, до этого момента хохотавшій надъ нимъ, притихаетъ, ибо при надлежащемъ выполненіи роли этого Торцова чувствуютъ, что тутъ заговорило долго унижавшееся человѣческое достоинство, при томъ не изъ-за своихъ выгодъ, а ради спасенія ближнихъ.

А развѣ монологъ Возьного «Розмышлявъ я предоволно...» не ниже и не выше возгласа Торцова? Возьный еще болѣе вправѣ, чѣмъ Сквозникъ-Дмухановскій, крикнуть на смѣющихся надъ нимъ титулярныхъ и надворныхъ совѣтниковъ: «Чему смѣетесь? Надъ собою смѣетесь!.. Развѣ и вы всѣ не такъ же ли, спѣша на службу, или оканчивая срочную служебную работу, не находите времени на доброе дѣло и по недосугу даже не выслушиваете просящихъ у васъ помощи? Да! по милости дворянъ несу обязанности непріятной службы, на которой произвожу взысканія, присужденныя судомъ, несмотря на слезы разоряемыхъ отъ продажи послѣдней коровы! Да! я живу на счетъ вынужденныхъ подарочковъ, ибо такъ полагается. Но я—и сковородынецъ (какъ теперь сказали бы—«толстовецъ»), и никто изъ васъ, здѣсь присутствующихъ не смѣетъ отнять у меня права на другое—«святѣйшее изъ званій—человѣкъ»!

Монологъ его приблизительно это и говоритъ; но публика, какъ и послѣ раздирающихъ душу возгласовъ Сквозника-Дмухановскаго съ его бранью на «проклятыхъ либераловъ», видя комическія ужимкии и прыжки Возьного, продолжаетъ хохотать.

А этого ли хотѣлъ достичь авторъ, вложивъ въ уста Возьного этотъ монологъ? Возьный—болѣе скроменъ, чѣмъ Сквозникъ: разразившись сначала бранью противъ Петра и Наталки, этихъ проклятыхъ либераловъ, разсѣивающихъ всѣ его мечты о счастьи, какъ дымъ,—онъ затѣмъ одумался и, по рецепту Сковороды, совершаетъ свой подвигъ тихо и смирно, чтобы затѣмъ присоединиться, по тому же рецепту, къ общей радости всѣхъ «ближнихъ».

Мы приближаемся къ концу нашей замѣтки. Если она вызоветъ у солидныхъ критиковъ художественныхъ произведеній желаніе обстоятельно пересмотрѣть сочиненія Котляревскаго въ исторической перспективѣ въ смыслѣ установленія преемственности идей южно-русской литературы XVIII—XIX вѣковъ, если она побудитъ г.г. артистовъ подумать о роли Возьного, прежде чѣмъ ее исполнять по создавшемуся шаблону, то цѣль ея мы будемъ считать достигнутой. Мы только напоминаемъ признанное положеніе, что ничто не появляется въ исторіи развитія мысли и искусства во всеоружіи, какъ когда-то Паллада вышла изъ головы Юпитера: каждое художественное произведеніе имѣетъ предшественниковъ и корни въ общенародныхъ умоначертаніяхъ. И Софоклъ, и Пушкинъ, и Шевченко брали темы изъ народныхъ разсказовъ. Если Котляревскій сумѣлъ разъяснить неясную, наполовину мистическую философію Сковороды, разъяснить театральной публикѣ и читателямъ въ образахъ персонажа и дѣйствія «Наталки-Полтавки», то это и есть одна изъ его заслугъ, за которыя поставили ему памятникъ.

Котляревскій—не изъ того рода писателей, которые подсмѣиваются надъ неотесанностью, простоватостью или глуповатостью мужика—только потому, что онъ мужикъ, или же наоборотъ надъ неисправимою испорченностью канцелярскихъ крысъ и ябедниковъ только потому, что они сидятъ въ канцеляріяхъ. Онъ бралъ предметомъ своего анализа человѣка, какъ таковаго, а потому-то и сочиненія его, если не безсмертны, то очень долговѣчны. Такой знатокъ человѣческаго сердца и правдивыхъ ху-

дожественныхъ концепцій, какимъ былъ Шевченко, въ стихотвореніи «На вичну намьять Котляревскому» говоритъ:

«Будешъ, батьку, пануваты,
Покы жывуть люде,
Покы сонце зъ неба сяйе,—
Тебе не забудуть»!

Пророчество якобы очень сильное; похвала будто свыше мѣры: но она вылилась изъ такихъ компетентныхъ устъ! Что нашелъ Шевченко (не говоря объ «Энеидѣ») въ этой маленькой театральной піесѣ? Несомнѣнно ту широту замысла и ту художественную экспрессію экспансивныхъ чувствъ, какія руководили и имъ въ любовномъ отношеніи и къ княгинямъ, поработившимъ его братьевъ и сестеръ, и къ полякамъ, поработителямъ всей украинской націи. «Будьте людьми»!—твердилъ онъ въ унисонъ съ своими учителями Сковородою и Котляревскимъ въ своихъ вдохновленныхъ поэтическихъ воззваніяхъ и къ мертвымъ, и къ живымъ, и къ ненародившимся еще тогда своимъ землякамъ, и ко всѣмъ читателямъ его произведеній. Потому онъ и оцѣнилъ такъ высоко музу Котляревскаго.

Если спеціалистъ по исторіи литературы профессоръ Дашкевичъ въ «Энеидѣ» нашелъ идеалъ «всенароднаго поэтическаго произведенія», то пусть дозволено будетъ и намъ въ «Наталкѣ Полтавкѣ» признать идеалы всенароднаго театральнаго произведенія, а затѣмъ просить дѣятелей на поприщѣ малорусскаго театральнаго искусства играть роль Возьного не такъ, какъ они играютъ, а такъ, какъ она представится имъ послѣ болѣе обстоятельнаго ея изученія.

Не слѣдуетъ, намъ кажется, представлять его старикомъ, а человѣкомъ лѣтъ 30—35, ибо нигдѣ въ піесѣ нѣтъ указанія на его преклонный возрастъ съ лысиною во всю голову и безобразными складками старческаго лица, какія попали по милости актеровъ и на горельефъ памятника Котляревскому въ Полтавѣ. Наталка, дѣлая возраженіе матери наединѣ и называя бракъ свой

съ Возьнымъ—неравнымъ, ни разу не проговаривается, что ко всему тому онъ и старикъ; Выборный находитъ только, что пану Возьному «пора» жениться; если онъ не называетъ его «паны-чемъ», то просто потому, что послѣдній занимаетъ слишкомъ высокое положеніе въ селѣ по отношенію и къ Выборному и къ прочимъ Щипавкамъ, засѣдателямъ и т. д. Ни изъ чего не видно, почему Возьный не могъ бы явиться на сцену такимъ же красавцемъ, какъ и Петро: вѣдь графа Невера не дѣлаютъ безобразнымъ только потому, что Валентина предпочла ему красавца Рауля; да и Рауль—не обязательный красавецъ по наружности.

Не слѣдуетъ при выполненіи роли Возьного подчеркивать смѣшныя мины, какія могли бы являться у толстовца, выведеннаго на сцену въ крестьянской толстовской колоніи, какъ внѣшній признакъ людей, попавшихъ не въ привычную обстановку, но вовсе не смѣшныхъ по существу и внутреннему складу мыслей и желаній.

Не слѣдуетъ утрировать и доводить до шаржа смѣшныхъ выраженій устарѣлаго языка, опредѣляющихъ только время дѣйствія, а не уродливость мыслей и чувствъ, какія обуреваютъ Возьного.

Не слѣдуетъ придавать всѣмъ дѣйствіямъ и словамъ Возьного характеръ похотливыхъ стремленій селадона, желающаго сорвать цвѣтокъ съ невинности наивной свѣженькой мужички съ тѣмъ, чтобы обратить ее потомъ въ свою кухарку, или бросить какъ старую тряпку, ибо и этихъ чертъ вовсе нѣтъ въ роли Возьного и во всѣхъ его рѣчахъ.

Если артистъ, выполняющій роль Возьного отрѣшится отъ этихъ вошедшихъ почему то въ обычай пріемовъ, то получится не уродъ и сатиръ, а такой же влюбленный въ Наталку человѣкъ, какъ и Петро, исполненіе роли котораго зависитъ уже отъ таланта артиста. Такими пріемами, намъ кажется, можно будетъ возстановить, по крайней мѣрѣ, типъ того человѣка, какимъ представлялъ его себѣ авторъ,—вовсе не отрицательный, а скорѣе возвышенный, положительный.

А на памятникѣ Котляревскому въ г. Полтавѣ уже не исправишь тѣхъ черть, какими увѣковѣчилъ Возьного г. Позенъ, и остается только пожалѣть, что г.г. артисты театральнаго дѣла ввели въ заблужденіе художника-скульптора своимъ обычнымъ, но неправильнымъ, какъ мы старались показать, толкованіемъ произведенія перваго народнаго малорусскаго писателя.

А. Русовъ.

Омелько Пацюкъ на курорти.

Оповидання.

I.

— Та пустить-бо, нехай васъ Господь Богъ поздоровыть!..

— Не можно! Бачышъ, що не можно!

— Але чому-жъ не можно, колы мени треба до дохтора?

— Перше заплаты, то пидешъ. Тутъ зъ кожного, хто йде цимы воритьмы, беруть по двадцять грошей.

— Якъ це таки мудри ворота, то я и черезъ баркапъ перелизу... Але слухайте-но, нехай вамъ кумця гарненько засміется,— пустить! Хыба я що вкраду, або що? Я тильки до дохтора...

— Все одно, чы до дохтора, чы до кого другого... Тутечкы за музыку треба заплатыты.

— Та на якого смутка мени здалась ваша музыка? Та я іи и слухаты не буду! Далеби! Я й вуха заткну. Пустить! Хыба-жъ вы не бачыте, що я соцькый...

И выпроставшы трохы свій зигнутый станъ, дядько показавъ на круглу бляху, що высила у ёго на грудяхъ.

— А мени все одно, хочь и самъ прыставъ.

Такъ пры парадному входи у сл—ый кумысный курортъ, у 12 годыни дня, колы музыка грала у саду, торгувався дядько Омелько Пацюкъ зъ контролеромъ, поставленымъ для того, щобъ выдаваты всякому за гроши билета для входу. Пацюкъ уперто

думавъ, що платыты грошы ёму зовсимъ не потрибно; винъ выказувавъ контролёрови всяки прычыны: що винъ не злодій и на ёму святый хрестъ йе, що земля—Божа, для кожного, що тильки жыда та цыгана не тра пускаты и т. и. Вси ти прычыны не вдовольнялы контролера, и розмова ихъ почала вже переходыты на суперечку. Хто ёго зна, до чого-бъ воно дійшло. якъ-бы, случаемъ, не панокъ якыйсь, що выходывъ зъ саду, звернувъ увагу на дядька и заступывся за ёго...

Омелька впустылы у курортъ.

Досыть було глянуты на зигнутый станъ и на запáли, хочъ и шыроки, груды селянына, щобъ видразу прызнаты ту хворобу, на яку винъ вже не одынъ рикъ слабувавъ.

Здалеку Омелько скыдався на дида, але винъ бувъ чоловикъ ще не старый. Высушывъ ёго кашель, зигнула ёго станъ хвороба, поорала зморшкамы ёго блидый, худый выдъ. Прыдывывшысь уважно до плечыстои, колысь дуже здоровенпои постати Омелька, можно було запрымитыты, що ёго станъ бувъ, кримъ того, покаличеный ще якоюсь иншою прычыною: винъ трохы шкутыльгавъ и все тило ёго якось здригалося, колы винъ пры ходи пидіймавъ ливу ногу.

Хочъ день бувъ парный, але одежа Омелькова була тепла и святкова. На ёму бувъ мишковатый теплый лейбыкъ зъ простого сирого сукна, защипнутый ажъ до самого комира. Спереду лейбыкъ бувъ непаче довшый, а ззаду здавався коротшый; на швахъ винъ бувъ обшытый червоною жычкою. Шырокый червоный поясъ спереду бувъ завьязаный гудземъ и спадавъ велыкою кытыцею. Велыка суконна квадратова шапка покрывала ёго голову, насовуючысь на ёго невелыке зморщене лыце до самыхъ очей, а ти чорни маленьки очи. мовъ дви жарынкы, нервово свитылысь, якъ у гарячци. Довги чоботы зъ велыкымы пидковамы, що гучно и далеко видбывалы кожный ступинь ходы, обувалы страшенно худи и сухи ногы, а били полотняни штаны, заправлени у халявы, стовбурчылысь на стегнахъ: очевыдячкы у глыбокыхъ дядьковыхъ кешеняхъ ховалысь и креминь, и люлька, и тютюнъ, и мотузочкы про всякъ случай, а може навить и де-якый

харчъ на скильки день. Пашпортъ и калытка зъ гришмы лежалы за пазухою, бо воны—речи важнійши. И дядько разъ-у-разъ лапавъ за пазуху своею довгою сухою рукою, щобъ перевирытысь, чы не згубывъ те, що сховавъ. Перевирывшысь, винъ ступавъ дали, опыраючысь на ципокъ, по дорижци, та та́къ обережно, наче-бъ йшовъ по-надъ якымъ проваллямъ.

Його хода показувала, що винъ не звыкъ бувъ ходыты такымы трамбованымы дорижками: дядько доси ходывъ лышъ звычайнымы сильськымы стежкамы та дорогамы.

— Куды лизешъ, старычокъ?—спытавъ його сторожъ, що замитавъ дорижкы.

— Та якый я тамъ старычокъ?—обернувся до сторожа Омелько, наче-бъ ураженый, наче-бъ здывованный тымъ пытанням̕ъ.

— Тутечкы не можно гуляты.

— Та мени не до гуляння,—голоснійше видповивъ селянынъ, ураженый, що про його подумалы, буцимъ-то винъ гуляе та слухае музыку.—Гуляты... Таке сказалы!.. Я вже догулявся, дяка Богу! Я зъ Космачева...

Але тутъ його взявъ такый кашель, що винъніякъ не мигъ договорыты.

— Не тутешній?

Омелько, кашляючы, замотавъ головою и пишовъ дали такъ смилыво и ришучо, що сторожъ не важывся бильше його запыняты.

Идучы дали, винъ зустричавъ чымъ разъ бильше панивъ и чымъ разъ бильше бентежывся.

Винъ метушывся, спотыкаючысь на гладкому,ававъ панамъ дорогу, що й такъ була шырока, ставъ осторонь и разъ-у-разъ скыдавъ шапку, витаючы: здрастуйте! поздоровъ, Боже!

— Такъ ось якъ тутечкы! Матинко моя ридна!—щыро дывувався селянынъ, увійшовшы у саму глыбъ чыстого, гарного саду. Дали винъ побачывъ чепурненьки дубкы, скляни переходы,—курзалъ.

— Пробачайте, пане, якъ тутечка пройты до дохтора?—осмилывся винъ спытаты одного панка, почуваючы, що самъ

не дасть соби рады и не выберется зъ заплутаныхъ садовыхъ дорижокъ.

— До доктора? Тамъ,—и панокъ показавъ ёму на докторськый павильонъ, що стоявъ окремо будынкивъ, назначенныхъ для хворыхъ.

— Въ тій палати?—несмилыво озвався селянынъ, побачывшы павильонъ зъ рундучкомъ, обсаженнымъ зеленью та квиткамы.— Пробачайте пане,—увичлыво вклонывся ще разъ Омелько,—а скилькы тутечкы беруть? Бо въ мене всёго на всёго тилькы сорокъ карбованцивъ. То може въ мене и грошей не выстачыть? Бо якъ... я самъ зъ Космачева.

— Не знаю, голубчикъ, не знаю,—идучы дали промовывъ панокъ, котрый, очевыдячкы, жывъ лыше одною думкою про свое здоровья и котрому байдуже було про другыхъ хворыхъ.

Николы ще Омелько не почувавъ себе такымъ одынокымъ и безпомичнымъ. Винъ ясно зрозумивъ, що ти дохторы и той кумысъ, котрого винъ николы не бачывъ, але въ котрого чудову сылу цилющу винъ наче-бъ вирывъ,—не для ёго воны.

— Ось тоби и прыйихавъ! Здоровеньки булы, Омельку! Вылечытесь тутечкы! Эге... Останни грошы выкыньте зъ кешени, тай помирайте, задершы ногы до горы. Ось тоби й кумысъ!... Напыйтеся соби Омельку, на здоровля!

Такъ грызъ винъ самъ себе, передвчасно досадуючы за непотрибну мандривку и за дурно вытрачени останни грошы. Ще нихто ничого ёму не казавъ, а винъ вже почувавъ, що ти сорокъ карбованцивъ, яки винъ взявъ зъ собою—якъ плюнуты. Таку думку мымохить наганяло ёму все те, що винъ тутъ бачывъ кругъ себе. Винъ прыгадавъ, якъ тяжко досталыся ёму трыдцять карбованцивъ.

— Ще зъ осени продавъ де-якый корець жыта, бо, хвалыты Бога, бувъ такый урожай... за-десять карбованцивъ,—розмовлявъ самъ зъ собою Омелько. Тры карбованци пишло Ёселю, а симъ зосталося. А на Мыколу сынъ прыславъ два карбованци, то вже девять. А зновъ весною, у велыкый пистъ, возывъ до вокзала землемира, то заробывъ десять злотыхъ. То скилькы то воно тепереньки мусыть буты? Эге... А потимъ, дай Боже памьять, за

полотно, що жинка продала, тежъ десять злотыхъ безъ двадцяткы. Та столяркою ще заробывъ де-якого рубля.. А на решти, якъ не було чымъ на весни телятокъ годуваты, то тра було ихъ продаты Хаиму—щобъ винъ згоривъ!.. Эге... Ось такъ, одне до одного, до гурту... тай набралося трыдцять карбованцивъ... А десять позычывъ у старшыны... Нема що...

И на якого биса прыперло мене сюды?—нехай ось тепереньки мене хто спытае. А то все пысарь: «йидь, каже, на кумысъ; полегчае!» А писля и старшына: «йидь, каже, тамъ вси хвори поправляются»... Отъ таке! Чыста дурныця, далеби! Послухавъ, мовъ людського чого... Чы не все одно де дубомъ статы... Правда, що и пинъ казавъ, щобъ йихаты, и благословеніе навить давъ. Але я вже бачу добре, що ця писня, хочъ и гарна, та не для мене. Може панови тутъ и поможе, а нашъ чоловикъ»...

И винъ сумно похылывъ голову. Але згодомъ винъ зрадивъ и пидбадёрывся, побачывшы середъ чепурно и по-панськи одягненои публйкы, що проходыла повзъ ёго, двохъ селянськыхъ дивчатъ.

Воны йшлы обнявшысь и весело про щось цокотилы.

Одягнени воны булы квитчасто, якъ у свято—у нови, темносыни керсеткы, обшыти червоною стричкою, червони кытайчати спидныци, а обути у чобиткы зъ высокымы закаблукамы и пидкивкамы. На шыи малы воны по велыкому жмуткови намыста, коралꙇвъ и стричокъ.

— А якъ ся-маете, дивчата; здоровеньки булы!—смилыво звернувся до ныхъ Омелько, поспишаючы за нымы.—А чыи вы?—

— Та зъ Горыньгорода.

— А що вы тутечкы поробляете?

— Личымося. А вы звидкиль?

— А нехай-же васъ Господь мылосердный „поздоровыть!—зрадивъ Омелько, наче-бъ ридныхъ дитей побачывъ. Винъ бувавъ у Горыньгороди. Колысь винъ возывъ туды жорна для млына. Винъ, навить, чувъ про батькивъ тыхъ дивчатъ.

Винъ учепывся за дивчатъ, якъ слипый за поводаря, и вывытавъ у ихъ все, що ёму треба було.

Дивчата розсказалы, якъ ёму повернутыся.

Теперъ винъ повеселищавъ, такъ наче-бъ у нёго въ кешени було не сорокъ, а прынаймни пятьдесятъ карбованцивъ.

- - -

II.

Колы дохторъ, посадывшы Омелька на стилци, почавъ уважно оглядаты ёго груды, то пернъ усёго звернувъ увагу на те, що кисть була запала, погнута, а на шкури була сыла довгыхъ смугъ та шрамивъ.

— Оце що таке?

— Пытаете про тыи шрамы? То я, проше пана, на папирни такый тестаментъ соби диставъ. Эге... у пана Z (винъ назвавъ того пана, що мавъ сахарни и папирни фабрыкы) служывъ... ризавъ папиръ на циркулярни... такый, значытся, валъ тамъ йе, що риже папиръ. Два злотыхъ и двадцять грошей за день зароблявъ. Одного разу, якъ щось пидъ ногы попало, то посковзнувся, та впавъ на циркулярню... То ще счастя, що рукамы оперся на пасы, то такъ и одкынуло раптомъ мене на анкеръ. Крычавъ я, крычавъ... та де тамъ въ смутка,—нихто не чуе... бо машына йде соби, стукотыть... за нею голоса не почуешъ. Ажъ описля мене вже взялы, якъ я безъ намьяти бувъ, та понеслы до лазарету.

— Давно це було?—спытавъ дохторъ и почавъ мацать ребра, котри булы крыви.

— А вже... вже буде рокивъ зъ пьять. Бо вже два рокы якъ пансіона не получаю. А то тры рокы дававъ князь пивъ корця жыта и по два карбованця що мисяць, ажъ покы не поправывся. А якъ поправывся, то буде такы два рокы... Бо я самъ-то зъ Космачева.

— А теперъ що у князя получаешъ? Пансіона не дае?

— Дулю дае малёвану. Бильшъ ничого.

— Не багацько-жъ ты, небоже, заробывъ у свого князя. Ты зъ тіеи поры, кажешъ, въ тебе груды болять и кровъ показалася?..

Селянынъ видмовно похытавъ головою.

— Ни. Костоправъ мени поставывъ груды якъ треба: и не болило... Я ихъ саломъ теръ и зилля пывъ. И хвершалъ оглядавъ груды. Казавъ, що ничого... Але зъ весны щось кепсько дуже зробылося. Бо це було таке дило, я вамъ заразъ розскажу... Якъ разъ у другу недилю на велыконости, дай Боже памьять, прыходыть до мене кумъ Степанъ тай каже: «пиць клыче до сипа, йды сино зъ луга возыты».

— А до тiеи поры ты не кашлявъ?

— Этъ... потрошку. Вже и тоди була ядуха. Але слухайте-но... «зъ луга возыты». Кажу я ёму: не пиду, бо въ грудяхъ въ мене стало щось». Бо чую я такы, що не безпечне щось въ грудяхъ. А випъ: «и въ бокахъ, каже, стане, якъ попа не слухатымешъ»». Писля попивськый наймытъ прыходыть, аописля и самъ староста прыходыть. «Ахъ, лыхо ваший та не ридний!—думаю соби...

— Ну, ты намъ довго тутъ языка не чешы,—остановывъ ёго дохторъ, бачывшы, що оповидання балакучого пацiента щось затягуется.

— Ни, бороны Боже,—замахавъ той обома рукамы,—заразъ кинчу... «ваший та не ридний—думаю соби... Треба вже послухаты. А сино добре тоди у попа було: сухе, терпке и зляглося, якъ нибы каминь. Сокырамы стырту рубалы. Отже-жъ и впотивъ я зъ тiеи роботы... Та якъ запригъ я свои волы, та якъ повизъ... та трись! въ ричку и провалывся. Отъ, якъ бачыте! И попередъ мене багацько йихало: и кумъ Степанъ, и Васыль Мырошныкъ, и Гаврыло Лемишъ .. ци вси тежъ зъ Космачева... Такъ ни! На тоби, Омельку, попробуй ще, яка-то вода на велыкопости въ ричци бувае... Божа воля! Тай й пишло зъ того.... На другый день кашель вже гопанцемъ пишовъ, въ грудяхъ ось такъ щось здавыло, въ горли... и кровъ тоди була... але не багацько.

Дохторъ довго и стукавъ, и слухавъ груды Омелька, казавъ ёму то дыхать, то не дыхать, то говорыть, пиднявшы рукы до горы: «двадцять одынъ, два, тры»... то зновъ вытягнуты рукы передъ себе и ничого не говорыть.

Омелько одно лышъ просывъ у дохтора:

— Якъ, проше пана, моя хвороба дуже тяжка, то скажить мени по чистій правди... то я вже не буду и тратытысь, бо въ мене, далеби не брешу, тилькн що трыдцять карбованцивъ... жинка и диткы есть... Воны въ Космачеви...

Дохторъ обицявся и звеливъ ёму пидияты рукы на голову. Прытулывшы ухо до лопаткы, випъ щось довго слухавъ и, звернувшысь до помичныка, сказавъ:

— Phthisis pulmonum, безперечно, и кримъ того... Винъ назвавъ ще скильки сливъ по латыни.

Помыраты? Га?—спокійно спытавъ Омелько, на котрого чужеземне слово робыло тяжке вражиння, наче-бъ ти слова прымовлялы ёго до смерты.

— Прыйде часъ, вси помремо,—сказавъ дохторъ.

— А въ семьи у тебе нихто не вмыравъ видъ ядухы?

— Видъ ядухы? Крый Боже! Ни... наши Пацюкы зъ чого хочете вмыралы, тильки ще не видъ ядухы. Пацюкъ въ Космачеви зъ ядухы вмеръ! Оце сказалы! Хе, хе...—усмихнувся селянынъ, хытаючы головою и дывуючысь, що може буты така чудна думка.

— А батько видъ чого вмеръ?

— Батько?—винъ спустывъ очи и зитхнувъ.—Небищыкъ любылы выпыты... о! любылы! Дай Боже, щобъ кожному такый смакъ!.. Нехай имъ легка земля!

— А самъ пьешъ?

Омелько почухався и трохы усмихнувся.

— Та не дурень выпыты, проше пана, якъ той казавъ! Що правда—то правда. Видъ одпои сосны шышка.

— А тутечкы ничого не пьють, окримъ кумыса,—сказавъ поважно дохторъ.

— Запевне,—послушно и звычайно видповивъ Омелько.— Я бачу... я тильки однымъ окомъ зыркнувъ, то вже бачу, що тутъ за химерія.

— Чай, якъ хочешъ, можно пыты.

— Ни... чай Пацюкы въ Космачеви не вжывають. Тамъ кытайськи, кажуть, гныды попадаются. А може то и неправда?—

додавъ Омелько, побачывшы усмихъ на лыцяхъ дохторивъ и стараючысь яко мога сгожуватысь зъ ихъ поглядамы.

— Ну, чай тамъ якъ соби хочешъ, а тильки йисты треба якъ можно бильшъ.

— О-о!—ажъ просяяло лыце Омелька, неначе передъ нымъ стояла сама любыма йижа.

И дохтори, своимъ звычаемъ, почалы розсказуваты Омелькови, яки прости, але сытни селянськи стравы винъ мигъ-бы йисты.

— О про це не журиться,—спивчуваючы, похытнувъ головою Омелько.—Кышка не кешеня, щобъ зъ неи що згубылося. И дурень морды видъ кашы не одверне. Тильки подавай...

III.

Що добре въ с.—кому курорти, такъ безперечно те, що винъ не дуже дорогый. Певна ричъ, у самому курорти бидній людыни не можлыво було-бъ жыты, але, найнявшы за скильки карбованцивъ кутокъ у якій селянській хати поблызу, селянынъ за скилька-десять карбованцивъ може провесты увесь курсъ кумысного ликування.

Дохтори кажуть, що на с—кому курорти що року чымъ разъ бильше бувае селянъ.

Зъ другого такы дня Омелько почавъ дуже справно, якъ того потрибуе порядокъ курорта, и щыро выповняты та видбуваты все чысто, що казавъ дохторъ.

Все, що бачывъ винъ тутъ кругъ себе, вражало ёго видразу, якъ щось невыдане, нечуване, и справляло якыйсь дывный, незвычайный настрій у ёго души, захопляло ёго якымысь невидомымы почуваннямы. Лисъ, той звычайный, простый лисъ, зъ яливцемъ, шышкамы и всякымъ хмызомъ, де винъ зъ-малку пасъ коровы та кони, куды винъ йиздывъ на ночлигъ, де звыкъ бачыты вовкивъ, ужив, деркачивъ, зайцивъ та смердячыхъ удодивъ, бувъ тутъ зовсимъ иншый, такый, що й не снывся Омелькови.

— Ото лыхо ёго ма, що то гроши не зроб́лять на свити! И треба-жъ таке вымудроваты!—дывувався Омелько.

Спершу все ёго вражало: и велыки будынкы, и квитныкы, и гимнастыка, и тенисъ, и кегель-банъ. До концертового залу зъ галлеріею винъ и не пидходывъ, вважаючы, що тамъ ёму буты не слидъ, щобъ паны не прогнивалысь...

— А це що таке?—зацикавывся винъ, побачывшы невелычку башту, що стояла посередъ зеленого мурижку, а на ній зъ рижныхъ боринъ булы навишани: тепломиръ, барометръ, гигрометръ та инше.

— Це показуе, яка мае буты погода.

— О-о... Ну-ну! И винъ уважно слухавъ, якъ ёму розсказувалы, що таке барометръ, а видъ себе такы додавъ, що якъ корова, задершы хвоста, бигае по полю або по лугу, то мусыть буты гримъ, а якъ тулытся пидъ стриху, то запевне, що буде дощъ.

— А чы воно покаже, якый буде рикъ—врожайный, чы неврожайный?—пытавъ Омелько, зацикавывшысь барометромъ.

Ёму выяснылы, що такого прыстрою нема, щобъ показувавъ на врожай, що це неможлыво...

— Якъ то?—дывувався селянынъ. Запевне можно знаты, бо якъ боцюнъ въ Космачеви на весни скыне зъ свого кубла дытыну, малесеньке боценя, то завжде бувае неврожай. Це вси знають... всякый навить дурень на сели...

На курорти не зналы, що ёму на те казать.

Але найбильше звертала ёго увагу военна музыка, що грала на эстради середъ лису. До цёго мисця ёму легче и вильнійше було доступыты. Навкругы галявкы, блыжче до оркестра, сыдила звычайно рижна публика. Найбильше бувало тутъ жыдивъ.

— А-а! и вашого пантофлевого мосци-паньства тутечкы досыть, якъ я бачу!—не здержавшысь, скрыкнувъ мымохить Омелько, колы побачывъ на лавочкахъ жыдивъ. Зъ ными винъ почувавъ себе зовсимъ вильно.

Просыжувавъ тутъ дядько цили годыны и жадлыво слухавъ ту музыку, що гула трубамы и барабаномъ. Де-колы вона прой-

мала ёго незвычайно. Винъ стававъ середъ дорижкы, самъ того не помичаючы, видбывавъ ногою въ ладъ зъ музыкою, похытуючы своимъ велыкымъ и худымъ станомъ: зворушувався ёго духъ и винъ промовлявъ:

— Отъ такъ ёго! Шкварь!... Ще! ще!

Але ридни украинськи писни наганялы на ёго смутокъ. Тоди винъ прыгадувавъ соби свою симью и журывся, думаючы про те, що то діется безъ ёго вдома, и що ёго диткы тамъ поробляють. Чаривно-гармонычна писня: «Та нема гиршъ никому, якъ тій сыротыни»—вражала ёго дуже сыльно, захоплювала вси ёго почування и думкы, и, мовъ зачарованный, винъ сыдивъ, затопывши очи у далечинь увесь часъ, покы грала музыка. А якъ кинчалася писня, винъ наче прокыдався зъ якогось дывного сну, зитхавъ, якыйсь часъ прыспивувавъ тыхо на голосъ писни, котра все ще лунала въ ёго ухахъ, а потимъ, зитхнувшы важко, казавъ, дывлячысь кудысь у гору, кризь виты высокои хвои:

— Отъ таке-то... Жыття, якъ та хмара. Звидкиль то вона ввійшла и куды иде—хто ёго видае.. Чоловикъ жыве соби та мудрue, а Богъ вже каже: досыть!

Омелька довго дывувалы яйцевати, кругло-довги кумысови бутылкы, що нагадувалы ёму огиркы-жовтякы, яки звычайно лышають бабы на насиння. Таки бутылкы вжываются на курорти для тои прычыны, що воны выдержують сыльный тыскъ кумыса, колы винъ квасне и мусue. Але найбильше гнитыла ёго та думка, що за таку бутылку тра даты сорокивку и що-день тра ковтнуты ось такыхъ бутылокъ килька штукъ. На кумысъ винъ переставъ покладаты надію зъ тои поры, якъ довидався, звидкиль винъ добувается и якъ робытся.—Правда, що кобыла тильки чысту траву йисть, але якъ Богъ не захоче, то кобыла не поможе. Але гамакъ ёму дуже такы вподобався. Винъ уважно роздывывся, якъ винъ справленый и, не думавшы довго, на другый день купывъ соби пивъ третья аршына мицного, сирого полотна та пару посторомкивъ, прышывъ пры кинцяхъ впоперекъ дви ломакы, кинци зашморгнувъ у посторомкы тай выйшовъ гамакъ. Правда, на ёму треба було лежаты дуже спокійно и обережно,

але за те Омелько мигъ казаты, що его гамакъ коштуе не пивтора карбованця, а два злотыхъ зъ десяткою.

— Десять злотыхъ за якусьситку! Та у насъ, у Космачеви, за карбованця цилу клумлю [1]) можно купыты! Якъ бы знавъ, що видъ ситкы чоловикъ здоровійшае, то, далеби, прывисъ бы зъ собою цилого волока...

Дуже любывъ Омелько прохожатысь по «панськыхъ дошкахъ»—по склянній галеріи, колы тамъ не бувало публикы. Винъ почувавъ себе тоди якось незвычайно.

— Такъ такы и не по дорози, и не по стежци... Ани соломы, ни гною, ни навить пылу нема... И стовпци тоби мыгають, и чобота нигде не зачепышъ... И до того ще квиткы тоби навкругы... Пахне... А зверха покривля—нибы хата, тильки що стинъ нема; замисць стинъ—скло... Нибы въ якійсь склянци соби ходышъ, тай годи! Дуже гарно, лыхо его матери»!..

Ось такъ похожавъ Омелько, заклавшы рукы назадъ, лантуховато пересовуючы ногы, «шпацерувавъ» соби инколы по галеріи. Але винъ не мигъ тамъ довго ходыты. Видъ того плентання по вузенькій довгій дорижци, помижъ стовпцивъ, повытыхъ выноградомъ, свитъ ёму, незвычному, почынавъ крутытысь: винъ боявся, колы-бъ не впасты та не побыты скла, и зходывъ звидтиль помалецьку, обережно, а ногы, мовъ-бы чужи, забигалы и сюды, и туды.

— Чортъ его батька зна, що воно таке,—думавъ соби Омелько. И якъ тутъ ходыты?...

IV.

Курортна публика, якъ то скризь бувае, дилылась на гурткы. У глыбыни парка, виддаля видъ панськыхъ мисць, мижъ музыкою та тыномъ, бувъ кутокъ, де лежалы на земли або у гамакахъ селяне. Ихъ було де-килька. Воны лежалы соби звычайно, харкалы просто на траву, не вважаючы на те, що це на курорти дуже

---

[1]) Велыка ситка, що ловлять рыбу.

заборонялось. Спершу воны дуже багато спалы, корыстуючысь незвыклымъ безробочымъ дозвиллямъ.

Кожный зъ ныхъ прыносывъ зъ собою у паркъ клуночокъ або «кошиль», де ховавъ убогый скарбъ свій... Лышъ тяжкый недугъ прымусывъ тыхъ людей увійты въ незвыкле, чуже для ныхъ курортне. жыття. Кумысъ воны пылы повагомъ, смакуючы кожный ковтокъ. бо кожный ковтокъ коштувавъ скилька копіёкъ.

— Працюешъ цилый день, щобъ заробыты якого-небудь карбованця, а тутечкы карбованець—мовъ та муха: пролетила, такъ чортъ іи и ма...—мудрувавъ Омелько зъ того прыводу, що такъ швыдко «грошенята» розходятся на курорти.

— А за те спатымешъ пидъ музыку, нибы панъ,—лагодывъ ту сумну думку его сусида Гаврыло Чорногузъ.

— Эге... Що правда—то правда. Тильки що до церквы у недилю ходымо, а то зовсимъ вже булы-бъ господынъ Пацѣнскій та Чорногускій.—кенкувавъ самъ зъ себе селянынъ.

— Чому-то паны не ходять до церквы?

— А за тымъ. що. бачъ. ихъ кобыла бильшъ личыть, якъ Богъ...

Гаврыло Чорногузъ лежавъ у гамаци поручъ зъ Омелькомъ, и воны найбильше промижъ себе балакалы Чорногузъ бувъ селянынъ зъ черныгивськои губерніи. Сухоты булы у ёго вже давно и у дуже тяжкій форми.. Дывлячысь здалека на Гаврыла, колы винъ стоявъ пидъ сосной, можно було подуматы, що це лышъ кистякъ селянына, невидомо для чого прыставленый до дерева. Лышъ жыви, ворухлыви очи ёго показувалы, що це жыва людына. Горбата спына и запали груды выгнулы ёго станъ, якъ дугу. Дывуватысь треба було, якъ зъ того худого и нужденного тила выходывъ гучный и голосный кашель. Той кашель далеко лунавъ по всёму саду. Де-колы, не можучы видкашляты, Гаврыло, спершысь до сосны и ще гирше зигнувшысь, стогономъ стогнавъ скилька хвылынъ. Збигалысь звидусиль слаби, щобъ помогты нещастному, але. звычайно. нихто не мигъ даты раду.

Разъ-у-разъ хапаючысь рукамы за груды, Гаврыло нарешти на превелыку сылу видкашлювавъ и, поводячы мокрымы очима на всихъ панивъ, що зибралысь коло нёго, промовлявъ:

— Отъ же-жъ и довелося погавкаты, нибы нашъ становый! Далеби. Все жыття мусыть мужыкъ втышкы говорыты передъ паномъ, а тильки передъ смертью може соби досыть погавкаты. Эге... Пробачайте панове!—невидомо для чого перепрошувавъ слабый публику, що спивчуваючы дывылась на ёго.

— Та и то не дарма! И за гавкання платытымешъ пану-доктору,—доповнывъ Гаврылову думку Пацюкъ.

— Ну, а за те вже попови то безъ мене заплатять,—казавъ Гаврыло, и ёго свитло-блакитни очи дывылысь на всихъ прыхыльно, наче усмихаючысь, и свитылась у ныхъ тая ласка и покирнисть, зъ якою селянынъ корытся своїй тяжкій доли. Гаврыло не дуже клопотався своимъ кашлемъ и говорывъ, що ёго дидъ, батько, и маты завше кашлялы и довго жылы... Журба та сумни думы не часто находылы на Гаврыла, а колы, бувало, й находылы, то винъ швыдко розганявъ смутокъ, прыслухаючысь до якои чужои розмовы. Музыку винъ любывъ и слухавъ іи, не покыдаючы розмовы. Не такъ Омелько: той, зачувшы музыку, заразъ змовкавъ, уважно слухаючы, а потимъ зновъ почынавъ балачку зъ того самого слова, на якому спынывся.—Омелько и Гаврыло часто и довго балакалы промижъ себе, бо багато було у ныхъ спильного и цикавого для розмовы.

Третій селянынъ, що лежавъ недалеко видъ Омелька, бувъ землякъ Гаврыла. У цёго уражене було хворобою горло, и винъ не мигъ говорыты голосомъ. Звався винъ Дмытро Порошъ.

Омелько здывувався, колы, пидійшовшы до Дмытра уперше и промовывшы: «здоровеньки булы, чоловиче», почувъ замисць голосу якесь незвычайне шыпиння, мовъ-бы зъ-пидъ папороти, що росла пидъ кущемъ недалечко, вылизла гадюка.

— Та Бога-жъ вы бійтеся, чоловиче! А чого це вы такъ, мовъ пипъ у велыконистя на сповиди? Га?

А Дмытро все шыпивъ и замахавъ рукамы.

— Стрила въ горли заступыла,—ледве чутно прошыпивъ винъ, и зъ рота ёго потягло такымъ поганымъ духомъ, що навить Омелько, що прывыкъ до всякыхъ пахощивъ, мымохить видступывъ трохы назадъ.

— Трымается и не выходыть,—чыста напасть!

— А-а?—протягъ Омелько, наче-бъ теперъ винъ усе зрозумивъ.—Та це вы, якъ я бачу, зовсимъ такъ по-пански захворилы.

Пизнише, розговорывшысь зъ Гаврыломъ, Омелько довидався, що за чоловикъ бувъ Дмытро и видчого сталася ёму така напасть.

Дмытро зъ молоду—а теперъ ёму вже доходывъ пьятый десятокъ—бувъ гультяй и пьяныця. Де лышъ, бувало, у сели пьють, то тамъ вже певне не безъ Дмытра.

Разъ покладено на ёго грихъ, нибы-то винъ укравъ теля и продавъ ёго ялышныкамъ. Дмытро не прызнавався; ёго забралы у волость и тамъ прылюдно вышпарылы ризкамы. Писля того винъ загынувъ кудысь; нихто не знавъ, куды ёго посыло, а повернувся винъ до дому лышъ черезъ пьять литъ и прынисъ зъ собою грошы.

Розпытувалы ёго люде, де и якъ винъ ти грошы доставъ, але Дмытро завжде якось выкручувався, якъ то кажуть, собачою стежкою.

— Чы мало де-кому грошы достаются? На свити ще досыть дурнивъ,—казавъ винъ.

— Ой, вкравъ!.. Выдко по очахъ, що гулявъ по почахъ,—вважавъ де-якый, бачывшы Дмытрову непевнисть.

— Ну й гулявъ, а тоби що? Не за твои грошы,—видповидавъ той, смилыво дывлячысь всимъ въ очи.

Розсказувалы люде, що не разъ и батюшка на сповиди допытувавъ ёго про грошы, але ничого не довидався.

— Винъ сповидается очима, а не языкомъ... Моргае... Его такъ и прозвалы на сели: «моргунъ».

Навить оженывшысь, винъ не все розсказавъ жинци про грошы: вона ніякъ не могла допытатысь, скилькы винъ ихъ мае. И ховавъ ихъ въ рижныхъ мисцяхъ. Розсказувалы, що ёго грошы

перебувалы пидъ всима стовпамы хаты. Напувалы его чы-разъ, та дарма: и пьяный, було, ни слова про грошы не выкаже. А колы, було, пры компаніи за чаркою пожартуе хто, тай крыкне знепацька: «Дмытро, въ тебе грошы вкралы!», то винъ неначе прокыдався и увесь хмиль пропадавъ зъ ёго головы.

Дмытро не цурався ніякого громадського дила; пывъ зъ людьмы, самъ людей частувавъ, а про те люде ёго не любылы. «Винъ зъ Моргуномъ за пани-брата»—говорылы звычайно про всякого непевного чоловика.

Мыналы лита, а Моргунъ чымъ разъ стававъ чогось бильше невеселый, мовчазный.

Але случылась прыгода, котра дуже переминыла Дмытра. Якось у литку, писля гулянкы у свято, винъ лигъ на ничъ у клуни, на вышци. Нихто, бувало, навить у симьи ёго не знае, де винъ ночуе. Скаже: у клуни, а пійде у комору, або що.

— А у ту ничъ клуня якъ разъ и запалылася,—розсказувавъ Гаврыло, що бувъ пры тій прыгоди.—Чую я, люде по вулыци крычать—«пожаръ! Мытро горыть»! Бижу... Ажъ и справди горыть соби Мытрова клуня зо всихъ кинцивъ. Нихто не знавъ, що тамъ Дмытро, и ребрыны вси попрыймалы. А винъ въ ту хвылыну пробудывся, побачывъ що злизты нема де, отъ же и почавъ винъ допиро крычаты! Не дай Боже, якъ зъ переляку винъ репетувавъ! Люде ёму крычать: «скакай, дурный, внызъ»! А винъ не догадуется, бо зовсимъ забаламутылося тоди въ ёго голови. А потимъ якъ скокнувъ, то просто въ стійло, де коровы стоялы... Тутъ ёго и вытяглы. И ото зъ тіеи поры голосу въ ёго нема. Въ Почаивъ ходывъ часто, кажуть, тамъ каявся и сповидався. И хворости, здается, велыкои въ ёго немае, але що то за чоловикъ безъ голосу? Бабы ёму рижного зилля давалы, а въ решти сказалы, що це огнева стрила. Ну, то прыйихавъ на кумысъ. Винъ пысьменный.

— Але?...

— Далеби. Вміе пысаты и чытаты, але ёму теперъ не до чытанкы. О, це розумный бувъ колысь чоловикъ... Теперъ винъ, якъ то кажуть, трошкы зйихавъ зъ даху... Сумуе все...

— А грошы въ ёго тепереньки йе?

— А хто ёго знае! Иды, запытай, якъ що скаже...

— Тс...

Балакаючы, воны не запрымитылы, що Дмытро, котрый сыдивъ нерухомо у гамаку, пыльно дывывся на ныхъ и наче уважно слухавъ. Але це такъ лыше здавалося. Прыдывывшысь пыльно, можно було побачыты, що ёго велыки, сыви, мутновати очи дывылысь кудысь у друге мисце, дальше, нижъ думалы ёго товарыши.

— Винъ все одно не чуе,—сказавъ Гаврыло.

— Чуе!

— Ни!.. То тильки такъ здается. Винъ часто ось такъ. Сяде—и нибы винъ комусь на небо моргае...

Справди надъ ёго очима здригалась то одна, то друга брова. Черезъ те ёго темне, неначе скамениле облыччя здавалось трохы жывійше. Часомъ, наче втомывшысь глядиты все въ одно мисце, Дмытро заплющувавъ очи и швыдко засыпавъ, не вважаючы на те, де винъ бувъ. А найбильше звертало увагу публикы те, що винъ мигъ спаты сыдячы. Сяде, було, у саду на якый шырокый пень, схылыть нызько голову на груды, скорчытся, зтулытся, ажъ нибы поменьшае весь, и хропе соби на вси заставкы; тай сыдыть такъ нерухомо по скилька годынъ. Розмова, шумъ, навить музыка ничогисенько не шкодылы ёму спаты. Прокынувшысь, винъ закладавъ рукы назадъ и казавъ, що болыть ёго спына. Колы-бъ товарыши не будылы ёго надъ вечиръ, то може такъ спавъ-бы винъ тамъ и до другого дня.

Выспавшысь гарненько, Дмытро почувавъ себе дуже добре, и брала ёго тоди охота балакаты. Але говорыты було ёму дуже важко.

Ходывъ Дмытро завжде поважно, ривно, одну руку державъ за пазухою, звидкиль выглядала шыйка кумысовои бутылкы, а другу—у кешени своихъ чорныхъ, зъ грубого сукна, штанивъ. Чоботы ёго булы складно пошыти, а зъ-пидъ кацавейкы на полотняній пидкладци выглядало щось таке, неначе жылетка...

Гаврыло тежъ одягався не зовсимъ по-селяньськи. Бувъ на ёму якыйсь пиджакъ, жылетки не було, и проста полотняна сорочка була розхрыстана у комири, а штаны булы тежъ зъ чорного сукна, не шыроки, а шыти по мирци.

За те Омелько одягався якъ справный, щырый полищукъ. Не було въ ёго одежыни, якъ кажуть, ни бляшкы, ни зализа — хиба що тильки пидковы на чоботяхъ. Вси гудзыкы булы деревьяни, и поробывъ ихъ соби самъ Омелько.

Проста сира свыта, куплена на ярмарци, мало не двичы могла обгорнуты ёго худый станъ; добри, хазяйськи чоботы доповнялы цю верхню одежу Омелька. Повстяна шапка ёго уявляла зъ себе те, що по-полисськи называется: «штыре губерніи, пьятый повить», тобъ-то: штыре куты, а зверха по середыни бахматый суконный гудзь. Полотняна сорочка зъ шырочезнымъ комиромъ, була пошыта хочъ и не зовсимъ зручно, але за те мицно. Прости полотняни шыроки штаны ніякъ не хотилы держатысь на худыхъ Омельковыхъ стегнахъ и разъ-у-разъ обсовувалысь: хочъ винъ разъ-у-разъ пидтягавъ ихъ, але про те матня высила ёму ажъ до чобитъ.

Омелько проводывъ увесь часъ въ компаніи зъ Гаврыломъ и Дмытромъ. Балакалы, звычайно, бильше Омелько и Гаврыло, а колы, було, заговорыть Дмытро, то вси ёго уважно слухалы. Воны варылы соби «декохтъ» зъ рижныхъ травъ и вирылы, що той декохтъ помогае видъ сухоть.

Зилля на декохтъ селяне купують у знахоривъ або по маленькыхъ крамныцяхъ и платять видъ 50 коп. до 2 рублывъ за фунтъ.

Воны розсказувалы одынъ одному про свои вражиння, разомъ ходылы у церкву. И ти тры селянына — Моргунъ, Кашлюнъ и Полиха (такъ прозвалы потимъ Гаврыла и Омелька), — що ходылы зъ своимы кумысовымы бутылкамы по стежкахъ парка, то вси врядъ, то одынъ за другымъ, звертали на себе увагу усіеи курортнои публикы.

— И ото дывно, чы побувае чоловикъ въ води, чы въ огни, а хвористь одна — кашель и часамы голоса немае, — найчастише,

трохы передумавшы, почынавъ розмову Гаврыло, розглядаючы хворыхъ на курорти.

— Одна то одна, а личыты ризно... Якъ видъ водянои стрилы перестае голосъ, то саме лıнше пыты декохтъ... Эге... Це дуже, кажуть, помогае. А якъ видъ огню, то треба ляпысомъ, не инакше...

— Що ляпысъ? То все на ницъ,—видповивъ Гаврыло, гойдаючысь злегка у своему гамаци. Показувавъ мени хвершалъ того ляпыса. Эть, якыйсь тамъ каминецъ. Що воно поможе? Кажуть, що громова стрила помогае видъ рижнои хворобы... Але я іи не пывъ... Кажуть знову стари люде, що треба дуты на жаръ та говорыты ризне, що баба каже... Але те все зá-ницъ—махнувъ винъ рукою.

— Правду сказавшы, чого тильки я не перепробувавъ,—казавъ Омелько. И бабы мени шепталы, и знахори пидъ викамы лызалы, и батюшка вычытувалы, и цыганови руку я показувавъ, и въ монастырь одынъ ходывъ... Казалы, тамъ одынъ чернець личыть ядуху, все одно що самый лıпшій дохторъ... Та ничого не помогло. Йивъ я и медъ зъ березовымы брунькамы. Э, вже я такъ скажу: чы круты, чы верты, а все треба вмерты.

— Ну, а я то знову такъ скажу,—видповивъ Гаврыло,—що на ядуху та задышку ще можна порадыты. Ну, а проты сухоткы ничого не подієшъ, братику...

— А що-жъ ты проты ядухы поробышъ!

— Йисты добре треба. Далеби. Саме лıнше йисты ячминь переварений, щобъ винъ въ сали плававъ. Та зъ кавалкомъ добрымъ хлиба.. А потимъ масло зъ медомъ, такъ на половыну. Не зле тежъ и сало, тильки не просте, а зъ козы, або зъ собакы. Я знавъ одного чоловика, що дуже хорувавъ задушышою, то винъ що робывъ? Самъ бывъ гладкыхъ собакъ, деръ зъ ныхъ сало, топывъ ёго и йивъ на всю губу. Оть же-жъ и росперло ёго! Ось такый ставъ,—и Гаврыло розвивъ рукы Чыстый гыцель!.. И такъ ёму це сподобалося, що винъ гыцлювавъ до самои смерти... Здоровый ставъ чоловичына. Далеби. Якъ кому що йде.

Омелько и Гаврыло збиралысь вже лягты у гамакы заснуты, якъ до ныхъ пидийшовъ Дмытро и пошепкы сказавъ:

— На весни, якъ зійде ярове, пидросте ось таке,—и винъ показавъ долонею на чверть видъ земли,—то, вставшы до схидъ сонця, треба назбираты самыхъ чыстыхъ ривныхъ травынокъ зъ жыта, въ саму тыху погоду, щобъ зовсимъ не було витру, бо якъ хочь трохы витеръ похылыть траву, то вона вже не буде маты того соку... Эге, та збиравшы, все треба говорыты якунебудь молытву до Богородыци. Писля ту траву завьязаты въ пучечкы и засушыты, а потимъ даваты слабому пыты, заварывшы нибы чай, то помогае, особлыве якъ впустыты туды скильканадцять капель хрещенои святои воды...

Згадавшы про святу воду, Дмытро перехрестывся. Хрестывся винъ тежъ всякый разъ передъ тымъ, якъ мавъ пыты кумысъ. Нихто не видповивъ ёму ничого на ти слова, бо нихто не мавъ охоты тягнуты дали цю розмову. Лышъ тоди, якъ Дмытро пишовъ на свое мисце и лигъ, Омелько переглянувся зъ Гаврыломъ и нышкомъ, такъ щобъ не чувъ хворый, спытавъ ёго: «чы пье Дмытро сёгодня кумысъ?» Гаврыло видмовно похытавъ головою.

— Каже, що винъ не лошакъ и не нимець, щобъ не памьятаты, колы середа и пьятныця... А сёгодня окримъ огирка и хлиба ничого ни йисть. Бороны Боже, щобъ винъ колы въ пистъ скоромне зйивъ, або въ свято до церквы не пишовъ. Хутійшъ вмре, а йисты не стане. Винъ давно пишовъ бы въ монастырь, та жинка не пускае... «Хочь бы, каже, мени наймытомъ пры монастыри послужыты». И це все зъ нымъ таке зробылося зъ теи поры, якъ клуня згорила...

— А скильки винъ, братику,—трохы зъ годомъ почавъ знову Гаврыло про Дмытра,—молебнивъ наймае, и то все найбильшъ Пантелеймонови, и на службу завше дае. Раньше паламара до церквы прыходыть... Стане биля дверей въ церкви та все молытся.

— Чого-жъ винъ сюды прыйихавъ? Певне, що ёго сылкомъ заставылы прыйихать?

— Ни, самъ по своій воли прыйихавъ. Бачъ, ёму одна баба сказала: пый всяке молоко, яке тильки йе на свити, то выдужаешъ и голосъ проявытся. То винъ якого тильки молока вже

нэ пывъ: и видъ коровы, и видъ козы, видъ овечкы и навить видъ сучкы...

Омелько сплюнувъ.

— Отъ якъ бачышъ, и справди поправляется потрошку. Позаторикъ винъ такъ хорувавъ, що думалы—вже вмре нашъ Моргунъ... Та якъ ставъ всяке молоко пыты—выдужавъ. И видъ кобылы молоко пывъ—просте, тепле... Якъ почувъ зимою, що йе особе молоко—кумысъ, то захтивъ и ёго попробуваты, то прыйихавъ... Ну, и я зъ нымъ... Одынъ не пойихавъ-бы, бо мени кумысъ видъ кашля нichого не поможе, я знаю, бо у насъ вси зроду кашляють. Але, якъ то кажуть, въ гурти и крывый прыскакуе... Та и дохторъ до мене прыставъ, мовъ оса,—йидь та пый кумысъ... Дмытро мени и грошей давъ, бо у мене не було.

— Оце то винъ не скупый?

— Першъ страхъ якый бувъ скупый. Ничогисенько никому бувало не дасть... А теперъ дае нышкомъ щобъ нихто не бачывъ и щобъ жинка не знала; покладе грошы на викни, рубля, а часомъ и два, кому дуже треба... Й не хоче, щобъ виддавалы назадъ и дякувалы: каже, що то видъ Бога... А жинка сварытся. И багато навить грошей роздае, але про те не люблять такы ёго у насъ люде, та й годи...

— Чому?

— А хто ихъ знае? Не люблять. Бо то кажуть,—ще тыхше, поглядаючы на Дмытра, сказавъ Гаврыло,—що винъ нибы завмырае... зовсимъ якъ вмре и бачыть, що на тому свити дiется и що кожному буде, все, все бачыть... А якъ прокынется, то хочъ-бы кому-небудь що сказавъ. Скильки бувало просять,—а ни слова. Дывытся кудысь та моргае. То у ёго око нечысте...

— А на хазяйстви у ёго хто?

— Жинка. О, працёвыта це баба, голосна, проворна та и дитей добре доглядае. То тежъ—ни зъ жинкою, ни зъ дитьмы часомъ рота не роззявыть... Мовчыть, мовъ сомъ. Це винъ тута тильки щось трошкы ставъ балакаты... Чудный це мужыкъ. И то все зъ того пожара. Огнева стрила ёму мову заткнула.

— Ни,—задумавшысь промовывъ Омелько, выслухавшы оповидання Гаврыла,—не такъ стрила, якъ ти грошы ёму поперекъ горла тепереньки стоять.—Але звидкиль винъ ихъ взявъ?—цикавывся Омелько.

V.

Була на курорти людына, зъ котрою познаёмылысь наши селяне: лакей одного багатого хворого пана, котрый не одну вже тысячу вытратывъ на ликування по заграныцяхъ и теперъ прыйихавъ на курортъ зъ цилою юрбою челяди, и навить собакъ своихъ забравъ.

Той лакей, невелычкого зросту, зъ кругленькымъ черевцемъ, рябый на выду, звертавъ на себе увагу всихъ своею постатью и одежою. Рукы ёго булы таки коротеньки, наче прыставлени до тила патычкы-обрубкы, мовъ у крота. Бороду винъ голывъ, а лышавъ пидъ ушыма невелычки клаптыкы, що малы скыдатысь на бакенбарды; маленьки руди вусы винъ коротко стрыгъ, а голова була лыса, якъ макогинъ. Одягався винъ у ряби вузеньки штанци, що щильно облягалы ёго тонки ногы, у билый пиковый жилетъ, поверхъ котрого була якась зеленовато-сыня пиджачына зъ двома гудзыкамы ззаду. Ззаду пиджачына роздвоялась на два хвостыкы, а видъ гудзыкивъ высилы дви кытычкы. На голови бувъ рябенькый круглый картузокъ.

Колы винъ у-перше пройшовъ по стежци поузъ того мисця, де лежалы у гамакахъ селяне, Омелько не стерпивъ тай розреготався и прозвавъ ёго «якымсь недоробкомъ». А колы лакей показався у-друге, Гаврыло звернувся до ёго:

— Якъ ся маете, мось-пане! Идить сюды!

Лакей важно пидийшовъ и подавъ руку селянамъ. На пучци у ёго бувъ срибный перстень зъ якымсь велыкымъ каминцемъ.

— Звидкиля прыйихалы?

— Изъ за-границы, изъ Мерана.

— О-о!—протяглы селяне вси въ одынъ голосъ и высунулы зъ гамакивъ свои головы, якъ гусы, колы побачуть въ своимъ гурти индыка або павыча.

— О, то вы свита де-якый шматокъ такы побачылы?

— Ну да,—по чугункѣ—ѣздили-съ. И скажите пожалуйста, тамъ очень лучше-съ... весьма хорошо-съ... за границей.

— А скильки днивъ туды треба йихаты? въ тую заграныцю?

— Не весьма долго-съ... И скажите пожалуйста, вы можете быть тамъ черезъ четыре дня-съ. Это въ Австріи... И тамъ-съ, тамъ все весьма хорошо. Что, скажите пожалуйста, этотъ паркъ по сравненію-съ? тамъ пожалуйста будетъ въ двадцать разъ больше-съ, весьма больше-съ. И музыка въ четырехъ мѣстахъ играетъ-съ. Ну да.

— Чы ты бачишъ?—дывувався Гаврыло, пидгынаючы ногы пидъ себе и злегенька гойдаючысь у гамаку.

— Тамъ, можно сказать, необыкновенно-съ,—казавъ тымъ часомъ лакей, выхыляючысь передъ селянамы и розмахуючы невеличкымъ прутыкомъ надъ ногою, котру винъ выставывъ впередъ. Цикависть слухачивъ додавала ёму охоты оповидаты дали про заграничии дывовыська.

— И если угодно, какіе тамъ, скажите пожалуйста, аллеи, галлереи и моціонсъ-съ! Да... тутъ что?—И винъ повернувся на своихъ коротенькихъ пижкахъ кругомъ и махнувъ рукою.—Все это, можно сказать, не весьма хорошо-съ... истинные пустяки. Тамъ первымъ дѣломъ нужно поступить-съ на курсъ... Масса публики всякой, весьма разнообразной, и даже есть, можно сказать, баллюстрада и оперъ-штрассе... весьма великолѣпно-съ за границей.

Довго оттакъ оповидавъ лакей про заграныцю, выкручуючысь та выхыляючысь на вси способы передъ селянами, котри мовчкы слухалы ёго.

— Слухай-но, мось-пане,—перепынывъ ёго Омелько,—якъ тебе зваты?

— Иванъ Өеодоровичъ-съ!—сказавъ лакей, трохы прысидаючы и легенько торкаючысь картуза, котрый зсунувся бувъ ёму на потылыцю.

— Ха-ха-ха!—голосно зареготався Омелько, а за нымъ и други селяне.

— Та якый-же ты Иванъ Өеодоровичъ,—реготучы промовывъ Омелько,—ты просто Ефендрикъ! Далеби Ефендрикъ!...

Иванъ Өеодоровичъ зовсимъ не вразывся и навить усмихнувся. Нове прызвысько нибы навить вподобалось ёму.

— И скажите пожалуйста, какія-съ, можно сказать, шутки. Иванъ Өеодоровичъ—и вдругъ, какъ вы изволили сказать, Ефендрикъ. Такого имени нѣтъ-съ... Увѣряю васъ...

— Чы увирай, чы не увирай... а ты Ефендрикъ—и шабашъ. Тай годи!

Зъ тои поры у Ивана Өедоровыча на курорти стало прызвысько «Ефендрикъ».

Безцеремоннисть селянъ зъ Иваномъ Өедоровичемъ стала ще бильша, колы воны довидалысь, що Ефендрикъ зъ простыхъ селянъ зъ Подилля. Змалку винъ ставъ на службу при паньському двори, тай такъ и лышывся до вику лакеемъ.

Дмытро, що за молоду бувавъ въ рижныхъ мисцяхъ, знавъ и ёго село.

Але колы Ефендрикъ, розбалакавшысь зъ селянамы про знаёмыхъ панивъ, згадавъ про одного панка Лепешковського, у котрого вкрадено гропы,—Моргунъ здригнувся и пидвивъ голову.

Омелько тымъ часомъ зацикавывся тымъ панкомъ и просывъ Ефендрика розсказаты, якымъ чыномъ сталася та крадижка. Ефендрикъ залюбкы розсказавъ.

Зъ того оповидання Ефендрика селяне довидалысь, що не всимъ панамъ добре жыветься на Подилли; що тамъ йе паны, котри жывуть не краще заможнёго селяныпа. Такый власне бувъ той панъ Лепешковськый. Мавъ винъ щось биля трыдцяты десятынъ земли, скилька штукъ товару, а жывъ у простій хати, якъ казавъ Ефендрикъ, «не весьма хорошо-съ»... Разъ до того панка ставъ на службу якыйсь пройдысвитъ; винъ не прослужывъ и мисяця, якъ панъ ёго выгнавъ и грошей не заплатывъ. А той, забираючысь зъ двору, вкравъ у пана образъ Почаивськои Богородыци въ гарній срибній оправи. Панъ трохы не збожеволивъ, колы увійшовъ у хату и побачывъ, що нема образа. Казалы люде,

що въ тимъ образи булы заховани гроши. щось биля тысячы карбованцивъ.

— Гультяямъ часомъ счастыть, лыхо-ма...—промовывъ Гаврыло, що блукавъ очыма на вси стороны пидъ-часъ оповидання.

— Ни... крадене добро—то не на добро.—поправывъ ёго Омелько.

Але нихто такъ уважно не слухавъ того оповидання, якъ Моргунъ. Пры першыхъ словахъ про Лепешковського, винъ заразъ повернувся спыною до всихъ, заплющывъ очи, вдаючы нибы спыть. Але винъ не пропустывъ ни однисенького слова. Нихто не бачывъ, якъ зблидло ёго облыччя, якъ здригалысь нервово ёго уста. Збентеженый, зворушеный, винъ разъ-у-разъ розплющувавъ свои моргаючи очи, зрывавъ лысточкы и нервово грызъ ихъ, ажъ зубы скрыпилы...

— И скажите пожалуйста, какое, можно сказать, удовольствіе быть такимъ-съ помѣщикомъ? Никакого тебѣ плезира-съ... въ родѣ, какъ бы сказать, настоящій мужикъ,—скинчывъ розмову Ефендрикъ и пишовъ.

— А сам.. хто?—сказавъ ёму наздогинъ Омелько. Пидтырае пана десь... той думае, що и винъ тежъ нибы панъ. Чыстисенько це якась мавпа, що на ярмарци часамы показують.

Селяне багато сміялысь зъ Ефендрика, до котрого чы мало прыкладокъ выгадувалы вони вси.

Лышъ для одного Дмытра той Ефендрикъ бувъ цикавійшый, нижъ для иншыхъ. Винъ не разъ спынявъ своихъ товарышивъ и казавъ, що грихъ сміятысь зъ хрещеного чоловика, хто-бъ винъ не бувъ. Пысля розмовы про Лепешковського Моргунъ почавъ якось неспокійно поводытысь въ присутности Ефендрика. Кримъ того, винъ ни на одну хвылыну не покыдавъ своихъ товарышивъ у ту пору, колы звычайно на «кермашъ» (такъ називалы те мисце, де лежалы селяне; кермашъ—ярмарокъ) прыходывъ Иванъ Ѳедоровычъ. Винъ ставъ трохы спокійнишый лышъ тоди, колы одного разу нибы ненарокомъ дигнавъ Ефендрика на далекій стежци, завивъ зъ нымъ розмову про подольскыхъ панивъ.

— А той що вы казалы.. якъ ёго,—и Моргунъ заморгавъ сыльнише,—Лепешковській не найшовъ того робитныка? Га?

Его щось дуже дерло у горли, и винъ, шынивъ цей разъ якось незвычайно, зъ велыкымъ напружениямъ.

— Можно сказать-съ, что совершенно пропали-съ деньги,— нехотячы видповивъ Ефендрикъ, закрываючысь рукою видъ того духу, що йшовъ зъ Дмытрового рота.—И скажите пожалуйста, какой дуракъ останется на мѣстѣ, если онъ деньги взялъ? Очень просто...

— Хто-жъ то такый? Вы ёго не... Вы не чулы, Иванъ Өедоровычъ, якъ казалы про ёго люде?—поволи, але зъ велыкымъ неспокоемъ спытавъ ще Моргунъ, и ёго уста щось зашопотилы тыхенько.

— Очень просто-съ. Не знаю. Я слышалъ только, что укралъ тысячу рублей. Аревуаръ... и пожалуйста до свиданія,—промовывъ повернувшысь Ефендрикъ, очевыдячкы хотившы видчепытысь видъ селянына зъ такымъ тяжкымъ та прыкрымъ запахомъ. —Можно сказать, что вамъ зубы нужно полоскать. Есть такой порошокъ,—пораявъ Ефендрикъ, видійшовшы трохы дали.

Але Дмытро не слухавъ вже ёго. Винъ глядивъ на небо, невпынно моргаючы и щось шепотивъ. Про що винъ шепотивъ?.. Може про те, що въ тимъ образи за дошкою не тысяча карбованцивъ була, а всёго лышъ симсотъ, що теперъ вже винъ по рижныхъ людяхъ роздавъ бильшъ двухсотъ карбованцивъ, що винъ що-року ходыть у Почаивъ... що винъ постыть що середы та пьятныци, навить ось того кумысу не пье..., що винъ не знавъ, що тамъ такъ багато грошей...

VI.

Бувъ парный день у кинци лыпця, пидъ Маковія. Видъ спекы не могла захыстыты навить тинь густого бору. Пекучи сонячни проминни пробывалысь зверха, и у лиси було дуже ясно. Сонце розпекло сосну, сосна выпускала смолу, а повитря пашыло тымы пахощамы, що, якъ думають, дуже помогають на слаби груды.

Не було витру, и той смоловый духъ стоявъ нерухомо. Було дуже душно. У парку було тыхо, лышъ травяни коныкы-стрыбунци невгаваючы цвирчалы, та спивала всяка лисова птыця, а найбильше надсажувався смердячий удодъ. Крякало гайвороння на верхахъ хвой. Дитвора, що не знае втомы и не вважае ни на яку духоту, бигала шумною юрбою по стежкахъ. Де колы зъ верхивля сосенъ спадалы шышкы и кора,—мабуть тамъ на гори хазяйнувалы вывиркы.

А пидъ соснамы у нызу, мовъ паутыння, стелылысь по всихъ всюдахъ гамакы зъ хворымы, котри, лежачы, дывылысь у гору, наче сподиваючысь видъ того свитла, повитря та лису здоровья соби. Ляскалы затычкы кумысовыхъ пляшокъ, и кумысъ сыльнымъ токомъ бывъ зъ пляшокъ, бо у гарячый день винъ мусыє сыльнийше. Ци прыгоды зъ кумысомъ трохы веселылы курортну публику, знуджену бездиллямъ.

А зъ лугу, що почынався за Горынемъ, доносылось иржання лошатъ та кобылъ, котрыхъ держалы табунъ для кумысу. Лошата не розумилы, яке значиння мають ихъ маткы для людей и разъ-у-разъ тягнулысь ссаты; а ихъ, щобъ не ссалы, коротко прывьязувалы до шыи кобыламъ. Пастухы переганялы табунъ на нови мисця, верхамы займалы и завертали неслухняныхъ кобылъ, ляскаючы довгымы бычамы.

— Душно,—промовывъ Гаврыло, пидсидаючы до Омелька, що лежавъ у гамаци, розплющывшы очи и дывлячысь у гору.—Такъ парытъ, що хочъ штаны скынь..

— А я оце лежу соби, задерши голову, та й думаю: чы далеко до сонця, чы ни? Бо першъ, якъ не було на свити монополіи, то стари люде казалы: не буде до сонця двадцять верстовъ, бо якъ бы було бильшъ, то безпреминно тамъ мусыла буты корчма. А тепереньки, якъ корчму прыставъ запечатавъ, то и чортъ його батька знае, скильки то воно буде. Мабуть теперъ бильше.

— Запевне,—згодывся Гаврыло.—Оттого-то теперечкы и лита таки холодни бувають. Инколы выпаде такый хороший день, якъ сёгодня... а то все доццы та доццы.

— И що то таке сонце?—мовывъ дали, зпечевья, Омелько. И видъ чого воно свитъ бере и такъ пече?

— Кажуть, що воно гаряче, якъ жаръ... и завжде горыть... а янголы головешкы мишають.

— Хто про те може знаты? Пихто того не бачывъ.—Вси замовклы на хвылыну. Дмытро, що прыслухався до розмовы, пидійшовъ теперъ до Омелька и, нагнувшись до ёго, прошепотивъ, порухуючы бровамы:

— «Якъ Богъ творывъ сонейко, то янголы спивалы «святъ»... и трыста святыхъ янголивъ катають ёго по неби видъ схода до захода. А по заходи други трыста янголивъ качають ёго на той свитъ. А якъ зійде до насъ, то знову наши трыста берутся за нёго».—И ще щось хотивъ розсказаты Дмытро про янголивъ, що качають сонце, але Омелько спытавъ:

— А хто-жъ ихъ личывъ? Га?

Облыччя Дмытра вмыть переминылось. Винъ заморгавъ дужче, ротъ ёго непрыемно скрывывся и у горли почалысь спазмы.

— Шкода, що въ мене горло болыть и я не можу говорыты, а то я...—шопотивъ Дмытро энергычно, розмахуючы рукамы.

— Ни... то що правда, то правда,—промовывъ, дывлячысь у землю Гаврыло.—Запевне, що трыста ихъ качае. Я тежъ чувъ. Правда такы, що трыста...

— Про це въ кныжкахъ добре напысано,—трохы тыхше промовывъ Омелько.—Диткы наши вже такы дойдуть до розуму; тепереньки вже инный хлопець то такъ лопоче по кныжци, що чортъ ёго и розбере... а мы якъ булы дурни, такъ и помремо. Мій батько. хай царствуе. навить до школы мене виддавъ, та не знавъ. що треба кудысь покрище быты... жалкувавъ, певне,—то дурнемъ и выйшовъ я...

Омелько спынывся; мовчавъ и Гаврыло. Але, наче вгадавшы думкы свого товарыша, Омелько, высякавшы носа и усившысь выгиднійше. почавъ:

— Насъ було въ батька трое... та Мыкыта вмеръ, а Иванъ зновъ на хазяйстви, на батькивщыни зостався, а я меньшый бувъ, пидъ мирку пидійшовъ, то мене въ москали взялы. Въ москаляхъ де-чому вчылы: и чытаты, и пысаты, и навить словесности. Эге! Це бачъ таке—кажы мени заразъ: хто̀ такый царъ и що таке знамя? «Знамя есть священная хоругвь»...

Ось бачъ и доси у голови трымается, бо якъ стукне бувало ось сюды «дядька»,—Омелько показавъ на чоло,—то мусышъ намьятаты. «Священная хоругвь»...

— И довго ты служывъ пидъ миркою?

— Ни, всёго пивъ-року. Та «священная хоругвь»... Вже я тоди и азбуку прыгадавъ, що̀ колысь-то у школи вывчывся. Воно-бъ то и не-що въ москаляхъ, колы дуже робитно. Тильки що, дай Боже, розсвине, вже дижурный крычыть тоби на всю казарму: «вставай, кипятокъ готовый!» То нехай хто попробуе не встаты. О-го-го!.. (Омелько докинчивъ свою думку вы̀разно помахавшы кулакомъ). Отъ схопышся зъ пары, мовъ скаженый, вмыешся... заразъ барабанъ бье на молытву, потимъ—чай пый... а писля—казарму прыбырай и пидлогу тры, щобъ чыста була. Тильки що потеръ—барабанъ: иды маршыруй, покы ажъ тоби нога полинцемъ стане, та ще до того и писню ёму спивай; а потимъ—словесность. Цилу годыну треба, бувало, репетуваты: «здравія желаю ваше высокоблагородіе», щобъ гуртомъ до складу выйшло.. якъ генералъ, то «ваше превосходытельство!» А тамъ дрова рубай, та носы на кухню. Не пойивъ ще добре за обидомъ, барабанъ зновъ бье, зновъ маршыровка. А до чого вона здалася? Отъ таке лыхо! Тай радый же я бувъ, що заслабъ... «Воспаленіе въ легкыхъ» зробылося... Лежавъ де-якый часъ у лазарети, а нарешти и до-дому пустылы. Така була моя и служба...

— Ну, а дали що?

— Дали? Якъ поправывся, то пишовъ на Волынь наймытуваты и на жнывахъ литомъ бувавъ. Де мене тильки не бувало? Не дарма до лыхои хворобы дожывся...

Скильки хвылынъ винъ помовчавъ. Омелько не дывывся вже на небо. Винъ спустывъ ногы зъ гамака и потупывъ очи у

землю. Облычча ёго дуже зморщылося и иначе потемнило. Спогады мовъ бы старилы ёго.

— Зовсимъ гнылый чоловикъ ставъ: якъ то кажуть: де дощъ иде, тамъ и гные. А де мене тильки не мочыло?

— На Волыни досыть заробывъ?

— Якого тамъ смутка заробышъ? Не разъ я соби думаю, що у кого багато грошей, той самый скупый чоловикъ, окримъ хиба жыда, котрый все одно скупый, чы мае, чы немае грошей. Тожъ то таки паны на Волыни... маёнтокъ въ ёго на цилый повитъ, а пиды попросы въ ёго хочъ копийчыну лышнюю! Та не то що лышнюю, а навить не додасть тоби того, що слидуе. Далеби! Въ N—ой экономіи мене ошукалы на карбованця и трыдцять грошей. Правда, що траплялося де-колы и добре заробляты, нема що. Памьятаю—бувъ я на жнывахъ у одного пана, та не вийшло щось у насъ до згоды. Пишовъ я видъ нёго. Було насъ чоловикъ двадцять, не збрехавшы, що ніякъ не можемо найты соби роботы, бо такы и погода щось мерзенна була. Идемо мы черезъ маёнтокъ графа X. А выкынувся тоди на наше счастя гарный, теплый день. Сонце такъ и пануе. Бачымо, ажъ бижыть до насъ графскій экономъ.—«Гей, крычыть, хлопци, чы не найметеся овесъ косыты».—«А що, якъ дасте, кажу, за покисъ по дви сорокивкы, то будемо косыты»,—сказавъ я такъ соби, мовъ, що то зъ того выйде.—«Чы вы, каже, подурилы? За пивъ дня я плачу два злоты, а вы за одынъ покисъ хочете дви сорокивкы!»—«Якъ соби хочете, пане экономе,—кажу ёму,—колы не дасте, то нехай вашъ овесъ высыпается, а мы пійдемо до пана К. (недалеко туть жывъ), въ ёго тежъ певне робитныкивъ нема»...—«А нехлайдакы! каже, а самъ чухае и бороду и потылыцю,—косить! нема що». И невелычки навить покосы булы. По сорокивци кожный. Скильконадцять днивъ мы въ ёго булы, то де-що такы заробылы. То зновъ же, сказавшы правду, якъ перекынутся де-яки грошенята, то такъ тебе, лыхо-ма, засвербыть... такъ занудыть... мусышъ до Мошка на цвиркунця якого пійты. А звычайне: почнешъ цвиркунцемъ, а кинчышъ свыстунцемъ. Посвысты потимъ!... Але шкода мени такы Мошка!—зовсимъ несподивано сказавъ

Омелько и похытавъ, зитхнувшы, головою. Не винъ мене згубывъ, а я ёго выкурывъ.

— Якъ то?

— А такъ. Знайшовъ я якось на лузи уженять, забравъ ихъ соби за пазуху.—воны не кусаются.--прыйшовъ до Моника та й кажу: твоя Ривка просыла, щобъ я диткамъ котеня прынись, то вытягны въ мене зъ пазухы, тамъ котенятко маленьке сыдыть. Засадывъ жыдъ руку, та якъ скынется, якъ зарепетуе, вылупывшы банькы; а уженята такъ и вьются по руци. Покы збиглыся жыдкы раду даты, мои ужы--тыркъ! тыркъ! тай пидъ пидлогу... тильки ихъ и бачылы. И що-жъ ты думаешъ? зъ тои поры у Моника стало все меньше людей въ корчми и меньше... а на решти и зовсимъ перебрався жыдъ на друге мисце. Буде такы винъ мене памьятаты, кобъ винъ згоривъ! Ну, то вернувшыся... якось я тутъ вже оженывся та й ставъ хазяйнуваты.

— Довго на хазяйстви булы?

— Колы-бъ то на свому хазяйнуваты, то воно не що... а прыймакуваты--тяжко. Якъ родылася въ мене дытына, а потимъ друга, а земли чортъ-ма, тесть не хоче дилытыся, та й въ ёго ще своихъ дитокъ досыть. Плюнувъ я та й пишовъ на плысъ... геть ажъ на Прыпить, на Пинскъ, та на Гомель. Всю зиму бувало повертаемося въ лиси, а на весни гонымо дерево—хто по Днипру, а хто на Нимапъ, хто на Вислу, та на Бугъ. Це саме добре жыття було, бо хочъ николы и выпьешъ чарку, але якъ згадаешъ про дитокъ та жинку, то надъ другою задумаешся и почекаешъ. Де-якого карбованця диткамъ и жинци посылавъ.

— А яки тамъ люде?

— Тамъ ихъ называють билоруссы, а дали вже жмудь. Паршыви люде... дуже скупи и не люблять розмовляты та балакаты, якъ ось, напрыкладъ, оце мы. Зберутся де до купы билоруссы, то нема въ ныхъ, щобъ яки жарты або смихы, а стоять та мовчать мовъ злодіи якіи. Хиба выпьють трохы, то почнуть де про що балакаты. Не зле пьють, лыхо-ма... але не такъ, въ гурти, якъ у насъ, а кожный окремо пье. А писля якъ видъ того заслабне, то крычыть, що въ ёго жывить «болыць».—«Видъ чого

це *вамъ*, дядьку, зробылося?»—спыта хто-небудь.—«А кабъ ты на свою голову завывъ!»—видкаже... да такъ гыдко, брыдко. Дуже не люблять, якъ межъ собою хто-кому скаже—«вы». Хиба чоловикъ зовсимъ незнаёмый, то скаже часомъ—«вашесть». «Вашець куды пойдзѣцѣ?» «Вашець, барынько, може копѣйку дасцѣ?» Отъ таке! Брыдко говорять... и люде брыдки. Нема въ ныхъ того, щобъ помогты одынъ одному. Кожный свою соплю жуе та ковтае, тай каже—«смачно»... а багати!... а багати!... Жыве, якъ то кажуть, въ свиныпци, жуе ледве не каминци, а мошню повну потрясае, тай ще каже, що ничого не мае. Чысти злыдни!.. Я прыглядився такы добре до ихъ жыття. Я черезъ тыхъ билоруссивъ мусивъ на Бога працюваты.

— Якъ то на Бога працюваты?

— Въ тюрми сыдивъ де-якый часъ,—пояснывъ Омелько и прыкро плюнувъ, згадавшы цю подію.

— Бачъ, якъ бувъ на плыси, то зъ намы йихавъ въ скарбовци (така хата на плоти) самъ пидрядчыкъ и въ ёго бувъ комисаръ, що выдававъ намъ...

— Гей, пане Ефендрику!—гукнувъ вразъ Гаврыло, побачывшы лакея, що проходывъ биля ныхъ. А чому це вы не зайдете? не поплюсте навить у нашу сторону? Чы вы може тее зовсимъ вже на папа сталы?

Иванъ Ѳедоровычъ на хвылыну спынывся, задеръ голову до горы и зырнувъ соби поверхъ носа.

— Очень просто... променадъ!...—сказавъ винъ,—въ родѣ сказать какъ бы прогулка... для освѣженія.—Потимъ пидійшовъ до селянъ и подавъ имъ руку, выгынаючы іи зовсимъ по-лакейськы, такъ, инаще пидставлявъ долоню.

— Что себѣ подѣлываете? а?—спытавъ Ефендрикъ, торкаючи себе сзаду прутыкомъ по жыжци.—Жарко-съ! И скажите пожалуйста, какъ необыкновенно, можно сказать, печетъ-съ!... А вы въ настоящей еще свиткѣ,—показавъ винъ на Омелька, хытаючы головою.—И скажите, пожалуйста, вамъ теперь холодно?

— Мени въ цій свытчыни и литомъ и зимою тепло.

— Хи, хи, хи,—засміявся Ефендрикъ. До зимы еще далеко-съ... скажите, какія разсужденія?

— А въ тебе на-зиму йе що-небудь, чы нема?—спытавъ ёго Омелько, озыраючы одижъ лакея.

— Конечно-съ... но мы не нуждаемся. Я давно не чувствовалъ, что такое зима. Не весьма безпокоюсь...

— Якъ то?

— А такъ. Очень то есть просто-съ. Я зимою ѣзжу съ бариномъ на югъ Франціи—въ Ниццу, или въ Меранъ. И скажите пожалуйста, какая тамъ зима? Тамъ, можно сказать, очень хорошо всегда бываетъ—и никакой зимы нѣтъ...

— Не може того буты!—не йнялы виры селяне. Якъ то безъ зимы?

— А колы-жъ въ ныхъ Риздво?—прошепотивъ Дмытро, злизаючы зъ свого логовыська.

— Рождество-съ? Все равно какъ у насъ лѣтомъ... такъ тамъ на Рождество... и ска...

Гучный регитъ вразъ зъ кашлемъ заглушывъ слова Ефендрика.

— Оце зовсимъ якый-сь мешигене,--промовывъ хтось регочучы. Лакей повертався на вси бокы, хотивъ щось казаты, але ёму не далы...

— Какъ вамъ угодно-съ,—сказавъ винъ, колы регитъ трохы утыхъ,—а только это истино-съ... Тамъ и километры-съ есть... и... даже дрова тамъ продаютъ на километры... потому что тамъ больше въ употребленіи уголь... И скажите пожалуйста, зачѣмъ тамъ шубы? Можно сказать, ихъ вовсе нѣтъ..

— Та мы вже бачымо, що нема! Може тамъ люде и безъ штанивъ ходять?

— Фи-донкъ,—зморщывся Ефендрикъ, закыдаючы голову назадъ, ажъ картузъ зсунувся ёму на шыю.

— Це що значыть?

— Одна то есть презрительность, и больше ничего.

— А у барына йе шуба?

— Есть... богатый человѣкъ-съ! Милліонеръ-съ! силь-вупле... по нашему: если хотите... очень просто-съ!

— А по нашому...,—и Омелько промовывъ таке слово, видъ якого увесь «кермашъ» зновъ зареготавъ. Найбильше сміявся Гаврыло.

— На що твій барипъ заслабъ?—спытавъ Омелько. котрый почынавъ цикавытысь Ефендрикомъ.

— Тимпературой-съ?..

— Це- що таке?

— Очень просто-съ... бациллы есть такія...

— А на що винъ якусь трубочку въ роти трымае?—пытавъ дали Омелько, котрый колысь бачывъ, якъ милліонеръ державъ у роти термометръ.

— Градусы...

— Шо воно таке?

— Для нормальности... Только посмотрѣть и сейчасъ видно: повышенная температура или нѣтъ... Очень, то есть, просто...

— А що въ тебе въ кешени?

— Газета-съ, «Биржевыя Вѣдомости». Можно сказать—политика-съ!

— Отъ же й мова въ тебе! Де це ты такъ премудро навчывся говорыты?

— Очень просто... Можно сказать единственно отъ собственнаго ума.

— Воно, бачъ, и выдно. що ты велыкый розумака. А по чому ты матерію на штанци куповавъ?

Ефендрика закыдалы пытаннямы, и на кожне, винъ видповидавъ дуже поважно, не вважаючы на прыкладкы и кепкування. Винъ покладавъ себе безмирно розумнійшимъ видъ селянъ. и жарты ихъ булы ёму байдуже.

— Ну, тай що жъ дали?—спытавъ Гаврыло, сидаючы якъ ранійше, колы пійшовъ Ефендрикъ и на кермани зновъ стало тыхо. Омелько сивъ зновъ на свое мисце.

— .. Комысаръ, що выдававъ намъ хлибъ, муку, крупу, огиркы,—почавъ винъ такъ, неначе Ефендрика зовсимъ не було, и облыччя ёго зновъ зморщылось и зистарилося.—Покы не бувъ пистъ, то ничого—винъ насъ. бестія, годувавъ, а якъ настала Петривка, такъ хочь ты языка повинпай та самъ свои зубы зйижъ. Вже про горилку нема що й казаты: це самъ соби купуй. Хочь бы мы бачылы якого огирка, або редьку. Тильки мы знаемо,

що якыйсь крупнычокъ та кашу. Щобъ вона була добре насмачана, ну то ще... а то тильки слава, що олія... може биля оліи вона и стояла. Тьху! Ахъ, трясця жъ твоеи та не ридній! думаю соби,—винъ насъ голодомъ заморыть... а на витри йисты хочется, плывешъ соби цилый день та слыну ковтаешъ. Кажуть мени плысакы: зачепы комысара, скажы, щобъ оліи бильшъ дававъ и огиркы зъ редькою щобъ булы, а мы вси гуртомъ будемо за тебе. Я и послухався. Отъ добре. Прыйсталы мы до якогось миста, я й кажу:—«Пане комисаре, закупайте бильшъ оліи, огиркивъ, та редькы...» А винъ:—«ты мени що туть за указъ»? А я: «чы указъ, чы не указъ, а такъ громада хоче».. А винъ: «ты свого носа гляды». Та заразъ до пидрядчыка: такъ и такъ, каже, Омелько Пацюкъ бунтуе. Ось ажъ прыходыть самъ панъ пидрядчыкъ... пузатый такый, ныкатый жыдюга... и завжде въ его слына зъ рота йшла. Каже: «що ты тута за бунтарь такый»? А я: «уся громада сёго хоче... На це, кажу, контрактъ»! А винъ: «не твое це дило, въ контракти цёго нема»! А я: «брешешъ, кажу, паршывый жыду». А винъ зновъ: «я тебе выжену геть и грошей не заплачу»... Бачу я, що нибы кепсько, и схаменувся на де-яку хвылыну, бо дуже грошы потрибни булы. А громада стоить и хочъ ты що: мовчыть. Тильки одынъ щось сказавъ за мене, тай не дуже голосно. Отъ тоби и зачепывъ! Тымъ часомъ почавъ пидрядчыкъ мене лаяты:—Ахъ ты, каже, собака»! Я мовчу.—Ахъ, ты паршывець! Я...

— Але якъ же то жыдъ смивъ таке казаты?—перебывъ Омелька Гаврыло, котрому здалася незвычайною смилывисть жыда...—Я ще такыхъ жыдивъ не бачывъ...

— Бо ты не жывъ въ Лытви... Тамъ люде паршыви, а жыды—мое почтеніе. То тильки въ насъ жыды, здается, таки несчасни, а тамъ воны паны-панамы. Слухайте-но дали. Я мовчу. «Ахъ ты, каже, такый сякый!»... Я мовчу. Всякымы словамы винъ мене тоди частувавъ,—я все мовчавъ, бо бачу, що громада тежъ мовчыть. Але якъ сказавъ винъ: «ахъ ты—мозырськый акцызныкъ»! Ну, туть вже я не вытрымавъ. Та зибравшы жменю, по-

плювавъ, та якъ тарахнувъ ёму зъ одного боку въ морду... а потимъ, одвернувшы та зъ другого...

— Вартъ!—вдоволеный промовывъ Гаврыло.

— Такъ винъ покотывся, мовъ корова, що телытысь збирается... Жыдъ заразъ наробывъ репету, крычыть: «ой вей, бунтъ! каравулъ»! Заразъ тутъ збиглыся люде, вратныкъ. А мои хлопци стоять и хочъ бы одынъ що сказавъ, нибы имъ вовкъ мову заткнувъ. Де-котри повтикалы, сталы здалеку дывытыся, що буде... А я заразъ пишовъ на свій плитъ забираты свои маеткы, бо бачу, що вже мени дальше не плысты. Та якъ йшовъ, та мижъ балкамы въ воду и провалывся, отъ по-доты,—винъ показавъ соби по груды,—а день тоди бувъ дуже холодный... Здается, не дуже боявся я и воды; правда, що купатысь мене не кортило. И ото зъ тои поры схопывъ я хворобу.

— Ну, а дали?

— Дали? звисно що. Прыйшовъ прыставъ, зробылы протоколъ, и сыдивъ я до осени тамъ, де муляри певне такы заробылы, якъ мурувалы стину... А вдома не зналы, куды я подився, думалы, що може втопывся, або що... Всихъ, що йшлы черезъ село, пыталы про Омелька Пацюка. И скажы ты мени: що тутъ такого, якъ зайихаты жыдови въ пыку хочъ бы и два разы? а мусышъ за те просыдиты въ тюрми тры мисяци.

— Ну, за нашого жыдка меньше, нашъ того не вартъ,—завважывъ Гаврыло.—То може тамъ, въ Лытви...

— Я тежъ думаю... бо якъ за кожного жыда сыдиты въ холодній, то яка-жъ то повынна буты холодна? А до жинкы лыста не пысавъ, бо соромъ: черезъ парха-жыда у холодній сыдишъ. Думаю соби: якъ выпустять, то пиду служыты... Нехай жинка думае, що я служывъ. Отсыдивъ я свое, и выпустылы мене на уси чотыры бокы. Службы якось не траплялося, то пишовъ я до-дому: на Высоцкъ, Домбровыцю, Бережныцю... Иду до Космачова лисомъ тай гукаю. Геть по всёму лиси моя гуканка луна, дарма, що и тоди вже кашлявъ. Ажъ йиде пипъ парою коней.

— «Тпру, стій»...—каже фурманови. Той стрымавъ коней.

— «А чого це ты такъ розгукався?» —пытается мене.— «А чому-жъ мени и не гукаты? Хиба я злодій, або жыдъ, або цыганъ»? Роспытавъ винъ мене, звидкиля я иду и куды. Все сказавъ, одно тильки едыне не сказавъ, що сыдивъ за жыда у тюрьми.—«Хочешъ, каже до мене... коривъ доглядаты»?

— «Чому?»—кажу.—«То сидай»... Отъ почавъ я въ ёго и пасты и коривъ доглядаты. Два рубли на мисяць и харчи... А бувъ у батюшкы пысьменный сынъ, въ Кремяници у семынарыи вчывся, то винъ лыстъ мени до-дому напысавъ. То жинка вже знала, де я... Грошей пославъ де-якый карбованець и пысавъ, що якъ мынется рикъ, то до-дому прыйиду, бо винъ згодывъ мене на рикъ. Але не дожывъ я не то що до року, а навить и до весны не пробувъ. Черезъ попадю мусывъ выйты.

— А що?

— А те, що дуже якась заздриспа попадя була у того попа. Не дай Боже! Що ій хто не дае, все ій не таке: и масло не свиже, и кнышъ черствый, и троячка зъ диркою. И николы ій не догодышъ: и те не такъ и це не такъ, и за маслосвятіе мало дають...—«Слухайте-но, кажу бувало я ій,—тожъ вы здается не пипъ, це не ваше дило». А вона: «то все одно—винъ священныкъ, а я священныця». Що ты будешъ зъ нею робыты? Усюды свого носа дотыкае. Скильки мы зъ нею по хазяйству спеpечалыся, не дай Боже! Вона крычыть, и я спуску не даю.— «Що то въ тебе, каже, вси лопаты порепалыся и зъ диркамы?

— «А я ій: а ваша лопата давно порепалася, а однаково ще служыть».

Гаврыло засміявся, а Дмытро докирлыво похытавъ головою.

— О, въ мене языкъ добре такы прычепленый; колы треба, не зачепытся! Бо зъ нею, зъ тою попадею, инакше не можно було. Якъ добре ій одкажешъ, тоди тильки и видчепытся на деякый часъ.. Отъ, одного разу прыносять кумы до хреста. Прынисъ кумъ пивня, правда, що не дуже гладкого, але дежъ ёго гладкого взяты, якъ нема? Якъ углелила попадя:— «А що це за пивень! Це здыхота якась»! Та взявшы того пивня, окупула въ помыйныцю и давай кропыты кумивъ. Тутечкы вже я не вытры-

мавъ.—«А це, кажу, що за хрещеніе таке? Попадя повынна браты, що дають»... Кумы побачылы, що я не дуже панькаюсь зъ попадею, тежъ до мене прысталы. Выйшовъ и пипъ... Ось, ажъ теперъ сталы мы сперечатыся, якъ треба. А черезъ два дни я пишовъ видъ ныхъ. Це було якось пысля Риздва. Прыхожу додому. А булы морозы на двори. Дорогою десь зновъ застудывся. Добрый вже такы тоди кашель взявъ, и въ грудяхъ—то тамъ, то тутъ болило. Всю весну, якъ бачышъ, лежавъ,—така хвористь взяла. На сылу выдужавъ... То що ты думаешъ? Выдужавшы, зновъ кортыть мене кудысь иты та шукаты хлиба на сторони. Певне, на тому мисци, де я родывся, цыганята кашу йилы,—не инакше. Пишовъ я до князя на папирню. Зарибокъ тамъ не що. Добре було-бъ, кобъ на цыркулярни валомъ мене не поломало. Якъ поломало, то вже я подумавъ: досыть бурлакуваты—сыды дома. Тоди тесть выдилывъ мени за дочкою шматочокъ земли. Диткы пидрослы, и почавъ я хазяйнуваты на своему грунти.

Омелько замовкъ и задумався. Гаврыло стыха прыспивувавъ якусь сумну писню. Витрець зворушывъ верхы сосенъ... И по всёму лиси зашумило.

— А тоби за пивня грихъ,—прошепотивъ Дмытро, наблызывшысь своею тыхою ходою, ажъ Омелько и Гаврыло здрыгнулысь.—Яке тоби дило судыты попа?

— Тожъ я не попа, а попадю...—хотивъ выправдытысь Омелько, але не сказавъ ничого.

— Ему же власть—власть... ему же честь—честь, а ему же...—шопотивъ соби Дмытро, видходячы.

— А якъ же тебе за соцького выбралы?—запытавъ ще Гаврыло, зацикавывшысь оповиданнемъ, а це бувало зъ нымъ не часто. Вин не звыкъ слухаты довгои мовы.

— А такъ и выбралы... Сказалы, щобъ я за свое бурлацтво громади послужывъ. Мушу... що зробышъ? Сказалы на сходи такъ: колы земля баби прыйшлася (нибы-то моiй жинци), то нехай чоловикъ хочъ за соцького побуде.

— Тутъ Омелько закашлявся, и харкнувъ разивъ скильки кровью, червонымы жылкамы.

— Ты довго говорывъ, а дохторъ казавъ, щобъ не довго,—промовывъ Гаврыло зъ спивчуттямъ дывлячысь на Пацюка и заразъ почавъ шопотиты—кровъ замовляты.

— Пусте,—махнувъ рукою Омелько, другою рукою вытыраючы вусы и бороду и стараючысь виддохнуты повнымы грудямы.

— ... На Божому мисци, пры чыстій крыныци...—швыдко шопотивъ Гаврыло, у третте промовляючы.—Пиды-но ты до дохтора,—порадывъ вингъ Омельку.

— Эть... твій дохторъ тямыть те, що чоловикъ покы въ сухотци дыше, то ще жыве, а якъ вмре, то перестане дыхаты. Що вингъ зробыть, якъ Богъ здоровья не дае? Литъ трыдцять тому пазадъ въ нашому мисци не було а ни однисенького дохтора, а бувъ тилькы Юдко, мизерный такый жыдочокъ... То вингъ, кому тра було, пьявкы ставывъ и банкы, и такъ кровъ пускавъ... а кого стрыгъ и бороду голывъ. И обходылыся люде безъ дохтора, та ще и здоровійши булы...

— Що правда—то правда,—згодывся Гаврыло и до речы розсказавъ прыгадку зъ своимъ кумомъ, якому дохторы сказалы, «що вингъ безпреминно черезъ тры-чотыры дни вмре въ больныци... То вингъ такъ злякався смерти, що взявъ, забравъ свои манаткы и навтикача зъ тіеи больныци... и ще доси жыве. А якъ бы зостався, то хто знае»...

— А я знаю одного дохтора, що завжде спизнявся. Прыйде тоди, якъ хворый вже ногы задере. Прыйде та, лыхома, ще пытае: «чы гыкавъ вингъ передъ смертью, чы ни»? То якъ скажуть—гыкавъ», то похвалыть, скаже: «добре—такъ и повынно буты»...

Оповидання про дохторивъ булы безконечни. Кожный мигъ розсказаты чы-мало прыгодъ. Здебильшого ти оповидання перепыняла музыка, котра прыходыла у пьятій годыни. Тоди селяне вылазылы зъ гамакивъ и шлы до самои эстрады, де сыдилы музыкы. «Кермашъ» зъ тои поры пустувавъ.

VII.

Зпершу селяне почувалы себе ніяково у своему новому становыщи. Воны мымохить згадувалы, що дома у ныхъ саме робоча пора—жныва, а воны лежать соби въ гамакахъ мовъ панське стегно... и имъ було соромъ за те, що воны сыдять тутъ на курорти, куды йиздять, якъ видомо, лышъ паны.

Першый тыждень Омелько не вгаваючы розмовлявъ зъ своимы новымы знаёмымы, але потимъ ёму швыдко докучыла тая повсякчасна гулянка, наче у свята. Прывыкъ винъ до щоденнои праци и не мигъ теперъ знайты соби спокою.

Колы повзъ «кермаша» курортни сторожи прочыщалы дорижку, Омелько якый часъ дывывся на ихъ роботу, а потимъ взявъ лопату и самъ ставъ зъ нымы до роботы. Але поробывшы годыну, винъ почувъ биль у грудяхъ и покынувъ лопату.

— Я тоби що казавъ?—напався на ёго дохторъ, довидавшысь выпадкомъ про роботу свого неслухняного пацієнта.

— Та невже-жъ це робота? Ге, ге... чы то такъ працювавъ колысь Омелько Пацюкъ!

Другымъ разомъ Омелько зъ Гаврыломъ не моглы байдуже дывытыся, якъ здіймалы зъ воза поклажу, що прывезлы зъ вокзалу на курортъ.

— Не такъ, не за той кинець—берешъ! И Омелько скочывъ помогаты... Ему завдалы чы малый кишъ, и винъ поперъ ёго у павильонъ.

Дохторъ, до котрого мусывъ ходыты видъ часу до часу Омелько, зновъ довидався, що винъ берется до роботы, почавъ крычаты и грыматы на Омелька и похвалывся навить выгнаты ёго зъ курорта. Омелько задумався надъ своимъ становыщемъ. Не те ёго клопотало, що у грудяхъ болыть: до цего винъ звыкъ зъ давныхъ давенъ,—ёму здавалося дывнымъ, що така дрибныця, якъ той кишъ, що винъ перенисъ зъ воза, може ёму зашкодыты.

— Дило кепське... Вже колы и такои роботы не можно робыты, то решта... Прышла певне пора помыраты.

Зпочатку лыцця на курорти зъявылась людына, зовсимъ не така, яки йиздять на кумысъ. Нызенькый, грубенькый, зовсимъ

выголеный панокъ, зъ велыкымы очима, горбатымъ носомъ, у сыній пиджачыни, що щильно облягала ёго станъ, та въ узенькыхъ штанцяхъ, та въ чоботяхъ зъ блыскучымы халявкамы,—бигавъ по паркови, спынявся на галявкахъ, мирявъ ихъ ступнямы и щось соби миркувавъ. У рукахъ у ёго бувъ прутыкъ, а на голови сывый велыкый брыль, що зовсимъ не пидходыло до ёго вдачы та зросту. У брыль винъ уткнувъ два павьячыхъ пера. Винъ бигавъ швыдко, а балакавъ мишаною мовою—знаты було, що це бувъ чужынецъ. Де збиралася було громадка народу, винъ пидходывъ туды и говорывъ:

— О, у мине есть хорошій собака, отличный козолъ и отличная наѣздница, миссъ Эмилія, и отличный жеробка...

И публика знала, що на курорти буде комедія. Але колы той венгеръ звернувся зъ такою промовою до «кермаша», то Омелько довго реготавъ, дывлячысь на ёго, и спытавъ, показуючы соби пальцемъ на лобъ:

— А чы тутечкы въ тебе що-небудь йе? Га?

— За то у мине туть есть,—видповивъ венгеръ, показуючы на кешеню, котра була у ёго ззаду.

— О, я бачу, що тамъ въ тебе бильшъ розуму, якъ въ голови,—видказавъ зновъ Омелько.

Колы на другый день у паркъ зайихала велыка хура, наладована всякымъ добромъ, зъ посередъ якого выглядала морда цапа, барана, та маленького цикавенького песыка, котрого держала на рукахъ «миссъ Эмилія», пидстаркувата нимкеня, у короткій спидныци, звисывшы свои груби ногы зъ полудрабкивъ,—Омелько зъ Гаврыломъ не выдержалы зъ цикавости и, «загубывшы по двадцятци», пишлы за тою хурою на комедію. Дывувалысь селяне, якъ той песыкъ перевертався, стрыбавъ цапъ, маршыровавъ пидъ музыку кинь. А Гаврыло разъ-у-разъ пытавъ у свого сусиды—«навищо це? Ну тай що жъ зъ того, що винъ перевернувся? Ну»?

А Омелькови стало якось прыкро за себе. Облыччя ёго увесь той часъ якось кысло усмихалося, и винъ разъ-у-разъ оглядався на публику, бо боявся, чы нема кого зъ ёго села. Винъ

не знавъ-бы куды подиты очи, колы-бъ якый ёго землякъ—ну, хочь бы кумъ Сыдиръ, зъ котрымъ винъ звыкъ поважно балакаты—заставъ-бы ёго тутъ, на такій никчемній комедіи-дурныци. Почувавъ винъ себе такъ, неначе робывъ-бы щось негарне.

-- Певне. що мій батько, и дидъ, и прадидъ не тратылы двадцяткы, щобъ забачыты, якъ собака перекыдается... Винъ бачывъ середъ глядачивъ багато курортнои публикы. а найбильше панськои челяди, що весело дывылась на тую комедію, и це трошкы розважало ёго. А побачывшы Ефендрика, котрый сыдивъ на паркани, пидигнувшы свои рябеньки нижкы, и обганявъ комары своимъ прутыкомъ, навить зрадивъ Омелько.

— Далеби, це самый найлипшій фокусъ,—промовывъ винъ, показуючы на Ефендрика, котрый завзято плескавъ въ долони. —Винъ показуе рижни выкрутасы не згиршъ цапа.

Вертаючысь зъ комедіи, Омелько чухавъ потылыцю и зъ серцемъ сплёвувавъ.

— Такъ ось чымъ паны забавляются! А трясця жъ вашій та не ридній! Не мають чого робыты! Кому кинь здався для хазяйства, а ёму для забавкы, щобъ черево та... показувавъ... А панъ дывытся соби, то ще и грошы за те платыть! Ото!

Ще бильше здывувавъ Омелька панськый смакъ, колы на другу недилю довелось ёму чуты, стоячы биля дверей курзала, оперу, котру спивалы якись зайиздни артисты.

— Ото серденьки мои,—розсказувавъ потимъ Омелько на «кермаши» про свои вражиння,—крычалы воны! Нехай Богъ бороныть! Першъ вона выйшла... та стала... ось такъ.—Омелько повернувся на вси бокы,—ось такъ, якъ ця сосна (и винъ показавъ на блыжчу сосну), и почала репетуваты. А потимъ прыйшовъ винъ. ставъ якъ ось... сосна (и показавъ на другу сосну) и почалы вже обое тужыты задершы головы... Винъ то зовсимъ якъ пивень спивавъ, голосно такъ... Думаю, що якъ бы такъ заспиваты въ Космачеви, то мусыть буты чутно ажъ до Збужа... А вона все квокче щось. та все ко-ко-ко... та до ёго горнытся, лыхома! И сорому ій нема... Ну, то потимъ поставылы лижко (перемина декораціи) и дзыглыкъ, ось такъ, якъ цей дубокъ биля

сосны... То багато ихъ тоди выйшло, поставалы, ось якъ ціи корчи (и винъ показавъ на блыжчи кущи)... Та все рукы пидіймають и на дыбкы стають и нибы лаются. А одна-одинсенька небога сыдыть соби биля музыкы, ось якъ цей ненёкъ, та все: трень-брень. трень-брень .. А потимъ ти, що мовчалы,—ось якъ мы сыдымо,—почалы рукамы плескаты... Такого ляску наробылы, що хочъ зъ цилого Космачова выведы усихъ бабивъ зъ прачамы на ричку, то такого не зроблять. О, куды!.. Отъ потимъ взялы тай цоховалыся соби за стинку. Але не надовго, бо передягнувшысь. знову выйшлы и сталы репетуваты. А до чого то воно? Хто його разбере. И грошенятъ, кажуть, имъ чы мало платять за це, бо даремно, запевне, нихто такъ не стане голосыты... Ще бильше кепкуючы, дывывся Омелько на гымнастыку, кегельбанъ, крокетъ и взагали на все, що на думку здавалося дурныцею, «панськымы фиглямы». Вже меньшъ дывувавъ його лаунтенисъ, де перекыдалысь опукою черезъ барканъ, але не подобалысь ёму ти одежи: англійськи сорочкы та шыроки поясы. Кегли тежъ на короткый часъ зацикавылы Омелька. Ёму самому навить захотилось «жбурнуты» кулю такъ, «щобъ все перекынулося». Але крокетъ вже ёму здавався зовсимъ чудернацькымъ. Винъ не мигъ спокійно дывытыся на тихъ що гралы, особлыво колы це булы поважни, груби паны.

— Оце товкачыкамы штовхаются, зовсимъ якъ ти маленьки диткы! Якъ бы тому товстому та даты ципа, або косу, щобъ добре намахався, то певне, що за товкачыка не взявся бъ... та не взявся...

И махнувшы рукою, винъ ишовъ дывытыся, якъ сыва кобыла круцяломъ воду набирае зъ Горыня. Це його цикавыло бильше. Сившы пидъ дубомъ биля круглого дашка, пидъ котрымъ коняка, вытягнувшы шыю и выгнувшы хребетъ, повертала валъ, Омелько уважно прыдывлявся до цеи роботы. Хочъ у цій роботи все було одностайне, одноманитне, проте Омелько умивъ уважно прымитыты вси дрибныци іи.

— Эй, слухай!--звертався винъ до поводаря,--онъ шлея зйихала набикъ, поправъ... Повидъ дуже задовго прывьязавъ, неможно

такъ .. Щось дуже коротко прывьязани постороикы... Пидсыпъ-но тутъ писку, шобъ легче було кобыли ходыты, а то дуже сухый грунтъ.

Обжывшысь на курорти, Омелько зовсимъ незалежно держався своихъ звычаивъ, хочъ воны не зовсимъ пидходылы до курортного жыття. Звычаемъ батька, дида и прадида Пацюкъ, напрыкладъ, ни якъ не мигъ прывчыты себе корыстуватысь тымы «мисцямы», безъ якыхъ трудно обійтысь панамъ.

— Тутъ не можно!.. Тамъ отдѣленіе есть!—крычавъ на ёго сторожъ.

— Якъ тоби не можна, то тебе нихто, здается, не сылуе. Мени добре и безъ «отдѣленія».

— Забирайтесь звидсиль!—гнавъ Омелька сторожъ.

— Або що? Тебе завыдкы беруть? Може ты збираешъ та продаешъ?—дывувався Омелько.—А почому берешъ за чвертку? и т. и.

Свои думкы винъ высловлявъ зовсимъ вильно, не вважаючы на те, колы и зъ кымъ винъ говорывъ.

Пры щоденній и тяжкій праци зпоконъ вику, розумъ и думкы Омелька неначе булы скованни, прыгноблени клопотамы. Тутъ на курорти ёго жыття стало зовсимъ инше: не було ніякои роботы, багато зайвого часу, велыка сыла новыхъ вражинь. И допытлывый, дотепный розумъ Омелька неначе прокынувся тутъ, розвернувся вильно и шыроко, якъ бувае тая ричка, що выбьется зъ-пидъ каминя та грузу на шырокую долыну. Завважывшы, що де-хто зъ панивъ, бувало, зачыпалы ёго розмовою, колы винъ ходывъ по кумысъ, Омелько смилывійше почавъ звертатысь до ныхъ зъ рижнымы пытаннямы. Курортни паны, що булы вже вси знаёми промижъ себе и вже одынъ одному надокучылы, зъ нудьгы та нечевья шукалы розмовы зъ селяныномъ, котрый чымъ дальше здавався имъ розумнійшый и цикавійшій.

— Омельку! Дывысь, яка гарна пани иде...—показувалы ёму на яку-небудь поважну, чепурну та франтовыту паню, сподиваючысь почуты яку прыкладку видъ нёго.

— А що вы думаете? Прычепыты ій до хвоста полинце, хочъ таке невелычке,—винъ розводывъ рукы на аршынъ, та пустыты въ пекло, то вона-бъ всихъ чортивъ перелякала,—промовывъ Омелько, звертаючы увагу на довгый шлейфъ пани.

— Ну, а ця?—показувалы Омелькови на другу напудрену панію.

— Ця въ млыни мабуть була... ій всю морду, бачъ, боройномъ засыпало...

Писля третёи пани винъ пытавъ, чого вона найилася, «що писля неи такъ дуже гарно пахне».

Про одну молоду панію, яку разъ-у-разъ шукавъ іи десятылитній хлопчыкъ, Омелько сказавъ, «що ій тра було-бъ прыпнуты сынка до ныи такъ саме, якъ прычеплюють лошатъ до кобылъ... щобъ вона чула, що и въ неи сынъ е...

По скильки разивъ прохалы Омелька розсказаты, якъ у ныхъ въ сели панъ пысаръ зъ суддямы судыть.

— До сто чортивъ розумный пысаръ, панъ Цыбульськый! Не дарма у насъ вси люде кажуть, що винъ у самого чорта за кума бувъ... Эге... Бо якъ треба судытыся кому, то винъ заразъ спытае, чы тебе по закону судыты, чы по совисти? То доведы Боже сказаты по закону, —кинця не буде суду: якъ достане одну кныжку, то чытае довго, а достане другу—то ще довше чытае, а потимъ треттю... и хутко-хутко такъ чытае, ничого нихто не розбере. То вже суддя скаже: а чы не краще-бъ судыты по совисти... Ну, то за совисть тра де-що даты панови пысареви.

Колы Омелька пыталы, чы полегшало ёму, винъ видповидавъ:

— А вже... хвалыты Бога... вже, не збрехавшы, на рубливъ двадцять и пьять полегшало. Добре такы чую, що полегшало...

VIII.

Одного разу прыйшовъ на «керманъ» Омелько зъ Ефендрикомъ и засталы тамъ своихъ товарышивъ. Дмытро стоявъ передъ Гаврыломъ и, нагнувшысь надъ нымъ, щось ёму говорывъ; Гаврыло, сыдячы пидъ сосною, мастывъ кумысомъ якусь ранку

на нози (бо вирывъ що кумысъ помога видъ усихъ хоробъ) и сперечався зъ Дмытромъ. Ефендрикъ сивъ пидъ сосну.

— Скажы ты мени,—звернувся до ёго Омелько,—що ты робышъ у свого пана, завищо ты грошы видъ ёго берешъ?

— И скажите пожалуйста, какое недовѣріе... Мало-ли работы-съ? Можно сказать, завсегда работа найдется.

Ефендрикъ почавъ выщытуваты всяки свои роботы и згадавъ якось про собаку, котру винъ мусывъ доглядаты.

— А цикаво-бъ знаты, що вартъ прогодуваты ту собаку тутечкы? на курорти?

— Имперьялъ-съ! Пятнадцать рублей!—можно сказать, въ мѣсяцъ...

— Та не може буты! Въ одынъ голосъ скрыкнулы Омелько зъ Гаврыломъ.—Отъ лыхо-ма, куды грошенята идуть! Кому добре на свити жыветься!

— Это собака особой алжирской породы-съ,—розсказувавъ тымъ часомъ Ефендрикъ.—И не скажите, чтобы дешево за неё дали. Стоить-съ около двухсотъ франковъ-съ. Можно сказать, настоящая собака изъ самой Алжиріи.

— А де та Алжирія?—спытавъ Гаврыло, скинчывшы патырання кумысомъ.

— За моремъ, въ теплой странѣ... Тамъ холодовъ, можно сказать, совсѣмъ не бываетъ-съ. И куда не поѣдешь теперь по желѣзной дорогѣ, вездѣ, скажите пожалуйста,—станціи, буфеты, начальники станцій.

Зъ пивъ годыны оповидавъ лакей про Алжирію. Чы слухалы ёго селяне, чы йнялы ёму виры, сказаты трудно. Але Омелько пидъ кинець оповиданя зитхнувшы озвався:

— Ти паны—зовсимъ якъ чорногузы... де теплійше, то винъ туды и летыть; але все одно видъ смерти не втечешъ.

— Прочытай-но намъ що небудь—звернувся винъ до Ефендрика.—Ты намъ сёгодня ничого не чытавъ.

Ефендрикъ не разъ чытавъ имъ, хочъ селяне здебильшъ ничого не розумилы зъ того, що винъ имъ чытавъ. И цей разъ, сившы на пень и добувшы зъ кешени старе чысло «Бир-

жевыхъ Вѣдомостей», винъ почавъ чытаты щось про «артыстычно-промыслови замиры министерства финансовъ».

Хочъ селяне и не розумилы ничого, але слухалы уважно, зъ повагою. Не розумивъ и чытачъ того, що чытавъ, але ёму подобалася ёго роль, подобалось и те, що ёго такъ довго и уважно слухають.

Одынъ зъ курортнихъ панивъ, котрому Омелько дуже подобався, прымитывшы таку цикависть селянъ до чытанкы, надумавъ зацикавыты ихъ кныжкою и взявъ для початку «Сорчынськый ярмарокъ» Гоголя. Але здывувався винъ дуже, колы ся кныжка не вподобалась селянамъ. Воны не тильки не смiялыся, але навить дывувалысь, навищо треба такъ опысуваты якыйсь ярмарокъ. А прыгоды червонои свыткы выклыкалы у Омелька несподивано таку гадку.

— Це хтось добре пысавъ, та пысавшы, не́-зле певне и горилку смакувавъ, бо тверезый того не напыше...

Таке-жъ вражиння зробылы на ныхъ и инши оповидання Гоголя: «Риздвяна ничъ»,—«Майська ничъ». Де яки мисця зъ цыхъ оповиданъ селяне слухалы такъ, неначе робылы ласку чытачеви. А про сварку Ивана Ивановыча зъ Иваномъ Ныкыфоровычемъ, зъ якои Гаврыло дуже смiявся, Омелько, котрый тежъ трохы усмихався, просто такы сказавъ: «що це все брехня... а якъ и есть де така дурна свыня, то навищо про неи пысаты...

— Отъ прочыталы-бъ вы намъ де що про вiйну яку, або про сотворенiе мыра, про землю та небо... и де якъ поводытся въ другыхъ краяхъ... Це цикавiйше...—попросывъ Омелько.

Чыталы имъ и про свитъ Божый. Особлыво Омелько слухавъ дуже уважно и до самого кинця. Колы жъ кашель дуже нападавъ ёго, винъ спынявъ рукою чытача. А выкашлявшысь, весь червоный, винъ вытеравъ кулакомъ слёзы и просывъ чытаты дали.

— Отъ нехай же хочъ передъ смертью пизнаю, що то и якъ то воно...

И винъ затоплявъ свои очи у небо, про яке ёму чыталы.

— Та вы будете ще здорови—пробувавъ потишаты ёго панъ, але, глянувшы на спокійне, величне облыччя Омелька, котрый хытавъ головою и усмихався тымъ усмихомъ, якый бувае тильки у селянъ, розумивъ, ще потишаты ёго зайва ричъ.

— Э... де-вже!—казавъ Омелько, дывлячыся у землю.—Не одынъ Пацюкъ ще сюды не заглядавъ, а колы заглядавъ, то не на добро. Вже наше мынулося... Дякую Богу мылосердному, що хочъ передъ смертью сподобывся де що добренького почуваты... Дякуваты Богу за все.

IX.

Якъ почалась «косовыця» и за ричкою Горынемъ чоловикъ зъ двадцять косаривъ, гарненько обходячы кущы та корчы, выбывалы на-откидь густу траву (лито того року було мокре), Омелько вже не мигъ сыдиты на курорти. Сившы на лавочци на горбочку, звидкиля було выдно косовыцю, Омелько не зводывъ очей зъ лугу. Винъ жывъ вже тымъ жыттямъ, котре було тамъ на лузи, зъ розмовамы, писнямы, жартамы, до котрого винъ належавъ зъ пупьяночку. На курорти винъ бувъ наче у неволи, и та неволя зкувала ёму груды.

— А дай же, Боже мылостывый, въ добреньку погоду траву зибраты,—шопотивъ винъ самъ до себе, думкою прыстаючы до роботы, наче-бъ трава косылась на ёго власнимъ лузи.

Пизнимъ вечеромъ, колы писля десятои годыны на курорти все вгавало, Омелько довго стоявъ надъ ричкою и озыравъ лугъ.

— Гей, кобыла ходыть по покоси!—гукнувъ винъ зненацька зъ усіеи сылы на весь курортъ. Винъ доглядивъ, що зъ сусиднёго пасовыська одна кобыла пірейшла на покосы.

— А чого ты репетуешъ?—закрычавъ на ёго адмыныстраторъ курорта.—Та ты перелякаешъ усихъ... Чы ты здуривъ?

— Онъ дывиться, що робытся... кобыла перескочыла, а за нею...

— Не твое це дило... Иды спаты...

— Але якъ же то можно? Тажъ воны вытолочать усю траву, бо за нею перескочыть и друга, и третя и четверта... Имъ тильки дорогу даты... я вже знаю...

— Иды спаты, кажу тоби,—штовхаючы, потягъ Омелька сыломиць администраторъ. Але Омелько такы не пишовъ. Колы администраторъ пишовъ соби, Омелько знайшовъ другый куточокъ надъ ричкою, сивъ и задумався.

На лугъ билымъ серпанкомъ осидавъ туманъ и закрывавъ и покосы и кобылъ. Винъ наче сунувся зъ лису и стелывся закутуючы все.

Омелько не бачывъ вже кобылы, що ходыла по лузи... Але винъ думавъ: чому се тутъ вси таки байдужи до чужои шкоды. У ныхъ въ Космачеви завжде одынъ одного зповищае про шкоду, якъ побачыть, а якъ застануть коней або свыней на покоси, то бувае тоди таке що й годи.

Далеко пидъ лисомъ ясно горило багаття, а зъ другого боку хтось вертався зъ «тартака» (зъ лисопыльни), спиваючы писню: «Молодый чумаче, чого зажурывся»... Здоровый, молодый голосъ лунавъ далеко, сыльно.

«Чы волы пропа-а-лы?
Чы зъ дорогы збывся?»

—неслось, лунало надъ лугомъ. Голосъ добигавъ до лиса и вертався, лынувъ до курорта, мовъ-бы зъ бочкы.

— Отже-жъ и спивае, собачый сынъ! Колысь то и я не згиршъ спивавъ.—Довго слухавъ Омелько знаёму писню, потимъ оглянувшысь навкругы, чы нема кого, не выдержавъ и заспивавъ... але на другому виршови здушывъ ёго кашель... «Э... вже... не до спививъ»—махнувъ винъ рукою и пишовъ—

— Волы не пропалы,
Зъ дорогы не збывся,
Того-жъ зажурывся,
Що не оженывся...

—спивавъ спивакъ. «Отже-жъ ёго и розбирае»... Ще разъ спынывся дядько. Въ цимъ голоси и знаёмому спиви згадалась ёму ёго власна молодисть. Тамъ далеко була вона десь у тумани «Жыття—якъ та хмара», промовывъ Омелько свою любыму думку.

Другого разу, оглядаючы лугъ, Омелько наробывъ велыкого репету зъ того прыводу, що кобыла, у котрои до шыи було прыпнуте на оркани лоша, запутала повидъ за пенёкъ, звалыла лошя и воно задрыгало ногамы.—

— Гей рятуйте, бо лошя задушытся!

Здавалося, що винъ ось-ось скочыть и переплыве у плавъ ричку, щобъ вырятуваты видъ смерти те лошя.

Ще покы горнулы сино у копыци, Омелько дывывся на те спокійно, але колы напроты курорта почалы стягаты воламы копыци и класты стижокъ, Омелько не мигъ всыдиты и здержатысь, бо здалося ему, що стижокъ закладають не такъ, якъ слидъ, и черезъ те одынъ кутъ выходыть крывый.

— Воны не бачать! Прысяйби не бачать... бо здалеку лишше выдно... Це не по-хазяйськи! Подывиться, що воны роблять?—звертався винъ до всякого. Але нихто не мигъ его зрозумиты.

Якый часъ винъ махавъ рукамы въ тій надіи, що громадыльныкы зрозуміють свою помылку, покы ще часъ. Але нихто зъ ныхъ не дывывся на Омелька; тоди винъ зъ Гаврыломъ спустывся у ызъ, до перевозу.

Черезъ пивгодыны воны вже орудовалы коло стижка, а позаякъ зъ краю неба насувалась хмара и треба було поспишаты, то воны обое взялысь до роботы. Якъ наставъ часъ полудноваты, воны пропустылы по чарци и закусылы огиркомъ.

— Оце, лыхома, хочъ згадаешъ, що колысь настоящимъ чоловикомъ бувъ!

Про кумысъ воны забулы.

Скинчылась косовыця. На лузи стало безлюдно; лышъ стоявъ ривный, гарный стижокъ, загороженый жердкамы, а кругъ его блукалы, неначе сонни, кобылы, що ставалы чымъ разъ худійши,

бо паша не була вже така достатна та сытна, а доилы ихъ якъ и ранійшъ.

— Що то тепереньки вдома робытся?—думавъ Омелько.—Чы въ пору зибралы сино? Певне вже ячминь покосылы.

Журба чымъ разъ частійше гнитыла его душу, чымъ разъ яснійше почувавъ винъ, що теперъ винъ потрибный вдома... Тамъ теперъ горяча пора. Вси працюють черезъ сылу, а винъ байдыкуе.. И пишовъ бы винъ дорогóю душею, та за кумысъ грошы булы виддани. Шкода грошей...

X.

Бувъ вечиръ пидъ Илью. Для такои поры той вечиръ бувъ якыйсь дывный, незвычайный. Але, кажуть люде, таки несподиванкы въ С. бувають часто, бо навкругы розлигся тамъ безмежный, виковичный биръ. Сонце пекло цилый день и стояло ще надъ лисомъ, а зъ-за ричкы потягло вже холодомъ. Смугамы насувався зъ бору туманъ... Винъ неначе чекавъ заходу сонця. Ти смугы, насуваючысь, затоплялы все. Лышъ де-не-де зъ того моря туману выглядалы верхы деревъ на лузи, а густый лисъ чорною смугою выдався навкругы, мовъ бы берегъ того моря. Въ долынкахъ та яркахъ та хмара туману була густійша, а на горбочкахъ, де выще, проглядала земля, мовъ бы борючысь зъ туманомъ. Сонце сидало ныжче, а туманъ лягавъ чымъ разъ выще, и незабаромъ червоный проминь сонця мыготивъ лышъ на верхахъ деревъ, пробывшысь кризь туманъ.

— Сонейко на Илью грае,—сказавъ Омелько, котрый стоявъ недалеко одъ громадкы панивъ, що глядила на се выдовысько.

— Незвычайне зъявысько у лыпци,—казавъ ликаръ, якый бильшъ другыхъ цикавывся сухистью курорта.—Видколы жыву такого не бачывъ.

— Все це теперъ звертають на выбухы на Мартыныци... Що воно справди таке?

— Буде завтра дощъ,—спокійно сказавъ Омелько, неначе видповидаючы на ци пытання.—Це часто бувае. Часамы въ Космачеви...

— Але барометръ показувавъ бильшъ на ясну погоду. Тай теперъ небо зовсимъ чысте.

— Мусыть буты на Илью дощъ,—уперся такы Омелько. Увесь другый день зновъ була спека и погода тыха; здавалось Омелько бувъ помылывся.

У вечери того дня въ курзали грала музыка весело, танцювалы молоди панянкы та панычи, яки найихалы зъ сусиднихъ мистечокъ. Хворымъ танцюваты не дозволялося. На дорижкахъ, що велы до курзалу, зибралыся люде слухать музыку и часомъ пидъ тактъ іи яка чорнобрыва дивчына втынала гопака зъ парубкомъ, покы администраторъ не прыходывъ ихъ выгоныты. Дядько Омелько стоявъ пидъ викномъ и дывывся у залу. Гралы мазура. Жваво проносылась пара за парою, а лыця ихъ палалы тымъ запаломъ, якый бувае у поляկивъ, колы воны танцюють свій національный танець,

— Гужа! Гужа!—прымовлявъ Омелько поглядаючы на ныхъ.

— Чого це ты гужаешъ?

— Бо то справди скачуть, якъ ти козы, колы пацькуешъ ихъ въ горбди собакамы. Де-котра то навить и головою ось такъ точнисенько зробыть. Та я не знавъ до цеи поры, де воны такъ навчылыся скакаты.

Тымъ часомъ несподиванно насувалась зъ заходу чорна хмара, подаючы про себе звистку далекымы блыскавкамы... За высокымъ лисомъ іи не прымичалы, и лыпъ колы въ разъ зъ барабаномъ музыкы загуркотивъ гримъ и зашумилы сосны своимы верхамы, де-яки глянувшы у гору, промовылы: «а буде дощъ».

Публика зъ саду повтикала на веранду зъ галеріи. На одній галеріи въ юрби стоялы Омелько та Гаврыло, якихъ гроза не злякала и не здывувала—«на Илью завше дощъ бувае»....

Хуртовына збиралась чымъ разъ гризнійша. Зоряне небо заволоклося чорнымъ покровомъ. Паркъ стогнавъ. Гулы и трищалы сосны, неначе тамъ десь на верхахъ велася люта бытва.

Соснови шышкы сыпалысь рясно и торохкалы по зализныхъ покривляхъ курорта. Незабаромъ побиглы стругы воды по стежкахъ. Биля схидцивъ галеріи вмыть зибралыся калюжи воды, котри полыскувалы яснымъ свитомъ видъ блыскавкы. Слипуча блыскавка на одну мыть осяювала паркъ такъ ясно, що можно було розглядиты всяку дрибныцю, але заразъ такы наставала така темрява, що годи було побачыть що небудь на пару ступнивъ.

А музыкы гралы свое...

Вразъ сыльный гримъ и блыскавка вдарылы десь дуже недалеко видъ курзала такъ, ажъ вси стрепенулыся, хто стоявъ на галеріи.

Забренилы шыбкы, здригнулысь стины легенькои деревянои будивли. Шахнулысь навить здорови, а де-якыхъ хворыхъ мусылы завесты по ихъ номерахъ.

— Вси пары разомъ!—лунало тымъ часомъ зъ залу, де, не вважаючы ни на що, танцювалы мазура своимъ чыномъ.

— Але доброго мазура втынае сёгодня и пророкъ Илія!— сказавъ, выходячы зъ залу якыйсь франтъ у фраци и билыхъ рукавыцяхъ

— Справжня mazourka générale...—додавъ другый франтъ, вытыраючы хусточкою мокре чоло.

— А знаете—промовывъ докторъ, лысый дидокъ, що вернувся видъ слабыхъ—колы-бъ ся штука (винъ показавъ на небо) вдарыла въ нисъ, то я думаю бувъ бы нежыть. Хе, хе.

И выстукуючы ногою тактъ о помистъ курзала, винъ весело заспивавъ:

Николай!
Подавай
Съ ромомъ чай,
А потомъ—
Одинъ ромъ...

А гримъ гуркотивъ на неби. Омелько дывывсь кризь викно на танцюривъ, на тыхъ, що гулялы въ другій кимнати на биліарди.

въ карты, и дывувався. Въ Космачеви, Горынь-Городи, въ Степани и скризь, де винъ доси бувъ, пры такій прыгоди люде хрестылысь и промовлялы молытвы. Ёму стало дуже тяжко, такъ тяжко, що винъ, повагавшысь яку хвылыну, сипнувъ Гаврыла за рукавъ и, задершы свытку на голову, почемчыкувавъ зъ нымъ до дому черезъ паркъ, не вважаючы на дощъ, котрый почавъ потроху вгаваты. Здавалося имъ, що Богъ такого не вытерпыть, и тутъ, конче, щось не добре станется. Хиба може пророкъ Илія такого не покараты? Почувалы воны себе тамъ на галеріи такъ, якъ той, хто уперше пидіймается на аэростати: ёму все здается, що аэростатъ заразъ лусне...

— Оце-е!—казавъ Омелько, переплыгуючы черезъ калюжы.

— Эге-е!...—згожувався Гаврыло, поспишаючы за нымъ.

Такъ розмовляючы, дійшлы воны до дому.

На другый день спека була ще бильша. Душно було незвычайно. Лисове повитря та теплый паръ писля злывы, ще побильшувалы ту духоту. Бажалось-бы прорубаты просикою той лисъ, щобъ пустыты свижого повитря, витерцю, щобъ зрушыты ту нерухому духоту. А вона дуже валыла хворымъ.

— Чы ты чуешъ, Омельку, якъ въ мене пташкы ось тутъ щось спиваютъ,—сказавъ Гаврыло, зустрившы Омелька. Винъ показавъ на свои груды, и справди у грудяхъ ёго дуже хрыпило.

— Оце зовсимъ я застудывся, якъ вчора ишовъ...

Биля полудня почало хрыпиты дужче. Гаврыло не вважавъ на те и кепкувавъ самъ зъ себе.

— Це зовсимъ въ моихъ грудяхъ, якъ те трень-брень, що вчора гралы.

Лышъ надъ вечиръ, якъ стало зовсимъ важко дыхаты, Гаврыло взявъ пивъ-рубля и пишовъ до дохтора про всякъ случай,— що то винъ скаже?

Дохторы здывувалысь, ажъ рукамы розвелы, якъ обслухалы Гаврыла. Гаврыло вразъ зблидъ и увесь затремтивъ. Винъ не сподивався, що *це* настане такъ швыдко.

— А я думавъ... та якъ же?... на чужій сторони... не може буты... а дитки? Не хочу, ни!... Богъ мылосердный....

Дохторы своимъ звычаемъ не сказалы ёму всю правду, але Гаврыло по очахъ ихъ побачывъ, що зъ нымъ сталося щось дуже недобре. Неспокійни очи ёго перебигалы на вси стороны и дывылысь воны по той бикъ людського жыття. На чоли выступывъ питъ и велыкымы капкамы збигавъ по лыцю.

— Чому воны, дохторы, не взялы въ мене пивъ-рубля?—зъ тревогою пытавъ Гаврыло Омелька, спыраючысь на ёго руку.

Омелько ничого не мигъ сказаты. Гаврыло намагався всимы сыламы боротысь зъ тымъ лыхомъ, яке ёму грозыло. Якъ-бы трапылось таке лыхо зъ нымъ вдома, винъ не такъ журывся-бы.

Хрыпы не вгавалы. На другый день хрыпило дужче, ще й клекотило у грудяхъ бидного Гаврыла, и винъ надумався иты до знахоркы. Ёму сказалы, що недалечко, верстъ скилька, жыве баба, яка роспизнае чужу хворобу, якъ свои гладышкы. Гаврыло збирався до неи, а видъ неи думавъ иты до-дому, але тымъ часомъ несподивано вмеръ, нагнувшысь надъ клуночкомъ свого добра.

Омелько сердечно заклопотався похорономъ свого прыятеля. Чому-сь здалося ёму, що милліонеръ повыненъ даты чымалу суму на похоронъ бидного чоловика. Винъ смилыво прыступывъ до богатыря, колы той задумавшысь сыдивъ на лавци, покурюючы грубу сыгару, и почавъ такъ:

— Тутъ, проше пана, чоловикъ одынъ вже вмеръ, царство ёму небесне...

Багатырь струсывъ попилъ зъ сыгары и обернувся до Омелька...

— То якъ буде ваша ласка. Може-бъ...

Багатырь кывнувъ рукою, щобъ Омелько ишовъ дали своею дорогою.

— Може-бъ вы де-що далы,—настырлыво мовывъ Омелько, наче не помичаючы того.

Панъ зновъ махнувъ рукою и до того ще кывнувъ головою.

— Прошу пана мылосердного... тожъ вы, я чувъ, що... ваша одна собака вжывае що мисяця на пьятнадцять карбованцивъ! Прошу пана...

— Про-хо-ди...—промовывъ багачъ своимы обвыслымы губамы и одвернувся.

Може винъ и давъ-бы що, та не хотилось ёму ворухнутысь; калытка ёго лежала у кешени, а винъ такъ добре усився, щобъ слухать музыкъ.

Безголосый Дмытро доглядавъ, щобъ справлени булы коло помершого вси хрыстьянськи звычаи. У Гаврыла не було чыстои сорочкы, то Дмытро виддавъ свою зовсимъ нову. А колы покійныка поклалы вже на лави, винъ увесь вечиръ шыпивъ надъ нымъ по складахъ псалтырь, спыняючысь лышъ на хвылыну, щобъ поправыты свичку. Чытаючы, винъ видганявъ зъ покійного мухъ.

А Омелько, зигнувшысь у дугу и голову взявшы у рукы, сыдивъ въ ногахъ и думавъ свою думу: «Жыття—якъ та хмара»...

XI.

Поховавшы Гаврыла, Омелько ходывъ самъ не свій. Винъ дожыдався кинця кумысового курсу, щобъ забратысь зъ курорта. А курсъ той счытается 150 пляшокъ. Нищо вже ёго не могло розважыты. Ефендрика винъ называвъ не инакше, якъ «панськый пидстырачъ» и хочъ просывъ ёго чытаты, але часто говорывъ:

— Ты сёгодня щось чытаешъ—мекаешъ, якъ та жыдивська коза, що въ осени въ попивськый городъ зайшла.

Хочъ винъ и поправывся добре видъ того кумысу, але нищо не могло розважыты ёго нудьгу та неспокій, яки обгорталы ёго душу що день дужче. Часто згадувавъ своихъ, свою хату, хазяйство, всяку роботу. До того ще й Дмытро выйихавъ зъ курорта.

— Що тамъ таке?—поспышавъ администраторъ у кутокъ парка, зъ якого чувся незвычайный спивъ захрыплого голосу.

Винъ ажъ сплеснувъ рукамы, побачывшы у кутку въ кущахъ пидъ тыномъ пьяного Омелька на земли. Кумысни пляшкы лежалы коло нёго, але биля ныхъ администраторъ побачывъ чвертку монополіи. Шматкы хлиба, огиркивъ, редькы показувалы, що Омелько давно вже бенькетуе.

— А якъ-ся маете пане!—весело прывитавъ Омелько администратора, пидводячысь трохы и спыраючысь спыною до тына. Голова ёго хылылась на бикъ. Очи блыщалы. Вся ёго постать выявляла радисть та жвависть.

— А пся-лайдакъ! Такъ це ты такъ?

Але на це Омелько заспивавъ своимъ хрыплымъ голосомъ:

— Та нема гиршъ никому,
Якъ тій сыротыни.
Нихто не прыгорне
У лыхій годыни..

— Такъ це ты... сміешъ? Що то тутъ за писни?

— А що? не вподобалося—промовывъ Омелько, поводячы навкругы пьяными очыма.—То може ця?

— Болыть въ мене серце.
Болыть голова,
Хотивъ бы я монопольки,
Та чортъ іи ма.

— Геть звидсиль! Ты такъ, паршывець, пьешъ кумысъ!—ажъ кыпивъ администраторъ.

— Эге, прошу пана, кумысъ! О, це кумысъ! Хо, хо—трясучы порожнею пляшкою видъ горилкы, реготавъ Омелько.—Це такый кумысъ, що не тильки ядуху, а и всяку хворобу вылычыть. «Не пры-го-о-рне у лыхій годыни»,—непевнымъ языкомъ белькотавъ Омелько писню.

Зибралася публика. Администраторъ поклыкавъ стороживъ и звеливъ вывесты пьяного геть зъ курорта.

— И самъ пиду! Не треба. Прощайте панове!—ледве стоячы на ногахъ, кланявся Омелько на вси стороны.—Простить, Хрыста рады. Але все одно помырать. Що я пывъ, що я не пывъ—все одно. Вси, вси дубомъ станемо... геть!

Винъ розмахнувъ рукою, ажъ похытнувся. Его пидержалы сторожы и вывелы на улыцю.

— Гаврыло, го-овъ! Де ты?—крычавъ Омелько, хытаючысь межъ двохъ сторожывъ.

Выкынутый по-за курортъ, Омелько ще спивавъ якый часъ, а потимъ впавъ на выгони и заснувъ. На счастя погода була гарна. Повзъ ёго проходылы юрбы людей. Де-яки дывылыся, спочувалы ёму; други, спынывшыся, думалы: добре було-бъ перенесты ёго хочъ у холодокъ...—Але нихто ничого не зробывъ.

Прокынувшысь у вечори зъ тяжкою головою, Омелько озырався на вси бокы и довго не мигъ опамьятатысь, де винъ и що зъ нымъ діется? Але побачывшы биля себе свою свытку, гамакъ и торбу, винъ зрозумивъ, що всяки дила зъ курортомъ вже покинчени. Винъ задумався.

— Та вже-жъ певне и нашому Омелькови тежъ хутко кинець. Дяка Богу за все. Пиду до дитокъ.—Голова ёго спускалась чымъ разъ ныжче на груды.

Сонце заходыло и залывало червонымъ свитломъ огорожу. Подыхнувъ холодный витерець, сповищаючы захидъ сонця. Омелько схопывся за груды и закашлявся. Ёго зокололо мижъ лопаткамы и у грудяхъ захрыпило.

— Нихто не прыго-о-рне
У лыхій годыни!

Богданъ Степанець.

м. Славута р. 1902.

Поэзія Н. Ѳ. Чернявскаго.

Недавно въ Кіевѣ вышла изящно изданная книжечка въ 276 страницъ, съ стихотвореніями на малорусскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Зори». Авторъ, Н. Ѳ. Чернявскій, уроженецъ бахмутскаго уѣзда екатеринославской губ., питомецъ Донца и степи, которой посвящено много прочувствованныхъ строкъ:

А ты, мій Донче, вирный друже,
Мій любый брате, за тобою
Невтишно серце й доси туже
Старою давнею журбою...
Ты льешся тыхо мижъ лисамы
Крыштально-срибною лукою
И горы били зъ небесамы
Глядять, любуются тобою.

Всѣхъ стихотвореній 164. Содержаніе довольно разнообразное—внѣшняя природа, треволненія человѣческаго сердца, сужденія о поэтѣ и поэзіи, два-три случайныхъ историческихъ мотива. Въ книгѣ, кромѣ языка, нѣтъ ничего такого, что объединяло бы стихотворенія. Нѣтъ никакой тенденціозности; но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ и отчетливо выраженнаго, опредѣленнаго міровоззрѣнія. Общее впечатлѣніе въ пользу автора, въ силу общаго гуманистическаго настроенія всей его поэзіи.

У г. Чернявскаго есть излюбленные мотивы. Такъ, около 15 ст. посвящено степямъ, съ десятокъ отдано описанію ночи, и почти въ десяти стихотвореніяхъ описано море. Встрѣчается затѣмъ по нѣсколько стихотвореній о веснѣ, объ осени, о долѣ, о лѣсахъ и садахъ. Въ особенности много стихотвореній посвящено опредѣленію значенія поэта и поэзіи (до 20 №№) и описанію звѣздъ и влиянія звѣздного неба на душу. Нужно отдать автору справедливость, у него нѣтъ повтореній или перепѣвовъ, и каждое стихотвореніе производитъ впечатлѣніе самостоятельнаго.

Изъ стихотвореній о степяхъ по художественности выдаются обрисовки степи въ ночное время. Хорошо, напр., изображеніе молитвеннаго состоянія степи ночью въ стихотвореніи

«Смутно сяють въ неби зори»...

Недурно обрисованъ костеръ въ степи ночью въ «Степови огни»:

Далеко геть горыть одынъ
Въ ночи огонь въ степу глухому:
Вечерю варе селянынъ;
Чы то чумакъ, йдучы до-дому
Зъ вагою зъ Дону, ночувать
Въ толоци ставъ окрай дороги;
Чы цыганъ, степу сынъ убогый,
Роздувъ багатте,—не дизнать.
А ничъ стоить сумна, понура,
На неби хмаръ покривля хмура
Навысла нызько, и зъ-за нихъ
Зирокъ не выдно золотыхъ.

Въ другомъ стихотвореніи ярко изображена спаленная солнцемъ степь, безъ лѣсу, безъ рѣки, степь, просыпающаяся только...

Колы, бува, зъ громамы
Зъ моря хмары налетять,
Степъ охрестять блыскавкамы,
Надъ ланамы прогремлять...

Степь сродни поэту, что ярко выражено въ ст. «Стрибожи внукы» (вѣтры)

Не боюсь васъ, легкокрыли,
Не страшни ніякъ мени
Ваши гукы, ваши стрилы,—
Бо я самъ богамъ зъ ридни...
Я сынъ Темрявы и Свиту...
Тильки крылъ нема мени,
Щобъ у грудяхъ искру скрыту
Въ ваши кынуты огни...

Какъ поэтъ степи, г. Чернявскій идетъ рука объ руку съ Никитинымъ, Кольцовымъ, А. Майковымъ, мало уступая имъ въ яркости красокъ или въ силѣ выраженія.

Хорошія стороны поэзіи г. Чернявскаго—серіозность міросозерцанія и оригинальные пріемы творчества. Подобно В. Гюго, г. Чернявскій въ «Де ты, о Боже», выразилъ образно ту мысль, что Богъ открывается въ природѣ.

Въ ст. «Пытання» мысль поэта обращается поочередно къ солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ, тучамъ съ вопросами, и вездѣ она

Правды свитовои
Зернятка збирае,
Всюды ихъ збирае
На корысть родыны...

Не менѣе оригинально по формѣ и болѣе ясно по содержанію небольшое ст. «На крылахъ». Поэтъ мчится на крыльяхъ по Украинѣ и ищетъ свѣта.

Темно въ палацахъ у панства старого
. . . .
Панство славутне у склепахъ дримае,
Спадкы жъ ихъ славы онукъ прожывае...
. . . .
Темно у биднiй мужичiй хатыни...

потому что «свиту не зналы николы си люде»—дѣды умирали въ неволи, отцы выросли въ бѣдности, а сыновей ихъ тяжело гнететъ тьма невѣжества.

Есть много стихотвореній о звѣздахъ, о морѣ, большей частью удачныхъ. Въ видѣ примѣра ограничимся однимъ «Тыхо гойдаются», въ которомъ соединены оба излюбленныхъ авторомъ мотива, море и звѣзды.

Тыхо гойдаются въ сынёму мори
Искоркы-зори,
Нибы купается въ хвыли блыскучій
Рій ихъ летючый.
Скели здіймаются, ще неостыли,
Темни, похыли.
Въ чорнимъ межгирьи десь свитло палае
И погасае.
Чуете писню въ тыхому мори,
Въ сынимъ просторі?...
Слухайте, ось вона зновъ обизвалась
И увирвалась.
Човенъ малюется въ мори на хвыли
Геть за пив-мыли.
Хто, безталанный, тамъ хоче вловыты
Долю у сити?...
Тыхо купаются въ сынёму мори
Искоркы-зори;
Тыхо гойдается пина тамъ нижна,
Вся билоснижна.
Писня далекая ледве лунае,
Мовъ замирае...
Дай ёму, Господы, въ ничъ сю вродлыву
Долю щаслыву!...

Тутъ есть прелесть, почти непереводимая на другой языкъ; звукамъ малорусской рѣчи придана такая мелодія, которая не отдѣлима отъ содержанія, и все это скрашено гуманнымъ заключи-

тельнымъ аккордомъ. Поэтъ желаетъ счастья неизвѣстному пѣвцу въ лодкѣ на морѣ, исходя изъ предположенія, что пѣвецъ этотъ ищетъ въ морѣ долю. Рыбакъ ли это, или не рыбакъ—не важно. Важно, что одно человѣческое сердце звучитъ гдѣ-то въ синемъ морѣ, а другое человѣческое сердце отзывается къ нему любовью, лучшими пожеланіями; важно то симпатичное и альтруистическое чувство, которымъ проникнуто стихотвореніе, и въ которомъ въ сущности и заключается все достоинство поэтическаго воздѣйствія.

Звѣздная ночь вообще пробуждаетъ въ душѣ поэта горячее и широкое чувство любви къ ближнимъ. Такъ въ ст. «Зоряна ничъ» поэтъ говоритъ;

Та въ сю ничъ дывлюсь я смило
На людей и на жыття:
Можна скризь робыты дило,
А не гынуть безъ пуття.
Найбиднійша, темна доля
Краще смерти...

Насколько поэзія г. Чернявскаго разнообразна по содержанію, настроенію и отраженію его въ формѣ, можно убѣдиться, сравнивъ, напр., стихотвореніе о веснѣ съ стихотвореніемъ объ осени. Первое, какъ маленькое, приведемъ въ цѣлости, второе въ отрывкѣ.

Каже все, що буть весни:
И глыбоки, и ясни
Зводы неба, и нигде
Теплый витеръ не веде
Сниговыхъ холодныхъ хмаръ.
Узялася десь одна—
И розвіялась вона,
Якъ летючый билый паръ
И весела, и ясна...
Ни, сёгодня вже весна!

Картинка природы схвачена на лету, и субъективное отъ нея впечатлѣніе прочно закрѣплено. У кого въ душѣ затуманились эти весеннія облака, веселыя и ясныя, поэтъ ихъ возстановитъ; онъ напомнитъ милые и радостные образы.

Отъ этой весенней картины сильно отличается «Сильска осинь»:

Мынуло лито золоте:
Холодне небо вкрылы хмары,
И темносызи ихъ отары
На пивничъ витеръ десь веде.
Въ тумани сонечко зиходе,
У мли у вечери згаса...
Гудуть цины ще де у кого,
Изъ клунь иде солодкый пахъ
Соломы й зерна золотого,
Що затаилось по снопахъ.
И день, и ничъ шумыть-гуркоче
На ричци млынъ, и тыхый ставъ
Воды у щерть соби набравъ;
Налывсь—мовъ греблю рваты хоче,
Щобъ скризь по лукахъ за селомъ
Жывымъ розлытыся срибломъ...
. . . .

Общественное настроеніе поэта проникнуто гуманностью:

Не ворогъ правди я й законамъ,—
Я правды прагну и просю,
Щобъ легше дыхать всимъ було намъ,
У тимъ и правду бачу всю.
И хай звенить мій спивъ журлывый,
Якъ дзвинъ вартовый у-ночи,
Якъ голосъ брата незрадлывый,
Братывъ до свиту зовучы.

Въ другомъ мѣстѣ поэтъ говоритъ, что

У кожного неба и сонце свое,
А спильный ключъ правды засохъ и не бье...

Поэта возмущаютъ сплетни, мелочность, лѣнь и апатія; онъ обращается къ Богу съ такимъ молитвеннымъ воззваніемъ:

О, Боже, Ты
Слаби пиддержуй наши сылы
И поможы намъ донесты
Любови свитъ у ти хаты,
Братамъ у питьми тамъ сыдячымъ,
Прыгриты серцемъ ихъ гарячымъ,
Щобъ зерно правды изийшло
И добре симья прынесло!..

Поэзіи поставлена такая гуманная задача:

О, писне блаженна, о писне крылата,
Леты надъ землею, дзвены и зовы
До свиту, до сонця изъ темрявы брата,
Надію у серци ёму ожывы!

Теплымъ чувствомъ человѣколюбія и прощенія согрѣты стих. «Ихъ двое зійшлося»..., «До ночи», «Не полемъ чыстымъ», «На ридній ныви», «Голодни».

Превосходно по народному колориту, нѣжности чувства и мелодичности стихотвореніе:

Ой помалу, мій мылесенькый,
Тыхше грай,
Мени серця молодесенькій
Не вражай.
Бо зелена въ гаи лыпочка,
Та сумна,
Ще сумнійша въ тебе скрыпочка
Голосна:

Якъ заграешъ потыхесеньку—
Серце мре,
А мене всю молодесеньку
Сумъ бере.
Якъ заграешъ веселесенько—
Пнемъ стою,
Осмихнешся самъ тыхесенько—
Слёзы лью.
Ой не грай же, чаривныченьку,
Ты мени.
Не палы мене, мовъ свиченьку,
На огни:
Яснымъ зорямъ не прыказано
Въ день свитыть.
А тоби й мени заказано
Вкупи жыть.

Первыя строки и отчасти послѣдующее содержаніе внушены народнымъ стихомъ въ сказкахъ про волшебную свирѣль. Содержаніе этой сказки извѣстно. Дѣвушка-падчерица, убитая злой мачехой, обратилась въ липу; братъ вырѣзалъ сопилочку, и сопилочка разсказала ему о преступленіи,—художественный мотивъ, распространенный у многихъ народовъ (въ Россіи, Германіи, у западныхъ и южныхъ славянъ и др.). Въ сборникахъ малорусскихъ сказокъ (Чубинскаго, Рудченка и др.) два брата разумныхъ убиваютъ третьяго меньшаго, дурня. На его могилкѣ выросло дерево (черешня, липа и др.). Изъ этого дерева братья убитаго сдѣлали свирѣль, которая и запѣла:

Помалу-малу, братику грай,
Не вразы мого серденька вкрай.
Ты жъ мене вбывъ, у землю зарывъ,
За того вепрыка, що въ саду рывъ.

Малорусскій языкъ очень богатъ плѣнительными именами, что выразилось въ народной словесности, что неоднократно отмѣ-

чали люди науки (напр., проф. Метлинскій въ предисловіи къ «Думкамъ»). Этой особенностью языка искусно воспользовался г. Чернявскій: «скрыпонька», «чаривныченьку» и пр.

Одно изъ самыхъ крупныхъ достоинствъ поэзіи г. Чернявскаго состоитъ въ яркой образности. Поэтъ въ немногихъ выпуклыхъ чертахъ достигаетъ стройнаго и яснаго выраженія явленій природы и народнаго быта. Такова, напр., прекрасная картина села въ лунную ночь въ ст. «Село затыхло», картина осенней природы въ «Осинь», изображеніе тучи и дождя въ «Хмары», лѣтней жары въ «Спека», хлѣбнаго поля въ «Урожай». Какъ авторъ свободно и мастерски владѣетъ малорусскимъ стихомъ, видно, напр., изъ обрисовки змѣи въ «Спека». Поэтъ въ жаркій лѣтній день легъ въ тѣни отдохнуть;

Дывлюсь и бачу, що хыстку
Траву хытае щось помалу.
Чы не гадюка то?.. Вона!
Повзе до стежкы, порына
Въ дрибній трави, склызька, моторна,
И залягла на стежци чорна.
Перевернулася уся,
На сонци черевомъ засяла,
Зибралась зновъ и засычала,
Якъ молоде мале гуся.
А потимъ стыхла, розвылася
И по дорижци простяглася.
Прытыхла вража, и лежыть,
И сонця свитъ на ій дрижыть.
Лежу и я. Нема охоты
Іи злякаты. Хай лежыть!
И гадъ бажа на свити жыть,
Побуты часъ безъ той турботы...

Въ заслугу поэта нужно поставить свободное и непринужденное обращеніе со стихомъ и искренность настроенія—не вездѣ, но въ большинствѣ стиховъ. Такъ, одно изъ лучшихъ

произведеній «Вечерни мріи» прямо начинаются такимъ образомъ:

Я выйшовъ въ степъ. Санна дорога.
Уже накочена, склызька... И одыноко
Иду я. Сонце ще горыть
На неби чыстому ясному,
И степъ въ убори снпговому,
Мовъ у крышталяхъ гра-блыщыть.
Иду неслышною ходою,
И очи мане далечинь...

По внѣшней формѣ есть стихи длинные и тягучіе, напр. «Писля бури».

Море ще довго не спало и тыхо въ ночи хвылювалось
Зъ шумомъ рытмычно-журлывымъ скаржучысь скелямъ
холоднымъ,

и тутъ же рядомъ идутъ стихи сжатые, краткострочные, напр.

Весняный ранокъ...
Роса скризь сяе
И мла лощыны
Оповивае.
Туманъ поважно
Сплывае вгору...
Десь чуты—дятелъ
Довбае кору...

При несомнѣнныхъ крупныхъ достоинствахъ, въ произведеніяхъ г. Чернявскаго есть и недочеты.

Въ однихъ произведеніяхъ поэтъ вдается въ оптимизмъ, въ другихъ—въ пессимизмъ, невсегда мотивированные; въ результатѣ получается неопредѣленность міросозерцанія и случайный характеръ настроенія. Такъ, пессимистичны: «Дывлюся навколо», «Писня ночи», «У мряци», «Шляхъ викивъ», «Ставъ». Основной

мотивъ грустнаго настроенія—ничтожность человѣка. Поэта смущаетъ, что «вси мы никчемни, вси мы хвылынни», что

Мы осядемо вси въ прахъ,
И омофоръ свій смерть накыне
Надъ намы въ мертвыхъ небесахъ...

Эти сѣтованія въ значительной степени покрываются оптимистическими стихотвореніями, напр., «Пидъ зорямы», гдѣ поэтъ говоритъ:

Не турбуе мене,
Що мій викъ промыне;
Такъ бо все промына
Нибы хвыля ясна
И, дійшовшы меты,
Згаснуть навить свиты...

Въ стихотвореніи «Що найкращи наши рокы» поэтъ утѣшается мыслью о вѣчности любви. Въ ст. «Писня бенкетова» говорится: «и старисть не страшна: намъ спокій дасть вона». Поэтъ забылъ о старческихъ болѣзняхъ.

Вообще, философствованіе вредитъ поэту, и мѣстами, напр., въ стих. «Дывлюся навколо», «Пидъ зорямы», это философствованіе облеклось въ туманность и выражено тяжело, искусственно, натянуто, напр., «муче намъ души непевнисть гризна».

Изъ стремленія къ философствованію возникли такія неудачныя, темныя и тяжелыя стихотворенія, какъ:

Якъ все никчемне, наше щоденне.

Тутъ ужъ и языкъ, обыкновенно плавный и ясный, измѣняетъ г. Чернявскому; всплываютъ странныя выраженія, напр., «чванство страшенне», «щастя злыденне», «зводе шахрайство зъ честью стосункы».

Также тяжелы и сухи стихотворенія: «Хто душу несыту та造 заздрисну мае», «Я жывъ свій викъ», «Клычъ неба», «Мечъ». Эти неудачныя, очевидно, надуманныя, мѣстами вымученныя

стихотворенія лишь портятъ впечатлѣніе и въ рукахъ литературныхъ зоиловъ легко могутъ быть обращены въ орудіе осужденія.

Автору вредятъ далѣе небрежныя сочетанія и риѳмы, въ родѣ «хаты́» съ удареніемъ на ы́ при риѳмѣ «воды», «дере»— «умре» и т. под.; вредятъ повторенія нѣкоторыхъ излюбленныхъ словъ, въ особенности слова: «мовчазна», «мовчазній».

Недочеты эти покрываются лучшими сторонами, и авторъ, человѣкъ, повидимому, еще молодой, при большей осторожности, можетъ разсчитывать на видное мѣсто въ пантеонѣ малорусской литературы. Тѣ образцы, которые приведены въ обиліи выше, ясно свидѣтельствуютъ о свѣжемъ и оригинальномъ талантѣ. Какъ бы то ни было, «Зори» полезное пріобрѣтеніе малорусской литературы, и многія вещицы этого сборника будутъ по достоинству оцѣнены друзьями и почитателями малорусской поэзіи.

Н. Ѳ. С.

Село Курень (конотопскаго у.) и его старина.

Среди мѣстныхъ жителей существуетъ не мало преданій и разсказовъ о глубокой старинѣ. Преданія эти, переходя изъ устъ въ уста отъ дѣдовъ ко внукамъ, въ настоящее время почти уже всѣ отживаютъ свой вѣкъ и, отходя, такъ сказать, сами въ область преданій, держатся исключительно только среди стариковъ, да и то, сравнительно, немногихъ. Можно поэтому полагать, что чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ многіе разсказы о старинѣ исчезнутъ совершенно. Къ числу такихъ отживающихъ свой вѣкъ преданій относится, между прочимъ, преданіе объ основаніи села; преданіе это среди жителей Куреня существуетъ почему-то въ двухъ, совершенно несходныхъ одна съ другою, версіяхъ. Такъ, одни изъ мѣстныхъ старожиловъ разсказываютъ объ этомъ слѣдующее:

— «Давнымъ-давно это было; не помнятъ того ни дѣды, ни прадѣды наши, а слышали они о томъ такъ же, какъ и мы, отъ дѣдовъ своихъ. На этомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ село, и на много верстъ кругомъ росли огромные лѣса. Время тогда стояло смутное: были войны, разбои, насилія; со всѣхъ сторонъ нежданно-негаданно нападали враги, убивали людей, грабили имущество, а села и деревни жгли. Многіе поэтому уходили изъ этихъ мѣстъ куда-либо дальше, гдѣ жить было хоть немного спокойнѣе, а многіе прятались и селились по лѣсамъ. Вотъ и въ этотъ лѣсъ забрелъ одинъ такой человѣкъ, поставилъ на берегу протекавшей

здѣсь тогда рѣки «курень» (хату) и зажилъ въ немъ со своею семьей. Отсюда-то и началось село и получило свое названіе».

Другіе же, и такихъ, нужно сказать, преобладающее большинство, передавая слышанную ими отъ дѣдовъ исторію возникновенія села, говорятъ, будто первыми поселенцами Куреня были свободно поселившіеся здѣсь «синельники», т. е. мастера, занимавшіеся окраской холста, суконъ и др. матерій. Мѣстомъ для поселенія они избрали лѣвый берегъ рѣки. Нѣкоторое время они жили здѣсь одни, а потомъ, перегоняя съ мѣста на мѣсто по обширнымъ степямъ Украйны свои стада, забрелъ сюда «чабанъ» (пастухъ) и, «облюбовавъ» себѣ мѣсто тоже на лѣвомъ берегу рѣки, какъ болѣе низменномъ и изобиловавшемъ травой, поставилъ для себя «курень» (шалашъ). Такъ мѣсто это и стало зваться Куренемъ. Съ теченіемъ времени стали селиться на другомъ берегу рѣки, а когда число людей и дворовъ на одномъ и другомъ берегу размножилось, то на правомъ, какъ болѣе возвышенномъ, была поставлена церковь [1]).

Эти преданія не противорѣчатъ и подлиннымъ историческимъ свѣдѣніямъ, по коимъ с. Курень образовалось въ первой половинѣ XVII ст. изъ Бахмацкихъ выселковъ, хозяева которыхъ для хозяйскихъ выгодъ оставляли мѣстечко и селились въ окраинѣ степи, тянувшейся къ р. Остру и впослѣдствіи получившей названіе Куренской степи, въ отличіе отъ Бѣловежской. По мнѣнію А. М. Лазаревскаго, названіе села произошло отъ тѣхъ *куреней*, которые устроены были отдѣльными Бахмацкими домохозяевами, для хозяйскихъ цѣлей, въ видѣ полужилыхъ построекъ, и которые послужили основою возникшаго здѣсь самостоятельнаго поселенія. Село Курень уже упоминается въ актахъ 1654 г. [2])

---

[1]) Въ Куренѣ и нынѣ есть фамиліи Синельниковыхъ и Чабановъ, считающихъ себя потомками тѣхъ «синельниковъ и чабановъ», которые основали село. Нѣкоторые изъ потомства Синельниковыхъ и до сей поры, изъ рода въ родъ, занимаются ремесломъ своихъ предковъ.

[2]) См. «Описаніе Старой Малороссіи», А. Лазаревскаго, т. II, стр. 178.

Изъ надписи, сдѣланной на заглавномъ листѣ хранящагося въ архивѣ Куренской Николаевской церкви рукописнаго октоиха, видно, между прочимъ, что въ 1671 году въ Куренѣ была церковь. Къ сожалѣнію, время и небрежность почти уничтожили эту надпись,—отъ нея къ нашему времени только и остались слѣдующія слова: «Сія книга глаголемая Офтай... тщан... церквѣ... Ник... 1671...» Но и эти немногія слова говорятъ уже многое. На Евангеліи же (Львовской печати 1670 г.) еще довольно ясно сохранилась слѣдующая сдѣланная по листамъ надпись: «Сія книга глаголемая Евангелионъ напрестолное раба Божія Ігната Новополца... і жены его Марии и з дѣтми ихъ, обывателей Корѣнскихъ, купленая за десять талярей за своя працу вѣрьную и за отпущение грѣховъ своихъ и за славнои памяти отца ихъ Филиппа и... Катерини і родичовъ ихъ и дано до церкви святой, до храму Святителя Христова Николая вѣчними часи в село Корѣнь для отправи и хвали Святой. Абы оной нѣхто не важился от церкви святой отдалити: а хто бы и хотѣлъ и важился... буди анафтема в сий вѣкъ і у будучий і росудится со мьною пред нелицемѣрнымъ судиею. Аминъ. Писано в семъ Корѣнѣ, при священнику отцу Максиму, при... войту, при Ктиторахъ церковнихъ Семену Великому и Опанасу К... року 1676, марта 29 дня»...

Но упоминаемый въ этой надписи священникъ Максимъ, какъ можно заключить по нѣкоторымъ даннымъ, былъ не первымъ священникомъ въ Куренѣ. Такъ, въ синодикѣ церковномъ, заведенномъ съ 1734 года, въ поминаніи «священнихъ іереевъ» первымъ записанъ іерей Савва, а затѣмъ уже Максимъ; то же самое видимъ мы и въ другомъ мѣстѣ Синодика, гдѣ сначала помѣщены іереи Савва и Максимъ, а третьимъ вписанъ самъ основатель синодика—Афанасій [1]). Если мы къ этому прибавимъ теперь, что къ 1746 году церковь въ Куренѣ стала настолько ветхою, что даже со стороны начальства было предписано возобновить ее [2]), и ограничимъ существованіе церкви приблизительно

---

[1]) О Синодикѣ см. «Кіевск. Старину» 1903 г. № 9.

[2]) См. Истор.-Стат. описаніе Черн. Епар. Арх. Филарета, кн. VI-я.

столѣтнимъ періодомъ, то станетъ внѣ всякаго сомнѣнія, что церковь въ Куренѣ существовала уже въ половинѣ XVII ст. [1]). А это въ свою очередь говоритъ въ пользу того, что въ то время Курень было селеніе уже не маленькое. Дѣйствительно, въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. въ Куренѣ насчитывалось болѣе 150 дворовъ; а въ 1754 году здѣсь было уже 250 дворовъ съ 2738 жителями обоего пола [2]).

Въ настоящее время Курень разрослось въ громадное селеніе: со всѣми прилегающими къ нему хуторами оно имѣетъ болѣе 30 верстъ въ окружности, а въ длину достигаетъ до 7 верстъ; въ немъ насчитывается болѣе тысячи дворовъ и около семи тысячъ жителей.

Въ прежнее, далекое отъ насъ, время, чрезъ село протекала рѣка Борзна и дѣлила его на двѣ части—Городокъ и Закуренье [3]). Названія эти остались и до нашихъ дней; но рѣка дав-

---

[1]) Вѣроятно, отъ того далекаго времени сохраняются въ церкви двѣ оловяныхъ чаши.

[2]) Интересна, между прочимъ, сохранившаяся въ архивѣ вѣдомость за 1754 годъ о томъ, сколько было представлено въ этомъ году отъ церкви въ Кіевскую Митрополію денегъ. Вотъ дословный текстъ этого документа: «Ми нижеподписавшіеся в катедру Митрополитанскую Кіевскую объявляемъ, что сего 1754 года било в нашемъ приходѣ Дворовъ Двѣстѣ пять десятъ за которіе в Казну Катедральную уплатили Денегъ столовихъ По двѣ Копѣйки Рублей пять Міровихъ Поденежки Рубль Двадцать пять копѣекъ солодовихъ по полушки шесть десятъ Двѣ Копейки и полъ ітого всѣхъ Денегъ столовихъ мировихъ и солодовихъ Рублей шесть восемъ Десятъ семъ Копеекъ и полъ». Затѣмъ слѣдуетъ подпись священниковъ Іосифа и Тимоѳея Кибальчичей и вѣдомость о «квитовыхъ» деньгахъ, тоже отсылавшихся въ Митрополію. Всѣхъ «квитовыхъ» денегъ по вѣдомости числится 9 р. 87 к. (выдано 32 квита). Деньги по одной и другой вѣдомости, какъ видно изъ имѣющейся въ архивѣ церковномъ копіи Указа Митрополита Кіевскаго Тимоѳея отъ 15 іюня 1756 г. № 181, высылались въ Митрополію по третямъ года.

[3]) См. Ист.-Стат. оп. Черн. Епар. Арх. Филарета кн. VI-я. Въ Описи 1654 г. здѣшняя рѣчка неправильно названа рч. *Куренью.* Въ

нымъ-давно изсякла; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трудно опредѣлить даже бывшее ея русло. И только въ одномъ мѣстѣ сохранился небольшой водоемъ, но это не что иное, какъ лужа съ стоячею и гнилою водой. Были уничтожены прибрежные лѣса—«хранители водъ»—и рѣка изсякла. Но среди мѣстныхъ жителей держится суевѣрное преданіе, что рѣка высохла потому, что была «заклята». «Жила на селѣ, говоритъ преданіе, одна вдова козачка, «злая вѣдьма»; была у этой вѣдьмы дочка-красавица, единственное ея дѣтище и утѣха. Однажды въ жаркую лѣтнюю пору пошла красавица съ подругами на рѣку купаться и утонула. Обезумѣвъ отъ горя, вдова «заклялa» рѣку «словомъ клятвеннымъ», и рѣка высохла». Но заклятье это, по повѣрью куренцевъ, было положено на рѣку не на «вѣки вѣчные»,—оно можетъ быть во всякое время снято «знающимъ» человѣкомъ.

Старики разсказываютъ, что при ихъ дѣдахъ въ Куренѣ будто-бы и объявился такой «знающій» человѣкъ, который могъ снять съ рѣки заклятье, но свое волхвованіе онъ обставилъ такими трудно выполнимыми со стороны куренцевъ условіями, что куренцы предпочли остаться лучше безъ рѣки.

Въ окрестностяхъ села есть не мало кургановъ, называемыхъ мѣстными жителями общимъ именемъ «могилы», напримѣръ: Губарева могила, Ивашкова, Малыкина, Остаськовы могилы и др. [1]) На вопросъ о томъ, къ какому времени относится происхожденіе этихъ кургановъ, мѣстные жители, обыкновенно, отвѣчаютъ: «чы мало ихъ тутъ Петръ насадывъ!» и въ подтвержденіе своихъ словъ указываютъ даже ту мѣстность, гдѣ, по преданію, происходила стычка русскихъ со шведами [2]).

Описи 1781 г. она именуется *Рудою*, т. е. полуобсохшею ложбиною когда-то бывшей здѣсь степной рѣчки, которая, засохнувъ, потеряла и свое старое названіе. См. «Описаніе Ст. Малороссіи».

[1]) Всѣ эти названія произошли отъ фамилій бывшихъ владѣльцевъ тѣми участками земли, на которыхъ расположены курганы. Только четыре кургана, находящіеся почти у самого села, не имѣютъ никакого имени, а просто зовутся «четыре могилы».

[2]) Урочище «Квашино»—недалеко отъ села.

Впрочемъ, не всѣ курганы относятся ко времени Шведской войны. Нѣкоторые изъ нихъ и сами жители Куреня, основываясь на разсказахъ своихъ дѣдовъ, относятъ къ болѣе раннему времени, именно къ тому, когда «губернія звалась не Черниговскою, а Сѣверскою и когда было много войнъ». Эти курганы есть не что иное, какъ сторожевые пункты, съ которыхъ наблюдалось приближеніе врага, и которые безъ всякаго сомнѣнія нужно отнести ко времени татарскихъ набѣговъ. Что эти курганы были насыпаны именно съ такою цѣлію, доказывается прежде всего тѣмъ, что такъ говоритъ объ этомъ преданіе, называя ихъ «маяками», а также формою и сравнительною высотою самихъ кургановъ. «Маяковъ» въ окрестностяхъ Куреня три; всѣ они въ настоящее время сильно разрушены временемъ и опахиваніемъ, но еще лѣтъ 50—60 назадъ, какъ разсказываютъ очевидцы, были до 4 саженъ высоты, такъ что съ вершины ихъ было видно болѣе, чѣмъ на десять верстъ.

Діаконъ **Иванъ Егоровъ**.

ТОРЖЕСТВО УКРАИНСКОЙ ПѢСНИ.

I.

Истекшій годъ ознаменовался не однимъ только праздникомъ украинской литературы, выразившемся въ постановкѣ памятника ея творцу и начинателю на мѣстѣ его жизни и дѣятельности; близкимъ по своему значенію къ этому событію является также и другое торжество, имѣвшее мѣсто въ самое послѣднее время,—торжество нашей пѣсни и музыки по случаю 35-лѣтняго юбилея славной дѣятельности Н. В. Лисенка. Украинская литература и народная пѣсня въ лицѣ своихъ представителей получили на двухъ упомянутыхъ торжествахъ полное признаніе со стороны общества и показали, съ одной стороны, свою глубокую жизненность, а съ другой—обнаружили также тѣсное единеніе и солидарность съ интересами того народа, изъ нѣдръ котораго онѣ вышли. Очевидно—«не бездарна та природа, не погибъ еще тотъ край», которые выдвигаютъ изъ своей среды такихъ дѣятелей, какъ И. П. Котляревскій и Н. В. Лисенко, и если первый является отцомъ украинской литературы, то второго по справедливости можно назвать отцомъ украинской музыки.

Юбилейныя торжества въ честь Н. В. Лисенка, подвести итогъ которымъ имѣетъ цѣлью настоящая замѣтка, распались на двѣ части. Въ то время, какъ центромъ ихъ самъ собою долженъ былъ сдѣлаться Кіевъ, въ которомъ протекла почти вся жизнь и

дѣятельность заслуженнаго юбиляра; въ то время, какъ въ Кіевѣ къ юбилею начали заблаговременно готовиться,—закордонная Украина (Галичина и Буковина) также пожелала принять самостоятельное участіе въ юбилейныхъ торжествахъ, чтобы хотя такимъ образомъ выразить глубокую признательность и благодарность своему любимому композитору, трудами котораго наши закордонные братья наравнѣ съ украинцами пользуются уже ровно 35 лѣтъ [1]). Возникла среди галицкихъ украинцевъ мысль пригласить Н. В—ча въ столицу Галицкой Украины Львовъ для торжественнаго празднованія юбилея. Юбиляръ отвѣтилъ согласіемъ, и спеціально основанный во Львовѣ для устройства юбилея комитетъ открылъ свою дѣятельность. Юбилейныя торжества въ закордонной Украинѣ состоялись 24 и 25 ноября (7 и 8 декабря н. ст.) во Львовѣ, а затѣмъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Галичины и Буковины.

Путь юбиляра за кордономъ, отъ момента вступленія его на территорію галицкой земли, былъ непрерывнымъ рядомъ самыхъ сердечныхъ овацій, искреннихъ привѣтствій и неподдѣльнаго восторга. Такъ встрѣчаютъ только дѣйствительно дорогого гостя. Уже въ Подволочискѣ, первой станціи въ Австріи, юбиляра встрѣтила депутація мѣстныхъ русиновъ съ букетами и привѣтственными рѣчами. Въ Тернополѣ, первомъ крупномъ центрѣ, лежащемъ на пути ко Львову, встрѣча приняла характеръ грандіозной народной демонстраціи: на вокзалѣ собралось уже нѣсколько сотъ человѣкъ, привѣтствовавшихъ съ нетерпѣніемъ ожидаемаго гостя пѣніемъ, рѣчами, букетами. Въ Красномъ юбиляра встрѣтила депутація отъ львовскихъ русиновъ, съ проф. Шухевичемъ во главѣ. Ко времени прибытія поѣзда къ львовскому вокзалу, здѣсь собралась многочисленная толпа, запрудившая перронъ; при выходѣ Н. В—ча изъ вагона головы обнажились и вслѣдъ за краткимъ привѣтствіемъ проф. Вахнянина раздались торжественные звуки много-

---

[1]) Въ первый разъ произведеніе Н. В—ча было исполнено во Львовѣ въ 1868 г. «на роковинах» Шевченка. Это была композиція на слова Шевченковскаго «Заповіта».

лѣтія въ честь прибывшаго юбиляра. Столица Галицкой Украины горячо привѣтствовала любимаго композитора. Номера львовскихъ украинскихъ газетъ въ этотъ день (22 ноября ст. ст.) были почти сплошь заняты статьями, посвященными юбиляру.

24 ноября въ 2 часа дня въ помѣщеніи львовской филармоніи состоялась такъ называемая академія, т. т., собственно чествованіе. Встрѣченный громомъ аплодисментовъ, юбиляръ взошелъ на эстраду въ сопровожденіи членовъ юбилейнаго комитета, а затѣмъ послѣдовалъ длинный рядъ депутацій съ адресами и привѣтственными рѣчами. Открылъ привѣтствія голова «Союза Боянів» [1]) извѣстный въ Галичинѣ композиторъ, проф. Вахнянинъ. Въ своей красивой рѣчи ораторъ указалъ на значеніе пѣсни въ жизни нашего народа вообще, яркими штрихами изложилъ исторію народной пѣсни и, переходя затѣмъ къ характеристикѣ заслугъ юбиляра, мѣтко назвалъ послѣдняго «Бояном нового времени». «Ты,—закончилъ ораторъ, обращаясь къ юбиляру,—полюбывъ сю писню, видчувъ іи красу, прыгорнувъ іи до теплои груды, выкохавъ іи, выплекавъ, вылеліявъ, прыбравъ у святочну одижъ, впровадывъ мижъ славянськи посестры и посадывъ высоко—на посади: заквитчану, омережану, прыстроену въ багате намысто, а таку щыру та сердечну, буйну та велетню, якою вона выйшла зъ грудей цилого народа. Въ тимъ твоя и лышетвоя заслуга, писенный нашъ Кобзарю, «Бояне нового времени». («Руслан», ч. 267). Рѣчь проф. Вахнянина какъ бы намѣтила въ общихъ чертахъ ту программу, которую въ частностяхъ подробнѣе развивали послѣдующіе адресы и привѣтствія, слѣдовавшія въ такомъ порядкѣ:

1) Своему почесному членови Миколі Лисенкови «Руська Бесіда» (адресъ и почетный дипломъ), 2) Славному українському музикови-композиторови Миколі Лисенкови в 35-літній ювилей його діятельности товариство „Просьвіта" у Львові, 3) Науково Товариство імени Шевченка, 4) Товариство „Народна Торговля" у Львові 5) Товариство руських ремісників «Зоря» у

[1]) Бояни́—пѣвческія и музыкальныя общества въ Галичинѣ, имѣющіеся почти въ каждомъ городѣ.

Львові (почетный дипломъ), 6) «Реміснича Бурса», 7) «Товариство для розвою руськоі штуки» у Львові (кромѣ адреса—художественной работы портретъ) 8) Товариство педагогичне у Львові 9) Союз співацьких і музичних товариств (Боянів) у Львові, 10) Високоповажаному Ювилятови Миколі Лисенкови в 35 роковини його композиторськоі творчости з Зеленоі Буковини, з над синього Прута щирий привіт і глибокий поклін (приняли участіе 27 „товариств“), 11) Русини-украінці з Бережанщини (8 товариств) 12) Перемиські товариства, 13) Читальня в селі „Золотому Потоці“ (депутатъ—крестьянскій мальчикъ), 14) Миколі Лисенкови Стрийщина (10 товариств) 15) Клюб Русинок, 16) Товариство «Труд,» 17) Товариство „Руська Захоронка“ у Львові, 18) Високодостойному Ювилятови Миколі Лисенкови в 35 роковини його праці на полі народноі музики—украінсько-руські товариства в Тернополі (10 товариств) 19) Товариство «Кружок украінських дівчат» у Львові, 20) Украінсько-руське драматичне товариство ім. Котляревського у Львові, 21) Украінсько-руські товариства з Самбора (5 товариств) 22) Духовна семинарія у Львові 23) Достойному Миколі Лисенкови в дні ювилейного свята привіт від русинів-украінців Ярославського повіту (114 подписей) 24) Дрогобицька филія „Просьвіти“, 25) Львівський «Боян», 26) Товариство техників „Основа“ (почетный дипломъ, кромѣ адреса съ 34 подписями). 27) Товариство касинове урядників „Дністра“. 28) „Академична Громада (украінська молодіж університетська) у Львові, 29) Русько-украінські товариства в Станиславові (13 товариств), 30) Коломийський Боян, 31) Русини-украінці з Комарни. 32) Филія товариства «Просьвіта» в Комарні, 33) Читальня «Просьвіти» в Комарні, 34) Боянови Руси-Украіни, Високоповажаному Миколі Лисенкови товариство „Руська Бесіда“ в Бучачі. 35) Від хору читальні в Скалі, 36) Русини-украінці з Заліщиків, 37) Филія „Просьвіти“ в Рудках, 38) Кобзареви Миколі Лисенкови, своему почесному членови Снятинський Боян несе привіт в день його ювилею (35 подписей). 39) Від учениць приватноі женськоі руськоі семинаріі у Львові, 40) Читальня «Просьвіти» в Кракові, 41) Товариство гимнастичне «Сокіл» у Львові, 42) Буковинський Боян—почесному членови. 43) Дівоча школа ви-

ділова ім. Шевченка у Львові, 44) Русько-українська громада в Празі, 45) Редакція „Руслана", 46) Редакція „Буковини".

Чтеніе перечисленныхъ адресовъ, продолжавшееся около двухъ часовъ, было непрерывнымъ тріумфомъ для юбиляра; каждый адресъ покрывался громомъ аплодисментовъ и шумными оваціями. Большинство адресовъ помѣщено въ папкахъ, изъ которыхъ многія представляютъ собою настоящія произведенія искусства по своей художественной отдѣлкѣ. Особенно, бросается въ глаза папка львовской «Руськоі Бесіди», составленная изъ тонкихъ деревянныхъ досокъ, украшенныхъ художественно исполненой рѣзьбой въ гуцульскомъ стилѣ; адресъ отъ города Стрыя заключенъ въ папку изъ полотна съ вышитыми узорами въ народномъ вкусѣ и т. п. Когда было окончено чтеніе адресовъ, юбиляръ въ краткой рѣчи благодарилъ за привѣтствія, служащія яркимъ доказательствомъ симпатіи закордонныхъ братьевъ къ украинскому народу и украинской пѣснѣ, и обѣщалъ всю свою дальнѣйшую жизнь посвятить на служеніе родному народу въ прежнемъ направленіи. Концертная часть «академіи» состояла изъ чтенія стихотворенія г. Лепкого «Миколі Лисенкови на спомин дня грудня 1903 р.», весьма умѣло продекламированнаго самимъ авторомъ, и пѣнія слѣдующихъ пьесъ: «За сонцем хмаронька пливе» (соединенный хоръ «Боянів» подъ управленіемъ о. Нижанковскаго), «На прю» (студенческій хоръ) и кантаты «Бьють пороги» (гимназическій хоръ).

Въ $7^1/_2$ часовъ вечера начался юбилейный концертъ; обширный залъ филярмоніи вторично былъ заполненъ публикой какъ мѣстной, такъ и пріѣзжей изъ разныхъ мѣстностей Галичины. Энтузіазмъ собравшихъ выражался безконечными аплодисментами и оваціями по адресу юбиляра, присутствовавшаго лично на концертѣ. Концертъ начался кантатой «На вичну память Котляревському», исполненной хоромъ, состоявшимъ изъ 250 пѣвцовъ подъ управленіемъ того же талантливаго диригента о. Нижанковскаго; затѣмъ слѣдовали какъ хоровые, такъ и сольные номера: «Ой бре море бре», «Ой, що жъ бо то за воронъ», «Ой летила горлыця» (мужской хоръ), дуэтъ изъ оперы «Риздвяна ничъ» (г. Лопатинська и г. Волошинъ), «Шумка-козакъ» (оркестръ) «Заповитъ»

(хоръ) «Дивчыно-рыбалонько», «Хиба тилькы рожамъ цвисты», «Ой пишла бъ я на музыкы (г. Лопатинська) и закончился ораторіей «Радуйся ныво неполытая». Но гвоздемъ концерта была несомнѣнно игра на фортепіано самого юбиляра,—энтузіазмъ публики достигъ въ это время высшей точки напряженія. Н. В—чъ исполнилъ свою 1-ю рапсодію и весь залъ, затаивъ дыханіе, внималъ роскошнымъ звукамъ этой чрезвычайно красивой пьесы. Но вотъ замеръ последній звукъ—и залъ пробудился, сбросилъ съ себя очарованіе: раздался громъ аплодисментовъ. Юбиляръ былъ буквально засыпанъ цвѣтами, дождь которыхъ падалъ изъ ложъ, изъ партера, со всѣхъ сторонъ. При нескончаемыхъ аплодисментахъ опять потянулся длинный рядъ депутацій съ вѣнками, образовавшими скоро цѣлую гору на эстрадѣ; на развѣвающихся сине-желтыхъ лентахъ вѣнковъ красовались надписи:

1) Мыколи Лисенкови—Русько-украинськи товарыства въ Станиславови, 2) М. Л—ви—Молодижъ украинсько-руськои гимназіи у Львови, 3) М. Л—ви—Товарыство «Просьвіта», 4) М. Л—ви—Дрогобыцьки русыны, 5) М. Л—ви—Драматычне товарыство ім. Котляревського, 6) Mikołajowi Lysence, natchnionemu piewcu ruskiemu Dyrekcya teatru miejskiego, 7) Батькови нашои музыкы—Тернопильськый Боянъ, 8) М. Л—ви—Руська Бесіда у Львови, 9) М. Л—ви—Союзъ Боянивъ у Львови, 10) Велыкому сынови Украины—Уряднықы товарыства «Днистеръ» у Львови, 11) М. Л—ви—Кружокъ украинськыхъ дивчатъ, 12) М. Л—ви—Львивськый Боянъ, 13) М. Л—ви—Реальна школа, 14) Творцеви «Риздвянои ночи—Дирекція театру, 15) М. Л—ви—Наукове Товарыство им. Шевченка, 16) М. Л—ви—Буковынськый Боянъ, 17) М. Л—ви—Клюбъ русынокъ у Львови, 18) М. Л—ви—Буковынськи украинкы, 19) М. Л—ви—Ученыци школы выдиловои им. Шевченка у Львови, 20) М. Л—ви—Ученыци жиночои руськои семинаріи у Львови, 21) М. Л—ви—Ученыци учительськои семинаріи въ Чернивцяхъ, 22) М. Л—ви—Руська школа въ Старій Мамаєвци, 23) М. Л—ви—Зъ Галыча, 24) М. Л—ви—Проф. Пулюй и його симья (срибный), и 25) М. Л—ви—Ювилейный комитетъ у Львови (срибный).

Но вотъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, аплодисменты вдругъ затихли; еще мгновеніе—и изъ устъ $2^1/_2$-тысячной толпы полились величественные звуки гимна; пѣлъ весь зрительный залъ, пѣла вся авдиторія, и уже нельзя было отличить пѣвцовъ, еще недавно стоявшихъ на эстрадѣ, отъ обыкновенной публики... И это былъ несомнѣнно наиболѣе величественный моментъ цѣлаго празднества, наиболѣе оригинальный номеръ всего концерта, тѣмъ болѣе поразительный, что онъ не былъ подготовленъ заранѣе, а вышелъ какъ то самъ собою, вырвавшись отъ полноты потрясеннаго сердца. Впечатлѣніе было настолько сильное, что у многихъ на глазахъ стояли слезы...

Такъ какъ залъ не могъ помѣстить всѣхъ желавшихъ присутствовать на юбилейномъ концертѣ, то онъ былъ повторенъ при полномъ театрѣ и по прежней программѣ на слѣдующій день. Нечего и говорить, что новая публика такъ же тепло и восторженно принимала юбиляра, какъ и публика предыдущаго вечера.

25 ноября вечеромъ въ залѣ «Народного Дома» состоялся спектакль: ученицами мѣстной «виділовоі школи [1]) імени Шевченка» весьма живо и въ общемъ очень удачно розыграна дѣтская опера юбиляра «Коза-дереза» при громадномъ стеченіи публики. Спектакль послужилъ новымъ поводомъ для нескончаемыхъ овацій по адресу композитора. Послѣ спектакля состоялся ужинъ, участники котораго въ рѣчахъ всесторонне выясняли какъ заслуги юбиляра, такъ и значеніе даннаго торжества для украинскаго народа...

На слѣдующій день Н. В—чъ отбылъ изъ Львова въ Черновцы, столицу Буковины, останавливаясь по дорогѣ въ Станиславовѣ и Коломыѣ. Вездѣ юбиляра встрѣчали толпы народа, крестьяне, общества «Січі» [2]), самымъ восторженнымъ образомъ вы-

---

[1]) «Виділові школи»—въ Галичинѣ, гдѣ нѣтъ женскихъ гимназій, занимаютъ среднее мѣсто между нашими двухклассными училищами и гимназіями.

[2]) «Січі», возникшія въ послѣднее время въ Галичинѣ по иниціативѣ доктора Трильовскаго, представляютъ собою крестьянскія общества, организованныя по образцу Запорожской Сѣчи и преслѣдующія самыя разнообразныя цѣли взаимопомощи.

ражая ему свое глубокое уваженіе и любовь. Во время этого оригинальнаго путешествія юбиляръ могъ убѣдиться въ томъ, что имя его и произведенія извѣстны здѣсь не только интеллигенціи, но и народу, представители котораго съ восторгомъ встрѣчали своего «кобзаря» и «бояна нового времени»... Остановки въ Станиславовѣ, Коломыѣ и Черновцахъ были отмѣчены тѣмъ же радушнымъ и сердечнымъ отношеніемъ къ юбиляру, какъ и пребываніе его во Львовѣ.

II.

Украинская народная пѣсня за все время существованія украинскаго театра всегда имѣла тѣсное соприкосновеніе съ послѣднимъ, служа украшеніемъ для пьесъ, вдохновляя авторовъ; съ другой стороны, и самъ юбиляръ принадлежитъ къ числу дѣятелей родного театра, будучи авторомъ многихъ популярныхъ оперъ и оперетъ. Вотъ почему, надо полагать, юбилейныя торжества въ честь Н. В. Лисенка въ Кіевѣ открылись 19 декабря постановкой въ театрѣ Бергонье украинской труппой г. г. Саксаганскаго и Садовскаго извѣстной оперетты юбиляра «Чорноморци». Послѣ спектакля была исполнена его же кантата «Бьють пороги», и вся труппа привѣтствовала юбиляра, поднеся ему серебряный вѣнокъ съ надписью: «Славному украінському кобзареві Миколі Лисенкові од Садовського, Саксаганського, Карого і всіеі іх украінськоі трупи артистів». Собравшаяся въ большомъ количествѣ публика громкими аплодисментами сопровожала это театральное чествованіе.

20 декабря въ залѣ Купеческаго Собранія состоялась центральная часть торжества, инициативу котораго взяло на себя Кіевское Литературно-Артистическое Общество. Къ 8 часамъ вечера залъ былъ буквально биткомъ набитъ публикой, среди которой было много пріѣзжихъ изъ разныхъ концовъ Украины. Общее вниманіе обращали на себя делегаты изъ Галичины и Буковины, среди которыхъ были даже крестьяне въ своихъ живописныхъ костюмахъ. Встрѣченный шумными аплодисментами и криками «слава», юбиляръ занялъ почетное мѣсто на эстрадѣ среди членовъ пра-

вленія Литературно-Артистическаго Общества; началось чтеніе адресовъ и привѣтствій. Первымъ привѣтствовало юбиляра Литературно-Артистическое Общество, въ лицѣ своего предсѣдателя г. Николаева, поднесши юбиляру изящно исполненный жетонъ, а за тѣмъ слѣдовало произнесеніе привѣтствій заграничными гостями [1]) и чтеніе многочисленныхъ адресовъ. Сдѣлаемъ перечень послѣднихъ:

1) Отъ Кіевскаго Литературно-Артистическаго Общества, 2) Отъ членовъ того же Общества—украинцевъ (на украинскомъ языкѣ), 3) Отъ Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца, 4) Мыколи Лисенкови, украиньски пысьменныкы зъ Кыива (на папкѣ эпиграфъ изъ Кулиша: «Покы прокынеться сонна краина, покы диждеться жывои весны—Ты намъ по хатахъ убогыхъ дзвоны»—23 подписи), 5) Мыколи Лисенкови, славному заступныкови народнои украинськои писни видъ Кыивського Общества Грамотности, 6) Высокоуважаемому Н. В. Лисенку Кіевское Общество содѣйствія начальному образованію, 7) Отъ Кіевскаго Отдѣленія Императорскаго русскаго музыкальнаго Общества, 8) Отъ музыкальной школы Н. А. Тутковскаго, 9) Отъ дирекціи Королевскаго Чешскаго земскаго и музыкальнаго театра (Прага), 10) Отъ артистовъ театра «Соловцовъ», 11) Славному Кобзареви М. В. Лисенкови видъ редакціи часопыси «Кіевская Старина», 12) Отъ редакціи журнала «Археологическая лѣтопись Южной Россіи», 13 и 14) Два адреса отъ почитателей поляковъ (на польскомъ языкѣ), 15) Славному Кобзареви М. В. Лисенкови одъ Кыивськыхъ товарышивъ-украинцивъ (16 подписей), 16) Видъ украинцивъ-Кыянъ, 17) Украинському Боянови одъ Кыивськыхъ украинокъ (поднесено роскошное изданіе «Кобзаря» и «рушныкъ», 18) Одъ выдавцивъ украинськыхъ кныжокъ (епиграфъ изъ Шевченка: «Наша дума, наша писня не вмре, не загыне»,—

---

[1]) Отъ имени „Союза Боянів" привѣтствовалъ юбиляра проф. Вахнянинъ, отъ Наукового Товариства імени Шевченка—проф. Студинскій, отъ товариства «Просьвіта»—депутатъ львовскаго сейма, докторъ Олесницкій, отъ галицко-украинской прессы—редакторъ газеты «Діло», докторъ Левицкій и отъ имени всѣхъ буковинцевъ—депутатъ вѣнскаго рейхсрата, г. Пигулякъ.

12 подписей), 19) Славному Кобзареви Мыколи Лисенкови одъ студентивъ университету Св. Володымира въ Кыиви (382 подписи), 20) Славному украинському композиторови Мыколи Лисенкови одъ студентивъ-политехникивъ у Кыиви (263 подписи), 21) Видъ Кыивськои малёвнычои школы (адресъ съ 15 подписями и альбомъ иллюстрацій къ народнымъ пѣснямъ), 22) Вельмышановному украинськомуБоянови одъ старого хору студентивъ университета Св. Володымира, 23) Видъ Нового Кыивського студентського хору, 24) Дорогому Кобзареви Украины видъ хора имени Лисенка (50 подписей), 25) Лисенкови, Бандурыстови Украины (200 под.), 26) Высокошановному Мыколи Лисенкови одъ учнивъ зъ Кіева, 27) Славному пѣвцу Украины и земляку Н. В. Лисенку Полтавская губернская земская Управа, 28) Высокоталантливому украинскому композитору отъ полтавскаго городского общественнаго управленія, 29) Славетному сынови Украины Миколи Лисенкови одъ щырого серця землякивъ Полтавы (40 подписей), 30) Щырому орачеви на ридній ныви М. В. Лисенкови одъ редакціи «Хуторянина», 31) М. В. Лисенкови полтавськи статистыкы (28 подписей), 32) Украинському Боянови Мыколи Лисенкови одъ Полтавського музыкально-драматычного товарыства (27 подписей), 33) Шановному батькови музыкы и спививъ Мыколи Лисенкови одъ полтавськыхъ робитныкивъ (73 подписи), 34) Видъ учнивъ полтавськои земськои ремиснычои школы, 35—36) Батькови украинськои музыкы—два адреса отъ учениковъ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній г. Полтавы. 37) Славному украинському музыци Мыколи Лисенкови одъ Черниговцивъ (77 подписей), 38) М. В. Лисенкови Черниговське украинське театральне товариство (25 подписей), 39) Славному украинському музыци Черниговськый музыкально-драматычный Кружокъ (20 подписей), 40) Дорогому М. В. Лисенкови одъ харькивцивъ (96 подписей), 41) Від землякивъ зъ Харькова (26 подписей), 42) Видъ украинськои харькивськои академичнои молодижи, 43) М. В. Лисенкови одъ товариства робитныкивъ-аматоривъ украинськои штукы пры харькивському народному доми (30 подписей), 44) Отъ профессоровъ харьковскаго университета (22 подписи), 45) Видъ одеськыхъ землякивъ (60 подписей), 46) Видъ петербургськыхъ землякивъ (79 подписей), 47) Видъ «Правленія благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» (адресъ и по-

становленіе объ избраніи юбиляра почетнымъ членомъ общества) 48) Видъ украинськои академичнои молодижи зъ Петербургу, 49) Видъ громады украйнськои академичнои молодижи въ Москви, 50—53) Славному Боянови М. В. Лисенкови украинци зъ Дерпту (4 адреса съ 83 подписями), 54—55) Вельмышановному М. В. Лисенкови зъ Камянця-Подольського (два адреса съ 61 подписью), 56) Землякы зъ Катерынослава, 57) Украинци зъ Катерынослава (10 подписей), 58) Видъ Чорноморськои громады (65 подписей), 59) Славному украинському Кобзареви М. В. Лисенкови одъ прыхыльныхъ студентивъ-украинцивъ у Новій Олександріи (эпиграфъ изъ Шевченка: «И забудеться срамотня давняя годына, и ожыве добра слава, слава Украины»...), 60) Землякы зъ Ставрополя-Кавказського (7 подписей), 61) Отъ хора изъ Ставрополя-Кавказскаго, 62) Отъ грузинъ почитателей, 63) Видъ землякивъ изъ Читы (7 подписей), 64) Украинського Бояна витають Черкасци (60 подписей), 65—66) Славному Кобзареви Украины видъ вдячныхъ роменцивъ (два адреса съ 97 подписями), 67) Видъ мыргородськыхъ дивчатъ, 68) Видъ землякивъ изъ Звягеля (31 подпись), 69) М. В. Лисенкови въ день 35-го юбилею його музыкальнои діяльносты видъ Уманськыхъ украинцивъ, 70) Высокошановному ювилятови М. В. Лисенкови одъ учнивъ агрономичнои школы. 71) М. В. Лисенкови одъ щыро-прыхыльныхъ Виннычанъ (51 подпись) 72) Видъ землякивъ изъ Севастополя, 73) Славному Кобзареви Мыколи Лисенкови одъ Барышпольцивъ (89 подписей), 74) Видъ селянъ зъ Ерешокъ кыивськои губерніи сквирського повиту (41 подпись), 75) Видъ шпычынецького (сильського) пивчого гурту (50 подписей), 76) Высокоповажаному Мыколи Лисенкови на день ювилею видъ селянъ м. Романивкы, 77) «М. В. Лисенкови одъ щырого серця хлиборобъ Мыхайло и дочка його Люба Качурыны прыносымо».—Кромѣ того два адреса: 78) Отъ кіевскаго городского общественнаго управленія и 79) Отъ золотоношскаго земства—были прочитаны 21 декабря въ городскомъ театрѣ во время представленія оперы «Риздвяна ничъ».

Помимо адресовъ, Литературно-Артистическимъ Обществомъ и лично юбиляромъ получена масса телеграммъ и привѣтствій, между прочимъ изъ Америки, Берлина, Лейпцига, Рагузы, отъ

г. г. Направника, Короленка, Лесевича, Шишманова (болгарскій министръ народнаго просвѣщенія), Горленка, Мышуги, Менцинскаго, Кропивницкаго и Заньковецкой, Ясевичъ-Бородаевской, проф. Куплевасскаго, Книттеля (директора пражской консерваторіи), Лубковской, Прибика (капельмейстеръ одесскаго городского театра), отъ Болгарскаго Музыкальнаго Общества (за подписью проф. Златарскаго), отъ Дирецкіи Петербургскаго отдѣленія Императорскаго русскаго музык. Общества (за подписью г. Кюи), отъ Дирекціи Харьковскаго отдѣленія того же Общества, отъ артистовъ, хора и оркестра Варшавской оперы, отъ Московской Музыкально-этнографической Комиссіи (за подписью г. Янчука), отъ ректора Кіевскаго университета, проф. Бобрецкаго, отъ ректора Новороссійскаго университета, отъ редакцій многихъ газетъ, отъ земскихъ и городскихъ управъ, отъ ученыхъ обществъ и друг.,—всѣхъ телеграммъ было получено около 200.

Конечно, такая масса привѣтствій не могла быть выслушана въ теченіе одного вечера, поэтому большую часть ихъ пришлось. къ сожалѣнію, оставить непрочтенными; даже не всѣ делегаты, которые лично присутствовали на торжествѣ, успѣли произнести свои привѣтствія (къ такимъ принадлежатъ, между прочимъ, адресы отъ грузинъ, отъ нѣкоторыхъ крестьянскихъ обществъ и мн. др.). Содержаніе всѣхъ привѣтствій можно резюмировать въ общемъ слѣдующими словами одного изъ крестьянскихъ адресовъ: «Дякуємо Вамъ за Вашу працю невпынну; за те, що насъ, простыхъ людей, не цураетесь, мовы нашои риднои безталанноi не забуваете, що нашу писню-тугу про наши крывды та недолю Вы на папери спысалы та на всесвитній судъ выставылы».—Кстати, этой простой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко-вѣрной оцѣнкѣ вполнѣ соотвѣтствовали и тѣ вѣнки, которые принесены были крестьянами для возвеличенія своего національнаго композитора: два громадныхъ, безыскусственныхъ, но именно своею безыскусственностью и производящихъ особенное впечатлѣніе вѣнка изъ колосьевъ и полевыхъ цвѣтовъ отъ «меншаго брата» рѣзко выдѣлялись въ массѣ серебряныхъ. Всѣхъ вѣнковъ было поднесено 10; приводимъ надписи на нихъ:

1) Славному украинському Кобзареви Мыколи Лисенкови одъ Садовського, Саксаганського, Карого и всіеи ихъ украинськои трупы артыстивъ, 2) Отъ артистовъ театра «Соловцовъ», 3) Отъ кіевскаго городского театра, 4) Отъ фортепіанной фирмы Керитопфъ 5) Славному украинському музыци-Бояну складаемо довичну подяку и шану. Заньковецька, Кропывныцькый, Волыкъ, трупа и оркестръ, 6) Дорогому кобзареви Украины слава. Видъ хора його имени. 7—8) Два вѣнка изъ колосьевъ и полевыхъ цвѣтовъ отъ крестьянъ изъ Барышполя и Романовки, 9) Отъ общества русскихъ драматурговъ, писателей и оперныхъ композиторовъ, и 10) Высокоповажаному Мыколи Лисенкови, славному Кобзареви Украины—Кыивська Народна Авдиторія (поднесенъ на юбилейномъ концертѣ въ народной аудиторіи).

Чтеніе привѣтствій затянулось почти до 12 часовъ, послѣ чего началась концертная часть. Первымъ въ этомъ отдѣленіи выступилъ знаменитый крестьянскій хоръ изъ с. Охматова подъ управленіемъ доктора Демуцкаго и сразу же овладѣлъ слушателями, исполнивъ въ чисто-народномъ духѣ много пѣсенъ разнообразнаго содержанія; затѣмъ кобзарь Терешко Пархоменко пропѣлъ подъ аккомпаниментъ бандуры «думу про Морозенка», «Чечитку» и др. Закончился вечеръ двумя хоровыми номерами подъ управленіемъ г.г. Яциневича и Стеценка; хоръ послѣдняго исполнилъ написанную г. Стеценкомъ кантату, посвященную Н. В. Лисенку. Концертное отдѣленіе, за исключеніемъ послѣдняго номера, имѣло цѣлью иллюстрировать дѣятельность юбиляра съ этнографической стороны.

Характеристикѣ Н. В. Лисенка, какъ оригинальнаго композитора, былъ посвященъ другой концертъ, состоявшійся 21 декабря въ городскомъ театрѣ. Въ качествѣ исполнителей здѣсь выступили уже оперные пѣвцы и хоръ; исполнителямъ соотвѣтствовала и программа. Концертное утро открылось кантатой въ честь юбиляра, написанный на слова г. Старицкаго г. Горѣловымъ, далѣе слѣдовали: интродукція къ оперѣ «Остання ничъ» (оркестръ) «Доля» (г. Каміонскій), хоръ изъ оперы «Сапфо», квинтетъ изъ оперы «Тарасъ Бульба» (г-жи Бѣлевичъ и Ковелькова, г.г. Зи-

новьевъ, Дракули и Каміонскій), гимнъ Геліосу и Венерѣ изъ оперы «Сапфо» (хоръ), дуэтъ изъ оперы «Тарасъ Бульба» (г-жа Шульгина и г. Секаръ-Рожанскій), «Ой люли люли, моя дытыно», «Лугомъ иду» (г. Дейша-Сіоницкая), соло на скрипкѣ (г. Шутманъ) и кантата «Бьють пороги», которой и закончился концертъ.

Вечеромъ 21 декабря въ томъ же городскомъ театрѣ состоялся юбилейный спектакль; шла въ первый разъ въ Кіевѣ послѣ долгаго перерыва опера Н. В—ча «Різдвяна ніч», такъ гармонирующая своимъ содержаніемъ и господствующими въ ней мелодіями колядокъ съ приближающимися рождественскими праздниками. Успѣхъ оперы среди публики, заполнившей театръ, былъ несомнѣнный. Юбиляра-композитора слушатели и здѣсь привѣтствовали такъ же восторженно, какъ и на концертахъ, часто прерывали исполненіе аплодисментами и заставляли повторять отдѣльные номера. Судя по первому пріему, сдѣланному публикой возобновленной оперѣ, можно думать, что она займетъ прочное мѣсто въ репертуарѣ кіевскаго городского театра; по крайней мѣрѣ въ теченіе праздниковъ опера шла еще четыре раза и каждый разъ при полномъ театрѣ.

Послѣ спектакля почитателями юбиляра былъ устроенъ ужинъ, затянувшійся почти до утра. Участники ужина, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, въ своихъ рѣчахъ дѣлились впечатлѣніями пережитаго.

С. Ефремовъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Просьба подполковника Пугачевскаго о перемѣнѣ его фамиліи. Проживавшій въ Черниговѣ отставной подполковникъ С. Н. Пугачевскій обратился въ 1810 г. съ просьбой за себя и двухъ братьевъ къ кн. Лобанову-Ростовскому, второму малороссійскому губернатору, о перемѣнѣ своей фамиліи «по близкому подобію фамиліи ихъ съ названіемъ бывшаго измѣнника Пугачева». При этомъ онъ просилъ разрѣшить ему носить фамилію Леонтовичъ, каковую носила ихъ мать до замужества. Императоръ Александръ I не счелъ возможнымъ согласиться на такую замѣну, въ виду того, что Леонтовичи—извѣстный дворянскій родъ, а потому и повелѣлъ герольдіи назначить Пугачевскому какую-либо иную, новую, «никакому дворянскому роду не присвоенную фамилію», и, составивъ гербъ, представить на Высочайшее усмотрѣніе. И вотъ начинается переписка и выборъ фамиліи.

Пугачевскій очень обрадовался согласію императора на перемѣну фамиліи. «Я не могу, писалъ онъ кн. Лобанову-Ростовскому, никакими словами изъяснить благодарности за милостивое вашего сіятельства исходатайствованіе высокаго манаршаго благоволенія о перемѣнѣ нынѣшней фамиліи. Покудова жизнь моя продолжится, я и всѣ тѣ, кои будутъ носить новую фамилію, конечно, будутъ всегда чувствовать и ощущать непрестанную живѣйшую благодарность и воспоминаніе къ драгоцѣнному имени вашего сіятельства, столь много облаготворившему родъ». Далѣе Пугачевскій проситъ ходатайства о перемѣнѣ фамиліи на Александрова. «Я искалъ, пишетъ онъ князю въ сентябрѣ 1810 г., имени, которое было бы наипріятнѣйшее для составленія фамиліи, не присвоенной никакому дворянскому роду, по-

желалъ бы, сіятельнѣйшій князь, къ воспоминаніямъ имени всемилостивѣйшаго Государя, какъ даръ его всещедрой руки, имѣть фамилію Александровъ». Но князь на это не согласился. «Желанію вашему,—писалъ онъ,—присвоить фамилію Александровъ споспѣшествовать не могу, ибо таковая существуетъ, а герольдія не приняла и перваго назначенія»; съ своей стороны князь предложилъ подполковнику сократить свою фамилію, отбросивъ первыя двѣ буквы, и именоваться «Гачевскій». Но это Пугачевскому не понравилось. «И такъ, сіятельнѣйшій князь,—писалъ онъ,—остается избирать фамилію безъ всякаго предмету хотя бы однакожъ таковую, чтобы другіе не могли сказать, что я столь драгоцѣннымъ случаемъ, особеннымъ благоволеніемъ монаршимъ, худо воспользовался. Желаю, сіятельнѣйшій князь, принять фамилію Леонидовъ,—кажется, оной въ Россіи нѣтъ, ибо другая извѣстна подъ званіемъ Леванидовъ». Князь, получивъ это письмо, самъ ужъ предложилъ ему фамилію Измаильскаго, въ виду того, что подполковникъ Пугачевскій принималъ участіе въ штурмѣ Измаила, гдѣ былъ и раненъ. Подполковникъ остался очень доволенъ этой фамиліей. «Принимаю ее съ величайшею благодарностью,—писалъ онъ,—тѣмъ болѣе буду сею фамиліею доволенъ, что выборъ оной происходитъ отъ благодѣтельной руки вашего сіятельства и того участія, которое вы, милостивый государь, въ семъ дѣлѣ столь великодушно пріемлете». На этомъ письмѣ оканчивается это дѣло, и неизвѣстно, была ли удовлетворена просьба подполковника Пугачевскаго. Можно предположить, что переименованіе состоялось, такъ какъ таковой фамиліи въ то время, по крайней мѣрѣ, среди знаменитыхъ родовъ, не было. (Арх. полт. губ. правленія по описи № 408).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Современная переписка о землетрясеніи въ Малороссіи 14 окт. 1802 г. I. *Письмо графа К. Г. Разумовскаго князю А. Б. Куракину.* Вчерашняго дня, по полудни въ часъ и тридцать пять минутъ, чувствовано было здѣсь при совершенно ясномъ небѣ и тихой погодѣ землетрясеніе, продолжавшееся съ минуту и довольно ощутительнымъ показавшееся всѣмъ сидѣвшимъ или лежавшимъ, наипаче же находившимся въ верхнихъ этажахъ, гдѣ всѣ безъ изъятія, даже и работою занимавшіеся люди его чувствовали, такъ что въ превеликомъ страхѣ повыбѣгали вонъ. Я сообщаю о семъ вашему сіятельству, какъ о весьма въ здѣшнемъ краѣ рѣдкомъ и не малаго вниманія заслу-

живающемъ происшествіи, не зная, было ли оно въ томъ мѣстѣ, гдѣ вы пребываніе свое имѣть изволите, и подъ какими обстоятельствами было оно тамъ чувствовано. Честь имѣю быть съ отличнымъ къ вамъ почитаніемъ, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорный слуга графъ Разумовскій.

Октября 15, 1802 г. Батуринъ.

—

II. *Отвѣтъ кн. А. Б. Куракина.* Милостивый государь графъ Кириллъ Григорьевичъ! Съ чувствомъ полнѣйшей признательности получилъ почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства отъ 15 октября сего мѣсяца. Поставляю долгомъ во взаимности вашему сіятельству донесть, что не только здѣсь, но и во всѣхъ окрестностяхъ, сколько понынѣ не получаю я свѣдѣній, 14 текущаго мѣсяца въ одномъ и томъ же часу всюду было чувствуемо землетрясеніе, но благодаря Провидѣнію, оно не влекло за собой никакихъ пагубныхъ послѣдствій. Пользуясь симъ случаемъ, дозвольте мнѣ, милостивый государь, возобновить въ памяти вашего сіятельства, что всѣ опыты вашего ко мнѣ благорасположенія наполняютъ душу мою чувствованіемъ живѣйшей благодарности и непоколебимаго чистосердечнаго прилепленія, и ничто столь много меня не утѣшитъ, какъ удостовѣреніе о вашемъ здоровьѣ; я надѣюсь воспользоваться первою возможностью узнать сіе лично, представить вамъ мою жену и дѣтей, пріѣхавшихъ нынѣ ко мнѣ, и симъ показать новый опытъ, что особеннѣйшею вмѣняю себѣ честью съ всесовершеннымъ высокопочитаніемъ на всегда быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорн. слугою кн. Куракинъ.

Полтава. 1802 года.

—

III. *Донесеніе Пирятинскаго нижняго земскаго суда князю Куракину.* Вашему сіятельству Пирятинскій нижній земскій судъ рапортуетъ, что въ истекшей первой половинѣ сего мѣсяца октября во всемъ Пирятинскомъ повѣтѣ состояло благополучно, спокойно и никакихъ важныхъ произшествій и удивительныхъ въ натурѣ дѣйствій, равно и пожарей, не случилось и на пребываніи военныхъ дезертировъ и другихъ сомнительныхъ и безпаспортныхъ ни у кого не оказалось, кромѣ продолжавшагося сего октября 14 числа во второмъ часу сполдня черезъ три минуты землетрясенія. Засѣдатель Степанъ Ященко. Октября 16 д. 1802 года. (Арх. полт. губ. правленія по описи № 148).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Два письма гр. Румянцева-Задунайскаго къ кіевскому оберъ-коменданту Я. В. Ельчанинову [1]. 1) *Отъ 24 генваря 1776 г. изъ Каинарджи.* Милостивый государь мой Яковъ Васильевичъ! Домъ, въ которомъ живетъ теперъ Федоръ Матвѣевичъ, я оставляю въ полное его распоряженіе и ни малѣйше не помышляю тревожить спокойство сего смирнаго моего друга и заслуженова человѣка; а вмѣсто оного хотѣлъ бы я знать о выгодахъ тамошняго двора и можно ли мнѣ въ ономъ помѣститься, чего для покорнѣйше васъ прошу прислать ко мнѣ на встрѣчу оному планъ, показавъ особливо въ примѣчаніи, буде есть комнаты такія, кои требуютъ починки, либо что попорченное и изломанное или въ чемъ видимъ недостатокъ въ оныхъ. Я льщу (себя) удовольствіемъ вскорости увидѣть моего любезнаго друга, къ которому преисполненъ я усердія и преданности. Имѣю честь быть в. п—ва покорнѣйшимъ слугою.

—

2) *Отъ 12-го февраля того же года изъ Глухова.* Изъ пріятнѣйшаго письма вашего вижу бл...-ное и обыкновенное вамъ для всѣхъ гостепріимство и для меня оказанное. Я не хотѣлъ бы лучше какъ съ вами и въ домѣ вашемъ жить, зная всѣ въ ономъ для меня выгоды, ежели бы, съ другой стороны, не приносилъ неминуемаго со мною по настоящей моей тамо за дѣломъ бытности безпокойства, коего я ни въ какомъ случаѣ вамъ сдѣлать не желаю, то по сей причинѣ, да и по сносной уже стужѣ, хотѣлось бы стать въ тамошнемъ дворцѣ, гдѣ надобное только необходимо число покоевъ приказать поправить и почистить прошу. Посылая съ симъ архитектора г. Квасова, есмь съ совершеннымъ усердіемъ в. п—ва покорнѣйшимъ слугою.

Изъ архивовъ юго-западнаго края. *Лѣченіе укушенныхъ бѣшенными животными (способъ Кабанца).* 4 апрѣля 1855 года инспекторъ ревизіонной кавалеріи генералъ-отъ-кавалеріи графъ Никитинъ сообщилъ исправляющему должность подольскаго и волынскаго

---

[1]) Указомъ пр. сената отъ 2-го декабря 1775 г. кіевскій генералъ-губернаторъ Фед. Матв. Воейковъ былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ, а до пріѣзда гр. Румянцева дѣла по управленію губерніей поручены были Я. И. Ельчанинову, который и правилъ этими дѣлами до самой своей смерти 10-го февраля 1781 г.

генералъ-губернатора и кіевскаго военнаго губернатора князю Васильчикову, что въ госпиталяхъ округовъ военнаго поселенія кавалеріи введенъ способъ лѣченія людей отъ укушенія бѣшенными животными, изобрѣтенный крестьяниномъ Кабанцомъ; всѣ желающіе будутъ пользованы безвозмездно.

Получая приведенное увѣдомленіе и описаніе самаго способа лѣченія, князь Васильчиковъ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ за указаніями.

Въ іюнѣ генералъ-адъютантъ Бибиковъ увѣдомилъ генералъ-губернатора о томъ, что способъ лѣченія былъ уже на разсмотрѣніи медицинскаго совѣта въ декабрѣ 1854 г. и можетъ быть распубликованъ.

Описаніе способа Кабанца: 1) Внутреннее лѣченіе. Укушенному бѣшеннымъ волкомъ или собакою человѣку Кабанецъ даетъ внутрь: сперва порошокъ корня *бѣлаго шильника* съ квасомъ, въ слѣдующей пропорціи—порошка берется 3 раза столько, сколько помѣстится на концѣ обыкновеннаго остроконечнаго столоваго ножа; эти 3 доли всыпаются въ трехунцевый стаканъ, налитый обыкновеннымъ хлѣбнымъ квасомъ, размѣшиваются, и такую смѣсь укушенный выпиваетъ разомъ. Послѣ этого пріема тотчасъ дается больному такое же количество порошка изъ корня *желтаго шильника* съ квасомъ. Послѣдній пріемъ производитъ у больныхъ сильную рвоту, а иногда и поносъ. Когда укушенный успокоится послѣ рвоты, что обыкновенно бываетъ по прошествіи полу или трехъ-четвертей часа, тогда ему дается внутрь съ квасомъ, въ такой же пропорціи, порошокъ корня травы *сухозолотицы*. 2) Наружное лѣченіе. Укушенное, или только оцарапанное бѣшенною собакою мѣсто сперва натирается плотно огнестрѣльнымъ порохомъ, стертымъ въ мелкій порошокъ, потомъ, въ тотъ же часъ, на укушенное мѣсто насыпается обыкновенный зернистый порохъ, который должно посредствомъ фитиля, натертаго пороховою мякотью, воспламенить для необходимаго прижиганія укушенной раны.

Далѣе, если будутъ замѣчены подъ языкомъ укушеннаго бѣшенною собакою такъ называемые бѣлые червячки, а правильнѣе бѣленькіе, едва видимые простымъ глазомъ пузырьки, то берется полувлажная суконка, напитывается съ одной стороны мелко истертымъ огнестрѣльнымъ порохомъ, вытирается ею вся подъязычная полость до истребленія пузырьковъ. Вытираніе порохомъ подъ языкомъ дѣ-

лается только одинъ разъ. (Подлинное подписалъ штабъ-докторъ 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса статскій совѣтникъ Соколовъ).

21 іюня 1855 года о способѣ Кабанца генералъ-губернаторомъ сообщено господамъ губернаторамъ юго-западнаго края.

Сообщ. **А. Мёрдеръ.**

Музей И. П. Котляревскаго. Въ недавнее время, подъ впечатлѣніемъ торжествъ по поводу открытія памятника И. П. Котляревскому, харьковское историко-филологическое общество пришло къ мысли учредить при своемъ этнографическомъ музеѣ особый отдѣлъ, посвященный памяти родоначальника новой украинской литературы. Въ этотъ отдѣлъ, который впослѣдствіи можетъ быть преобразованъ въ самостоятельный музей, должно войти рѣшительно все, что такъ или иначе связано съ именемъ и памятью знаменитаго писателя, какъ-то: а) подлинныя рукописи Котляревскаго и принадлежавшіе ему предметы; б) его портреты; в) изданія его сочиненій; г) различные рисунки, относящіяся къ его біографіи; д) иллюстраціи къ его произведеніямъ; е) матеріалы для его біографіи, а равно печатныя статьи и изслѣдованія, касающіяся его жизни и дѣятельности; ж) рисунки, изданія и прочіе предметы, относящіеся къ торжествамъ въ честь его, и т. под. Въ настоящее время отдѣлъ музея имени Котляревскаго открытъ, но пополняется онъ слабо, такъ какъ у ученаго общества нѣтъ средствъ для покупки предметовъ и оно вынуждено разсчитывать, главнымъ образомъ, на пожертвованія со стороны почитателей поэта.

Отъ души привѣтствуя прекрасное начинаніе харьковскаго историко-фил. общества, мы, съ своей стороны, обращаемся къ нашимъ читателямъ съ просьбою оказать ему содѣйствіе присылкою предметовъ, могущихъ войти въ составъ музея, посвященнаго національному генію. Посылки могутъ быть адресованы: въ Харьковъ, въ историко-филологич. общество при университетѣ.

Письмо въ редакцію. Многоуважаемый Господинъ Редакторъ! Въ виду исторической точности, усердно прошу Васъ помѣстить въ журналѣ «Кіевской Старины» нижеслѣдующія строки.

Въ № 45 текущаго года газеты «Областное обозрѣніе и Вѣстникъ казачьихъ войскъ», издаваемой въ Петербургѣ, помѣщена, за

подписью Г. И. Дмитренка, небольшая статья, посвященная памяти последняго кошевого атамана Запорожской Сѣчи, П. И. Кальнишевскаго. Въ этой небольшой статьѣ допущено нѣсколько неточностей, которыя не должны быть оставлены безъ вниманія

Прежде всего въ ней говорится о томъ, будто бы Кальнишевскій былъ выбранъ въ кошевые атаманы 1 января 1765 года.

Это невѣрно: Кальнишевскій выступилъ въ роли кошевого атамана уже съ половины 1762 года, о чемъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующая надпись, сдѣланная на евангеліи, принесенномъ имъ самимъ въ даръ Свято-Троицкой церкви с. Пустовойтовки, теперешней полтавской губерніи, роменскаго уѣзда, откуда онъ происходилъ родомъ.

«Сія книга евангеліе въ церковь свято Троицкую. села Пустовойтовки издѣлано стараніемъ и коштомъ войска запорожскаго Низового войскового Судьи нынѣ уже Кошевого Атамана Петра Івановича Калнишевского за здравіе его и за упокой умершаго Іvана Агафіи Зиновіи еже въ живыхъ Андрея, Параскавеи, Симеона, Андрея и Іосифа еще въ живыхъ пребывающаго, оному жъ Евангелію цена пятъ сотъ рублей подписана в сѣчѣ запорожской 1762 году іюля 3 дня".

Повидимому эта надпись сдѣлана была, какъ дополненіе, нѣсколько позднѣе двухъ надписей, вырѣзанныхъ раньше,—одной на верхней серебряной доскѣ, другой—на внутреннемъ борту нижней, также сесеребряной доски.

«Сія книга евангеліе издѣлано коштомъ войска запорожского низового судіи войскового Петра Ивановіча Калнишевского. В церковъ святотроицкую села Пустовоітовки 1762 году цена жъ оному пять сотъ рублей».

Затѣмъ и неполно и неточно передана у г. Дмитренка надпись, сдѣланная на нагдробной плитѣ Кальнишевскаго, лежащей надъ его прахомъ въ Соловецкой обители, возлѣ алтарной части собора.

Вотъ какъ передаетъ ее г. Дмитренко:

«Господь нашъ Іисусъ Христосъ положилъ душу свою на крестѣ за всѣхъ насъ, не хочетъ смерти грѣшника. Здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго кошевого бывшей когда-то (?) Запорожской грозной Сичи (?) казаковъ атамана Калнышевскаго, сосланнаго въ сію обитель по Высочайшему повелѣнію 1776 года на смиреніе. Онъ въ 1801 году по Высочайшему новѣленію снова былъ освобожденъ, но уже самъ не пожелалъ оставить обитель, въ коей обрелъ душевное спокойствіе смиреннаго христіанина, искренно познавшаго свои вины.

Скончался 1803 года октября 23 дня (?), въ субботу, 112 лѣтъ отъ роду, смертію благочестивою доброю».

Въ 1887 году я посѣтилъ Соловецкій монастырь, довольно долго работалъ въ мѣстномъ архивѣ, видѣлъ могилу Кальнишевскаго, скопировалъ и сфотографировалъ надпись, сдѣланную на его надгробной плитѣ, нашелъ нѣсколько документовъ, проливавшихъ свѣтъ на положеніе страдальца въ мрачной тюрьмѣ, и все это своевременно напечаталъ въ трехъ моихъ трудахъ: „Запорожье въ остаткахъ старины", „Матеріалы для запорожскихъ козаковъ», „По слѣдамъ запорожцевъ".

Вотъ что у меня было напечатано и вотъ что у меня имѣется теперь на фотографическомъ снимкѣ:

„Господь нашъ Іисусъ Христосъ положилъ душу свою на крестѣ за всѣхъ насъ не хочетъ смерти грѣшника. Здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго Кошевого бывшей некогда запорожской грозной Сѣчи козаковъ атамана Петра Кольнышевскаго, сосланнаго въ сію обитель по Высочайшему повелѣнію въ 1776 году на смиреніе. Онъ въ 1801 году по Высочайшему повелѣвію снова былъ освобожденъ, но уже самъ не пожелалъ оставить обитель въ коей обрѣлъ душевное спокойствіе смиреннаго христіанина искренно познавшаго свои вины. Скончался 1803 года октября 31 дня въ Суб. 112 лѣтъ отъ роду, смертію благочестивою доброю. Блаженни мертвіи умирающіи о Господѣ: Аминь 1856 (Адамова голова) А. А.".

Какъ видимъ, кромѣ недостающаго конца и нѣкоторыхъ мелкихъ неточностей, у г. Дмитренка допущена ошибка въ днѣ кончины Калнишевскаго: онъ заставляетъ умирать его не 31 октября, а 23-го.

Въ свое время я также хлопоталъ у наслѣдниковъ и издателей „Крестнаго календаря" А. А. Гатцука занести въ дни кончины замѣчательныхъ людей на 31 октября и фамилію послѣдняго кошевого атамана П. И. Кальнишевскаго, и издатели исполнили мою просьбу.

Также точно невѣрно передана у г. Дмитренка и надпись на томъ замѣчательномъ евангеліи, которое было сооружено Кальнишевскимъ въ обитель св. Преображенія и преподобныхъ Зосима и Савватія (сравни у г. Дмитренка и въ названныхъ моихъ сочиненіяхъ).

Въ 10 № „Кіевской Старины" также была напечатана статья г. Г. Б. „Ко дню столѣтней кончины П. Кальнишевскаго".

Перечитывая эту статью, я въ ней также не нашелъ ни полноты, ни точности относительно надписи на плитѣ Кальнишевскаго и оставленныхъ имъ вещей Соловецкой области. Такъ, надгробная над-

пись почему-то у г. Г. Б. приведена не сполна,—безъ трехъ начальныхъ строкъ, хотя день смерти Кальнишевскаго указанъ точно, 31 октября; надпись на евангеліи также не полна и не совсѣмъ точна (сравни „По слѣдамъ запорожцевъ“, стр. 186, и статья Г. Б., стр. 207).

О запрестольномъ четырехъ-конечномъ крестѣ, пожертвованномъ Кальнишевскимъ въ обитель, г. Б. не говоритъ вовсе, а между тѣмъ на немъ имѣется слѣдующая надпись:

«Сей крестъ сдѣланъ вкладомъ Петромъ Ивановымъ Кошевымъ 1794 года, вѣсъ тринадцать фунтовъ (48) сорокъ восемъ золотыхъ», т. е. золотниковъ.

О тѣхъ архивныхъ документахъ, которые находятся въ Соловецкомъ монастырѣ и которые касаются личности Кальнишевскаго, г. Г. Б. также умалчиваетъ, хотя онъ и посѣтилъ лично Соловецкую обитель въ настоящемъ году.

Д. И. Эварницкій.

Будаковка, миргородскаго уѣзда.

Колядки. Предлагаемыя колядки, записанныя въ Подольщинѣ, принадлежатъ къ группѣ колядокъ самыхъ древнихъ, касающихся мотивовъ любовно-бытовыхъ, еще не связанныхъ даже съ полународною легендою рождественскою, а имѣющихъ, быть можетъ, древне-миѳологическую основу. Образцы колядокъ этого типа были помѣщены на страницахъ нашего журнала, но предлагаемые номера всё же представляютъ интересъ, какъ любопытные варіанты. Особенно интересенъ конецъ 3-ей колядки; мотивъ обѣщанія соколомъ награды молодцу за пощаду жизни не новъ, (хотя все-же довольно рѣдокъ),—но намъ не приходилось встрѣчать его съ такими поэтическими метафорами, какъ упоминаемыя въ этой подольской колядкѣ:—душистыя «гатки зеленои мяткы», звонъ «палей въ быти таляры» и т. д...

Къ сожалѣнію, колядки записаны, какъ намъ кажется, не совсѣмъ точно, по отношенію къ размѣру стиховъ, едва-ли могущихъ въ такомъ видѣ, какъ они написаны, уложиться въ опредѣленный музыкальный мотивъ; вѣроятно, въ пѣніи эти строки получали одинаковую музыкальную стройность посредствомъ повторенія полустиха, или прибавки частицъ «ой», «та» и другихъ, обыкновенно употребляемыхъ въ этомъ случаѣ при самомъ пѣніи. (Поэтому такъ полезно бываетъ записанную, иногда со *словъ*, пѣсню—снова провѣрить *по пѣнію*,

чтобы сгладить невольную неточность записи, выправить её соотвѣтственно исполненію въ пѣніи).—Въ помѣщаемыхъ колядкахъ замѣчаются также искаженія самыхъ словъ (б. м. явившіяся и не по винѣ записывавшаго): такъ, наприм., слово *гришная* панна (въ 3-ей строкѣ 1-й колядки) стоитъ, вѣроятно, вмѣсто *гречная* панна,—старое слово, особенно присущее правобережному говору и представляющее довольно обычный эпитетъ старыхъ веснянокъ и колядокъ («гречная панна», «гречный молодець»). Такимъ же искаженіемъ кажется намъ и выраженіе *«терновый* винокъ» (въ концѣ 2-й колядки): обыкновенно употребляется въ старыхъ колядкахъ эпитетъ: *«перловый* винокъ», (или *«павовый* винокъ», но не терновый).

Во всякомъ случаѣ, всѣ три подольскія колядки прядставляютъ большой интересъ по своему содержанію—колядокъ древнихъ, записи которыхъ особенно желательны, какъ типовъ въ настоящее всемя уже рѣдкихъ, вытѣсняемыхъ колядками послѣдующихъ типовъ,—«божественными»...

Ред.

№ 1.

Ой въ чыстимъ поли по край дорогы
Стоить коршомка мурованая,
А въ тій коршомци гришная *(гречная)* панна,
Шынкуе вона трома шынкамы:
(Що) Першымъ шынкомъ—солодкымъ медкомъ,
А другымъ шынкомъ—пывомъ, та выномъ.
Прыйшлы до неи тры товарыши;
Ой пылы, пылы та не платылы,
А вона у ныхъ заставы взяла:
(Въ) Першого взяла вороного коня,
(Въ) У другого взяла ясну шабельку,
(Въ) У третёго взяла золотый перстеныкъ;
Вороного коня батеньку дала,
Ясну шабельку братику дала,
Золотый перстень сама сходыла.
За цимъ-же словомъ бувай-же здорова...

№ 2.

А въ субботу та пораненьку
Рано встала [1]), косу чесала;

[1]) Должно быть имя дѣвушки (напр. „Ганнуся встала косу чесала“).

Прыйшлы до неи подругы іи:
— Кыдай, *(Ганнусю?)* косу чесаты
Та иды зъ намы колядуваты.
— Подругы мои, нико́лы мени;
Бо мій братикъ *(братичокъ)* зъ войны прыйихавъ,
Прывизъ *(винъ)* мени тры подарочкы:
Першый подарокъ—золотый перстень,
Другый подарокъ—терновый *(перловый)* винокъ,
Третій подарокъ зеленая шуба.
Золотый перстень на руци сяе,
Терновый винокъ голову стеле,
Зеленая шуба слидъ замитае.

№ 3.

Надъ дворомъ, дворомъ,
Надъ сынимъ моремъ,
Стоить дерево тонке, высоке, (2?)
Лыстомъ шыроке.
Лыстомъ шыроке, верхомъ кучеряве,
А на тыхъ кучерахъ соколы сыдять.
Красный паны́чъ нашъ лукъ направляе, (2?)
Соколивъ стриляе;
А воны его хороше просять:
— Красный панычу, не стриляй-же насъ,
Не стриляй-же насъ, не збавляй-же насъ,—
Мы-жъ тоби станемъ въ велыкій прыгоди:
(Ой) Якъ ты будешъ молодый *(молодъ)* женыться,
Якъ ты будешъ зъ своею панею йихать,—
Зазвенять пали въ быти таляри,
Запахнуть га́ткы зеленои мяткы,
Зацвитуть поля сынимъ дженжуромъ.

(Собралъ А. Грепачевскій,—въ с. Мизяк. Хуторахъ, винницкаго уѣзда).

Къ юбилею Н. В. Лисенка. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 4852 р. 83 к. (см. № 12-й 1903 г., стр. 141—143) для поднесенія подарка Н. В. Лисенку въ день празднованія 35-тилѣтія его музыкальной дѣятельности, вновь поступило: 1) Е. К. Тимченко—3 р.; 2) М. Н. Тимченко—3 р.; 3) Ю. Л. Крамаренко—5 р.; 4) З. И. Краковецкій—5 р.; 5) З. и И. Мѣрные—5 р.; 6) П. Р. Тимошокъ—5 р.; 7) И. Ф. Винда—5 р.; 8) А. П. Пучковскій—3 р.; 9) Х. В. Бѣлицкій—3 р.; 10) П. А. Стаховскій—3 р.; 11) И. Ф. Захарьевичъ—3 р.; 12) З. Г. Краковецкая—2 р.; 13) П. Г. Петрушевскій—2 р.; 14) А. Ѳ. Лащенко—2 р.; 15) Л. Ф. Жеребко—2 р.; 16) Н. И. Глядѣй—2 р.; 17) П. Ѳ. Куринный—2 р.; 18) С. Я. Хотскій—2 р.; 19) В. И. Вишневскій—2 р.; 20) Г. П. Кушаковъ—2 р.; 21) Ф. И. Колесницкій—2 р.; 22) В. К. Лисовскій—2 р.; 23) К. А. Калиновскій—2 р.; 24) Я. С. Этингеръ—2 р.; 25) А. І. Фельманъ—1 р.; 26) Л. Т. Терлецкая—1 р.; 27) Ф. И. Савченко-Боженко—1 р.; 28) А. И. Тарубаровъ—1 р.; 29) С. Р. Френкель—1 р.; 30) И. Г. Дергунъ—1 р.; 31) В. А. Пашковскій—1 р.; 32) С. Л. Логовинскій—1 р.; 33) Колпакчи—1 р.; 34) Л. Ф. Пархоменко—1 р.; 35) Ф. А. Фаевъ—1 р.; 36) Н. Г. Бѣлый—1 р.; 37) Г. И. Калиновскій—1 р.; 38) В. И. Попель—1 р.; 39) А. С. Гончаренко—1 р.; 40) Н. И. Кожемяка—1 р.; 41) А. И. Назаревскій—50 к.; 42) Н. И. Пятковскій—50 к.; 43) Гнатъ Яструбецькый—5 р.; 44) И. Римаревскій—2 р.; 45) К. М.—1 р.; 46) М. Н. Требинская—5 р.; 47) П. Скрипчинскій—1 р.; 48) П. Д. С.—1 р.; 49) А. И. Штишевскій—3 р.; 50) А. Т. Ушановъ—1 р.; 51) Б. С. Познанскій—10 р.; 52) М. Н. Качура—5 р.; 53) Изъ Лубенъ выручен. со спектакля—54 р.; 54) С. И. Андрущукъ—5 р.; 55) Я. Г. Демченко—100 р.; 56) В. В. Тарновскій—100 р.; 57) С. В. Глинка—25 р.; 58) Я. О. Ботвиновскій—1 р.; 59) С. А. Ширай—10 р.; 60) М. Цибульскій—2 р.; 61) Н. В. Гвоздикъ—5 р.; 62) С. А. Д. (изъ Бѣлостока)—5 р.; 63) Ж-къ, З-цъ, М-въ, Кт-ій (изъ Симферополя)—3 р.; 64) Туробойскій—25 р.; 65) Александровичъ—25 р.; 66) Панкевичъ—5 р.; 67) Витвицкій—5 р.; 68) Яциневичъ—5 р.; 69) Каменецкій—3 р.; 70) Селюкъ—2 р.; 71) Лилье 5 р.; 72) Тимченко—2 р.; 73) Николаевъ—5 р.; 74) Липко—2 р.; 75) Середа—6 р.; 76) Гоніондзскій—5 р.; 77) Листовничій—5 р.; 78)

И. П. Болюбашъ—75 р.; 79) А. С. Толочиновъ—15 р.; 80) А. И. Гдѣшинскій—3 р.; 81) Г. И. Грушевскій—3 р.; 82) Ивановъ—1 р.; 83) В. П. Солуха—2 р.; 84) Павловъ—1 р.; 85) Б. С. Хаимовскій—3 р.; 86) С. Ф. Мизецкій—1 р.; 87) NN (изъ Златополя)—1 р.; 88) Г. Ф. Замедянскій—1 р.: 89) Новицкій—5 р.; 90) Ѳ. І. Мѣрный—2 р.; 91) Л. И. Воеводскій—1 р.; 92) Е. М. Бриксманъ—3 р.; 93) Ксен. Заіончковскій—2 р.; 94) Г. Е. Линникъ—2 р.; 95) С. Г. Меттъ—1 р.; 96) Н. П. Чернушевичъ—3 р.; 97) П. Г. Турчановичъ—1 р.; 98) С. Л. Гальперинъ—1 р.; 99) Бѣлевичъ—3 р.; 100) Мыслицкій—3 р.; 101) Н. И. Любистковъ—1 р.; 102) В. Скрипчинскій—1 р. 50 к.; 103) отъ почитателей изъ с. Богачки—4 р. 20 к.; 104) изъ товариства «Днистеръ»: урядныкы «Днистра 50 кор. 70 сот., укр.-руськи товариства въ Перемышли 100 кор., укр.-руськи товариства въ Тернополи 100 кор., кружокъ украин. дивчатъ у Львови, 30 кор., о. Н. Кумановськый—10 кор., Иванъ Цурковскій 4 кор., В. Федоровичъ 2 кор., о. Иванъ Иванчукъ 2 кор., Петро Давидовскый 1 кор., И. Яремкевычъ 30 сот.,—всего 300 кор., т. е. 118 р. 60 к.; 105) М. К. Занковецкая—25 р.; 106) М. Л. Кропивницкій—25 р.; 107) Русыны миста Ярослава—19 р.; 108) Л. А. Ждановъ—10 р.; 109) В. В. Боржковскій—3 р.; 110) З. А. Линдфорсъ—10 р., 111) Ив. и Вѣра Храпаль—2 р.; 112) М. Леонтовичъ—7 р.; 113) Ел. Клопотовськый—1 р.; 114) Тульчынци—4 р. 10 к.; 115) М. К. Васильевъ—50 р.; 116) Л. А. Бокій—10 р.; 117) Черезъ Наукове Товар. имени Шевченка: Тов. им. Шевченка 253 кор., М. Грушевськый 20 кор., д-ръ І. Франко—20 кор., Ол. Борковскый—3 кор., Ол. Барвинськый—10 кор., В. Биленькый—2 кор., Б. Барвинськый—2 кор., І. Чапельськый—3 кор., А. Хойнацкій—5 кор., Е. Харкевичъ—10 кор., Л. Цегельськый—2 кор., А. Дольныцькый—3 кор., С. Днистрянськый—4 кор., С. Федякъ—10 кор., С. Громныцькый—4 кор., Ѳ. Ганинчакъ—2 кор., Т. Грушкевычъ—2 кор., Я Грушкевычъ—2 кор., В. Гнатюкъ—5 кор., І. Ясеницькый—5 кор., К. Ерми—5 кор. В. Коцовськый—3 кор., І. Кокорудзъ—4 кор., О. Колесса-10 кор., Я. Кулачковськый—2 кор., Л. Коссакъ—5 кор., Г. Кысиль—2 кор., В. Левицькый—а кор., М. Лужныцькый—1 кор., І. Макухъ—5 кор., В. Нагирный—5 кор., П. Огоновськый -4 кор., Г. Огоновськый—4 кор., Е Озаркевичъ—3 кор., К. Панькивськый—10 кор.

Ю Романчукъ—10 кор., С. Рудныцькый—4 кор., Т. Реваковычъ—10 кор., І. Рудовычъ—2 кор., Д. Савчукъ—3 кор., Ѳ. Стефановичъ—4 кор., Ш. Сельськый—10 кор., М. Шухевичъ—3 кор., К. Студинськый 11 кор., Ю. Сичинськый—5 кор., В. Тиховськый—4 кор.,—всего 500 кор., т. е. 197 руб.; 118) С. И. Эрастовъ—5 р.; 119) Н. В. Левитскій—5 р.; 120) Х. П. Олейниковъ—10 р.; 121) Ю. Ю. Цвѣтковскій—15 р.; 122) С. Исакова—5 р.; 123) Л. Кардиналовская—5 р.; 124) В. И. Бордычевская—1 р.; 125) А. Ш-ха—15 р.; 126) Н. А. Добротворскій—10 р.; 127) А. Л. Глѣбовъ—3 р.; 128) С. Е. Струменскій—2 р. 90 к.; 129) Н. Я. Константиновичъ—10 р.; 130) Бар. Ф. Р. Штейнгель—10 р.; 131) Янченко—10 р.; 132) М. Ѳ. Лободовскій—3 р.; 133) О. И. Л.—10 р.; 134) видъ Черкассцивъ—20 р., 135) докт. Г. Ф. Писемскій—15 р. 65 к.,—всего вмѣстѣ съ прежними *6159 р. 78 к.* Изъ этихъ денегъ 286 р. присланы билетомъ Дворянскаго съ выигрышами займа, 1000 р. предназначена, согласно волѣ жертвователя, не изданіе произведеній Н. В. Лисенка, а остальная сумма въ размѣрѣ 4873 р. 78 к., къ которымъ будутъ присоединены всѣ дальнѣйшія присылки, будетъ употреблена на пріобрѣтеніе для Н. В. Лисенка, по его выбору, дачной усадьбы вблизи Кіева, гдѣ-бы онъ могъ въ лѣтнее время найти для себя отдыхъ послѣ тяжелаго зимняго труда.

Сверхъ того, во время празднованія юбилея нѣкоторыми почитателями юбиляра было прислано въ нашу редакцію *207 р. 49 к.*, какъ основа капитала для созданія въ Кіевѣ музыкальной школы *имени Н. В. Лисенка.*

Текущія извѣстія.

Къ чествованію 35-лѣтняго юбилея Н. В. Лисенка. Кромѣ двухъ пунктовъ,—Львова и Кіева,—въ которыхъ состоялись очень торжественныя празднества въ честь 35-тилѣтія музыкальной дѣятельности нашего талантливаго композитора и собирателя народныхъ украинскихъ мотивовъ, Н. В. Лисенка, и о которыхъ мы дали отчетъ въ особой статьѣ (см. отд. 1-й),—болѣе скромныя празднества состоялись до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, и въ другихъ городахъ.—Такъ, у насъ въ рукахъ имѣется программа «хорового русско-малорус-

скаго концерта» подъ управленіемъ А. Кошица, въ г. Ставрополѣ; концертъ этотъ состоялся по поводу юбилея Н. В. Лисенка 15-го декабря. Въ составѣ номеровъ, исполненныхъ въ этотъ вечеръ, были: 1) «Иванъ Гусъ», изъ поэмы Т. Шевченка, муз. Лисенка; 2) Гей по морю сынёму», народная пѣсня, аранжиров. Лисенкомъ; 3) „Про Куперьяна», народная пѣсня, аранжир. Лисенкомъ; 4) «Ой що жъ бо то за воронъ», народн. пѣсня, аранжир. Лисенкомъ; 5) «Ой у поли тры крыныченькы», народная пѣсня, аранжиров. Лисенкомъ; 6) «Ой тысяча симсотъ девяносто першого року», народная пѣсня, аранжиров. А. Кошицемъ;—7) „Журавель“, народная пѣсня, аранжиров. Кошицемъ.— Въ г. Лубнахъ (полт. губ.) состоялся спектакль въ честь юбиляра; поставлена была піеса Л. А. Яновской «Лисова квитка» любительскими силами.

Кромѣ того, намъ извѣстно, что Кіевское Общество Грамотности постановило устроить народный концертъ въ честь юбиляра; концертъ этотъ, какъ предполагается, состоится 18-го февраля въ театрѣ Кіевскаго Общества Грамотности. Въ Петербургѣ, какъ мы слышали, состоится концертъ въ честь Н. В. Лисенка, на второй недѣлѣ великаго поста.

Неизданныя сочиненія В. Н. Каразина. Проф. Д. И. Багалѣй внесъ въ совѣтъ университета докладъ, въ которомъ предлагалъ ознаменовать открытіе памятника В. Н. Каразину, положившему основаніе харьковскаго университета, изданіемъ въ свѣтъ полнаго собранія его сочиненій и писемъ. Проф. Багалѣй указываетъ, что В. Н. Каразину принадлежитъ цѣлый рядъ трудовъ, имѣющихъ большой общественный и научно-литературный интересъ. Они касаются самыхъ разнообразныхъ вопросовъ и тѣснымъ образомъ связаны съ его широкою общественною дѣятельностью. Не будучи ученымъ по профессіи, В. Н. Каразинъ въ то же время съ любовью занимался нѣкоторыми науками, имѣлъ химическую лабораторію и метеорологическую станцію въ своемъ селеніи Крючикѣ и сдѣлалъ нѣсколько работъ, которыя представляли и практическій интересъ. Въ области метеорологіи онъ въ Южной Россіи предварилъ нѣкоторыя позднѣйшія изысканія. Его прекрасные научные опыты, выразившіеся въ устройствѣ опытнаго поля, представляютъ значительный интересъ, также точно, какъ и вся его дѣятельность по основанному и руководимому имъ филотехническому обществу. Большой интересъ представляютъ и его записки полити-

ческаго характера. Заслуживаютъ изданія и его письма, въ которыхъ проявились его характеръ и кипучая натура. Между тѣмъ, до сихъ поръ все это богатое умственное наслѣдіе, можно сказать, оставалось подъ спудомъ, ибо частью вовсе не было издано, а частью было напечатано въ такихъ повременныхъ изданіяхъ, которыя имѣются только въ Императорской публичной библіотекѣ и представляютъ величайшую библіографическую рѣдкость. Собранія же его сочиненій, даже неполнаго, не было.

Проф. Багалѣй, предлагая собрать и издать сочиненія В. Н. Каразина, полагалъ, что сумма, затраченная на это, будетъ выручена цѣликомъ отъ продажи сочиненія, и высказалъ желаніе, чтобы она предназначена была на какое-либо просвѣтительное дѣло, связанное съ именемъ В. Н. Каразина, напр., для учрежденія преміи его имени для студентовъ за лучшія работы по исторіи и современному состоянію столь любимой имъ «Украины», подъ которою онъ разумѣлъ нынѣшнюю харьковскую губернію.

По обсужденіи этого предложенія, совѣтъ университета призналъ изданіе сочиненій и писемъ В. Н. Каразина желательнымъ и постановилъ: 1) присоединить къ числу намѣченныхъ совѣтомъ университета юбилейныхъ изданій—изданіе полнаго сборника сочиненій и писемъ В. Н. Каразина, 2) просить проф. Д. И. Багалѣя принять на себя трудъ по собиранію сочиненій и писемъ В. Н. Каразина и по редактированію этого сборника, 3) внести въ смѣту спеціальныхъ средствъ университета 1,500 руб. на расходы по этому изданію и 4) сумму, какая имѣетъ быть выручена отъ продажи сборника сочиненій и писемъ В. Н. Каразина, обратить на какое либо просвѣтительное дѣло, связанное съ именемъ Каразина, согласно предложенію проф. Д. И. Багалѣя.

Крестьяне-артисты. По словамъ «Полт. Вѣст.» въ лохвицкомъ уѣздѣ, по иниціативѣ самихъ крестьянъ, образовались три народныя труппы, прекрасно ставящія малороссійскіе спектакли. Въ составѣ этихъ труппъ нѣтъ ни единаго дипломированнаго интеллигента, въ нихъ участвуетъ исключительно крестьянская молодежь, состоящая изъ бывшихъ и настоящихъ учениковъ земскихъ школъ.

М. Л. Кропивницкій взялъ на себя высшее руководство этими народными артистами, и талантливость, вдумчивое отношеніе къ дѣлу

и пониманіе изображаемыхъ типовъ невольно останавливаютъ взиманіе каждаго, кто видѣлъ игру лохвицкихъ актеровъ-крестьянъ.

Безплатный сельскій спектакль. Дѣло народнаго украинскаго театра въ селахъ начинаетъ все сильнѣе развиваться. Такъ, у насъ въ рукахъ есть афиша о состоявшихся 6 и 7 декабря прошлаго года спектакляхъ въ с. Жеребцѣ, александровск. уѣзда. Поставлена была кружкомъ любителей драматическаго искусства извѣстная піеса Карпенка-Карого «Бурлаки». Входъ на оба спектакля былъ безплатный. Представленія происходили въ домѣ сельскаго общества.

Украинскій театръ въ Кіевѣ. Съ конца ноября въ Кіевѣ гоститъ малорусская труппа А. К. Саксаганскаго и Н. К. Садовскаго. Какъ по своему составу (г-жи: Борисоглѣбская, Войцеховская, Линицкая, Онищенко, Садовская, Суслова, Тобилевичъ и др.; г.г. Дзбановскій, Зайченко, Карпенко-Карый, Ласкавый, Панкивскій, Позняченко, Садовскій, Саксаганскій, Чечорскій и др.), такъ и по серіозности отношенія къ дѣлу, отмѣченной глубокимъ сознаніемъ возможности служенія родному искусству,—эта труппа удовлетворяетъ самымъ высокимъ требованіямъ, которыя могутъ предъявляться къ театру. Въ самомъ дѣлѣ, наличность крупныхъ, могущихъ сдѣлать честь любому европейскому театру талантовъ, рядъ молодыхъ многообѣщающихъ силъ, носящихъ слѣды серіозной школы, тщательность постановки пьесъ, вообще вполнѣ художественный ансамбль,—ставитъ труппу такихъ опытныхъ и умѣлыхъ режиссеровъ, какъ г.г. Саксаганскій и Садовскій на первое мѣсто.—Что касается репертуара, то онъ, отличаясь, за нѣкоторыми незначительными исключеніями, строгимъ подборомъ прежнихъ пьесъ извѣстныхъ драматурговъ,—правда не вполнѣ использованныхъ,—даетъ намъ и нѣсколько новинокъ, заслуживающихъ полнаго вниманія. Кіевляне уже имѣли возможность познакомиться и оцѣнить историческую драму г. Карпенка-Караго: «Гандзя», являющуюся немалымъ пріобрѣтеніемъ для украинской сцены. На очереди стоитъ пьеса того-же автора: «Суета». Интересъ и жизненность сюжета—отношеніе отцовъ и дѣтей—возбуждаютъ всеобщее вниманіе къ новому произведенію этого, по выраженію г. Франка, «першого нині майстера на полі української драматичноі літератури». Далѣе пойдетъ пьеса г. Франка—«Украдене щастя». Это первый опытъ познакомить

украинскую публику съ творчествомъ галицкихъ авторовъ. Имя Франка, художественная постановка нашей труппы,—все это является залогомъ успѣха этого перваго важнаго шага. Ограничиваемся теперь краткимъ упоминаніемъ, такъ какъ въ одной изъ ближайшихъ книгъ мы намѣрены подробнѣе остановиться на новинкахъ украинскаго репертуара, которыми подарила насъ гостящая труппа.

Сердечно привѣтствуя дорогихъ гостей и принося искреннюю благодарность отъ лица украинской публики за высокое эстетическое удовольствіе, доставляемое ихъ талантливой игрой, мы отъ души желаемъ имъ силъ еще много и много лѣтъ съ прежней бодростью отдаваться самоотверженному служенію украинской сценѣ, являясь ея украшеніемъ, и смѣло идти на встрѣчу лучшему будущему родного искусства.

Полтавское общество взаимопомощи въ Петербургѣ. Какъ сообщаетъ «Полт. Вѣстн.» (№ 290), 1 декабря начало функціонировать вновь организованное въ Петербургѣ Полтавское общество взаимопомощи, устроенное полтавцами—учащимися въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы. Члены-учредители этого общества рѣшили включить въ составъ своего общества всѣхъ петербургскихъ студентовъ—уроженцевъ полтавской губерніи, а также и всѣхъ тѣхъ, кому приходилось учиться въ учебныхъ заведеніяхъ полтавской губерніи. Вслѣдствіе этого число членовъ общества значительно превысило цифру 120, какая намѣчена была раньше. Увеличеніе-же числа участниковъ общества повлекло за собою уменьшеніе взноса ихъ. По окончательному рѣшенію участниковъ общества, каждый изъ нихъ вносить при своемъ вступленіи въ общество единовременно 50 копѣекъ. Кромѣ взносовъ участниковъ общества, суммы его пополняются частью доходовъ отъ устраиваемыхъ въ Полтавѣ студенческихъ вечеровъ,—что доставитъ рублей 300—400 въ годъ, а также пожертвованіями нѣкоторыхъ благотворителей, каковыя предвидятся уже. Капиталъ общества раздѣляется на двѣ части—запасный и оборотный; запасный капиталъ составляютъ 25% всего капитала общества. Ссуды выдаются незначительныя—60 рублей—безсрочно, т. е. до окончанія учебнаго заведенія и поступленія на службу дѣлающаго заемъ. Кассиръ общества, его помощникъ и члены совѣта—уже избраны. На будущее время рѣшено, чтобы новые члены вступали въ общество не иначе, какъ по

рекомендаціи трехъ членовъ учредителей. Въ февралѣ 1904 г. будетъ образована ревизіонная коммиссія, которая и произведетъ ревизію суммъ общества къ 1 марта 1904 года.

Конкурсъ галицко-русскаго благотворительнаго общества въ Петербургѣ. Галицко-русское благотворительное общество объявило конкурсъ на премію въ 200 рублей за лучшее популярное сочиненіе о дѣятельности св. митрополита Петра въ дѣлѣ объединенія русской земли. Срокъ представленія сочиненій на конкурсъ—1 ноября 1904 г.

Засѣданіе предварительнаго комитета по устройству археологическаго съѣзда въ Екатеринославѣ. 11-го декабря въ квартирѣ губернскаго предводителя дворянства М. И. Миклашевскаго состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству археологическаго съѣзда. Секретарь комитета Я. Г. Гололобовъ доложилъ о томъ, что имъ были разосланы въ количествѣ 4 тысячъ экземпляровъ программы, какъ по собиранію древностей, такъ и по этнографіи; программы эти разосланы въ разныя мѣста губерніи. На многіе изъ нихъ получены отвѣты. Главнымъ образомъ отвѣты получены отъ учителей и завѣдующихъ земскими и церковно-приходскими школами, есть также отвѣты и отъ частныхъ лицъ. Послѣ этого профессоръ Д. И. Эварницкій прочелъ свой докладъ о произведенныхъ имъ въ новомосковскомъ и верхнеднѣпровскомъ уѣздахъ раскопкахъ, о его изслѣдованіяхъ запорожской старины въ нѣсколькихъ селеніяхъ и добытыхъ имъ предметахъ запорожской старины для музея. Чрезвычайно живо и интересно составленный докладъ былъ прослушанъ съ большимъ вниманіемъ и вызвалъ большой интересъ въ слушателяхъ.

О раскопкахъ и пріобрѣтеніяхъ для областного музея въ Екатеринославѣ, сдѣланныхъ профессоромъ Д. И. Эварницкимъ. Профессоръ Д. И. Эварницкій возвратился изъ полтавской губерніи въ Екатеринославъ и привезъ съ собою цѣлый рядъ чрезвычайно цѣнныхъ въ археологическомъ отношеніи предметовъ, частью найденныхъ имъ при раскопкахъ, частью подаренныхъ ему разными лицами.

Чудной работы бюстъ Г. А. Шевченко, вылѣпленный изъ глины подъ бронзу въ миргородской художественной, имени Гоголя, школѣ по указаніямъ академика Балавинскаго. Запорожская рушница (ружье) художественно отдѣланная слоновой и черной костью съ инкрустаціями. Ружье это подарено профессору Д. И. Эварницкому М. Н. Стеблинъ-Каменскимъ; старинный XVIII вѣка графинъ, съ трехъ сторонъ орнаментированный, вполнѣ сохранившійся; кофейникъ фарфоровый, двухъцвѣтный съ густой позолотой; древній стекляный графинчикъ съ кадуцеемъ и деревьями по бокамъ. Старинная запорожская *люлька*, большое желѣзное копье съ изображеніемъ на немъ двуглаваго орла; двѣ мѣдныя рѣдкостныя запорожскія чернильницы; коллекція малороссійскихъ писанокъ. Голубокъ, вырѣзанный съ крыльями и перьями изъ одного куска дерева (чудо кустарнаго издѣлія). Нѣсколько бронзовыхъ трехгранныхъ стрѣлокъ изъ кургана въ имѣніи Бадаковка, миргородскаго уѣзда. Древній планъ Россійской имперіи съ обозначеніемъ на немъ шедшихъ через Запорожье шляховъ, нынѣ вслѣдствіе проведенія желѣзной дороги затерянныхъ. Фотографіи коллекцій найденныхъ профессоромъ каменныхъ бабъ. Фотографическій снимокъ единственной въ мірѣ бронзовой вазы, найденной профессоромъ при раскопкахъ кургана въ херсонской губерніи (ваза отправлена профессоромъ въ Императорскій эрмитажъ). Каменный шлифованный молотокъ—совершенное произведеніе каменнаго вѣка. Отбойникъ кремневый палеолитическаго періода. 10 куренныхъ печатей; гербъ митрополита Петра Могилы; коллекція фотографическихъ снимковъ рѣзныхъ статуй апостоловъ, украшавшихъ запорожскую церковь XVIII столѣтія. Планъ города Кафы (Ѳеодосіи). Всѣ перечисленные предметы принесены профессоромъ въ даръ областному музею.

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Постановленія „Народного зъизда“ во Львовѣ. 8 дек. нов. ст. состоялся во Львовѣ «Народный зъиздъ», который постановилъ: 1) «Народный зъиздъ» одобряетъ выходъ русинскихъ пословъ изъ сейма и сложеніе съ себя посольскихъ полномочій. 2) «Народный зъиздъ» приглашаетъ всѣ свои организаціи употребить всевозможныя усилія, чтобы вторично были выбраны тѣ-же самые послы. 3) «Народный зъиздъ» поручаетъ русинскимъ посламъ «рады державнои» употре-

бить всѣ самыя острыя парламентарныя средства противъ польскихъ главарей и австрійскаго правительства для указанія крайняго неудовлетворенія русинскаго народа своимъ политическимъ положеніемъ, ставя на видъ желаніе какъ можно далѣе простирающейся національной автономіи въ русинскихъ земляхъ Галичины.

Рѣчь посла Василька въ засѣданіи австрійской делегаціи. Большое впечатлѣніе произвела рѣчь посла Василька 6 декабря въ засѣданіи австрійской делегаціи. Выдающіеся нѣмецкіе органы печати, напр. «Neue fr. Presse», «Fremdenblatt», помѣстили подробное содержаніе этой рѣчи, чѣмъ доказывается важность значенія ея. Сущность рѣчи посла Василька сводилась къ тому, что чешскій посолъ д-ръ Крамаржъ, нападая на австрійскій централизмъ, стоялъ за автономію отдѣльныхъ краевъ, между тѣмъ какъ, по словамъ Василька, русины и въ Галичинѣ и въ Буковинѣ гораздо меньше терпятъ отъ остатковъ нѣмецкаго централизма, нежели отъ того централизма, который господствуетъ въ ихнемъ краѣ. Для доказательства своей мысли онъ сослался на то, что чешскій посолъ жалуется на отсутствіе въ Моравіи чешскаго университета, а между тѣмъ Русины, одинъ изъ наиболѣе численныхъ народовъ въ Австріи, еще и до сихъ поръ должны вести упорную борьбу за право имѣть свои среднія школы съ преподаваніемъ въ нихъ на родномъ языкѣ. Ввиду всѣхъ этихъ тяжестей «краевого централизму», Русины ни въ какомъ случаѣ не согласятся на переустройство Австріи въ федерацію автономныхъ краевъ, опирающихся на такъ называемыя историческія основы, т. к. тогда Галичина оказалась-бы вполнѣ польскою державою. Но русины охотно пристанутъ къ идеѣ *автономіи народовъ.*

Къ созданію русинскаго театра во Львовѣ. Сознавая потребность въ созданіи самостоятельнаго русинскаго театра во Львовѣ, еще въ 1886 году въ товарыстви «Просвита» начался сборъ пожертвованій для этой цѣли, которыя къ 1901 году достигли всего суммы 64 тыс. коронъ. Въ настоящее время комитетъ по постройкѣ театра рѣшается весною 1904 годъ приступить къ осуществленію завѣтной мечты. Мѣсто для театра уже пріобрѣтено и разрабатывается теперь планъ зданія ва 1000 мѣстъ. Стоимость постройки, вмѣстѣ со стоимостью мѣста, обойдется въ 1 милліонъ коронъ (400 тыс. рублей). Для

пополненія этой суммы предполагается получить: 300 тыс. коронъ изъ общественныхъ фондовъ, 300 тыс. коронъ—гипотечный кредитъ, и около 80 тыс. коронъ имѣющихся въ наличности. Недостающія 300 съ лишнимъ тысячъ коронъ должны быть собраны путемъ пожертвованій, для чего въ настоящее время комитетъ обратился съ воззваніемъ ко всѣмъ русинамъ: «най кождый, хто любыть Украину-Русь, кыне свою лепту на народный театръ».

Академичный Димъ у Львови. Въ газетѣ «Дило» (№ 287) напечатана подъ этимъ заглавіемъ статья проф. М. Грушевскаго, изъ которой узнаемъ, что дѣло созданія во Львовѣ дома, гдѣ могла-бы устроиться для житья Львовская академическая молодежь, преимущественно студенты-русины, подвигается впередъ. Молодежи этой приходится теперь очень часто жить во Львовѣ тяжелыми заработками, лишающими ее возможности вести правильно свои научныя работы. Еще въ 1902 г., когда совершился извѣстный выходъ (сецессія) русинской молодежи изъ Львовскаго университета и когда для помощи ей стали собираться средства, проф. М. Грушевскій, по минованіи остроты положенія, предложилъ остатокъ фондовъ, предназначавшихся для студентовъ-сецессіонистовъ, употребить для основанія перваго русинскаго академичнаго дома во Львовѣ, гдѣ находились-бы квартиры для учащейся молодежи, читальня, столовая и студенческая зала для собраній. Остатокъ этого *сецессійного фонда* пошелъ на другія нужды, но мысль М. Грушевскаго была поддержана частными жертвователями. Въ настоящее время имѣется для этого дѣла 70 тыс. коронъ, такъ что въ 1904 году спеціально избранный комитетъ разсчитываетъ приступить къ постройкѣ дома, который, вмѣстѣ съ покупкой мѣста (36 т. коронъ) обойдется приблизительно отъ 120 до 130 тыс. коронъ.

Необходимое опроверженіе. Въ одномъ изъ № «Вѣстн. Юга» я, на основаніи сообщенныхъ мнѣ свѣдѣній, помѣстилъ замѣтку о болѣзни глазами извѣстнаго писателя Ив. Франка, которому предстоитъ якобы серьезная операція, и что онъ благодаря болѣзни находится безъ средствъ къ жизни, такъ какъ добывалъ ихъ исключительно литературнымъ трудомъ. Свѣдѣнія эти были доставлены мнѣ лицомъ, которому я не имѣлъ ни малѣйшаго основанія не вѣрить (это довольно

извѣстный украинскій писатель). Въ настоящее время я имѣю сообщеніе изъ Кіева отъ лица, бывшаго въ половинѣ ноября заграницей и посѣтившаго «больного». Это второе сообщеніе гласитъ, что «у Франка болять очи, але не такъ, якъ отсе по газетахъ пышуть; се хтось выдравъ стару звистку про той часъ, якъ винъ гоивъ очи и роблено йому операцію». Далѣе этотъ второй корреспондентъ сообщаетъ, что онъ совершилъ даже поѣздку совмѣстно съ Франкомъ изъ Львова въ Вѣну по своему дѣлу.

Такимъ образомъ сообщеніе о серьезной болѣзни Франка является простой мистификаціей, которую мы оставляемъ на совѣсти сообщившаго намъ эти свѣдѣнія и въ то же время выражаемъ удовольствіе, что эти свѣдѣнія не нашли себѣ подтвержденія въ дѣйствительности.

Гр. Сьогобочній.

Такъ какъ это-же извѣстіе о болѣзни д-ра Франка мы перепечатали со словъ Гр. Сьогобочного въ 12-й книжкѣ нашего журнала за прошлый годъ, то теперь съ большимъ удовольствіемъ перепечатываемъ его-же и опроверженіе.

Предполагаемыя во Львовѣ лекціи И. Франка по исторіи украинской литературы. Въ № 289 газ. «Дило» напечатана статья М. Павлика «Голосъ въ преважній справи». Въ этой статьѣ говорится о томъ, что «филологична секція Науков. Товар. имени Шевченка» постановила открыть во Львовѣ подъ фирмой «Товариства» систематическій научный курсъ исторіи украинской литературы и поручить чтеніе его д-ру Ивану Франку. Привѣтствуя такое рѣшеніе секціи, М. Павликъ считаетъ, что это будетъ имѣть громадное значеніе какъ для науки вообще, такъ и для дѣла развитія изъ этихъ частныхъ лекцій оффиціальныхъ украинскихъ университетовъ. Но авторъ боится, что устроить такія чтенія д-ра Франка будетъ очень не легко, такъ какъ на это потребуются сравнительно большія средства, главнымъ образомъ необходимыя для того, чтобы самого лектора освободить отъ его теперешнихъ работъ и возмѣстить ему потерю заработка, платя за его новый трудъ. Впрочемъ, М. Павликъ надѣется, что для этой цѣли найдутся средства въ видѣ спеціальныхъ взносовъ разныхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ.

Къ сожалѣнію, это нѣсколько поспѣшное опубликованіе еще несостоявшагося окончательно факта (рѣшеніе секціи еще не только не утверждено, но и не обсуждено въ общемъ «Выдили Товарыства»)

вызвало въ № 291 «Дила» отвѣтъ д-ра И. Франка, который съ нѣкоторой нервностью заявляетъ, что онъ рѣшительно отказывается отъ методы оплаты его труда филантропическими средствами. Съ своей стороны, мы можемъ сказать по этому поводу, что здѣсь и рѣчи не можетъ быть ни о какой филантропіи, а только и можно говорить объ оплатѣ даннаго труда, а источники для этого всегда найдутся. Что-же касается самого факта устройства такихъ лекцій д-ромъ Франкомъ, то спора быть не можетъ о желательности ихъ, такъ какъ имя такого талантливаго ученаго, какъ д-ръ Франко, служитъ полной гарантіей успѣха ихъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Эмиграція изъ Австріи. Австрійская печать обратила серьезное вниманіе на усиленіе эмиграціи изъ Австріи, видя въ немъ новое доказательство упадка экономическаго благосостоянія населенія. За послѣдній годъ изъ Австріи и Венгріи выселилось въ одну только Сѣв. Америку до 200,000 чел.; только одна Италія превзошла въ этомъ случаѣ Австрію. Что касается народности эмигрантовъ, то впереди всѣхъ стоятъ поляки, которыхъ выселилось до 37,500 чел.; за ними идутъ словаки—34,000 чел., далѣе, хорваты и словенцы—32,000 чел., мадьяры—27,100 чел., нѣмцы—23,500 чел., евреи—18,700 чел., русины—9,800 чел., чехи—7,200 чел., румыны—4,200 чел. и, наконецъ, итальянцы—1,170 чел. Установлено, что одни только тѣ эмигранты, которые высадились въ Нью-Іоркѣ, вывезли съ собой около 15 милл. кр. Сѣверо-американская статистика отмѣчаетъ грамотность переселенцевъ: оказалось, что среди чеховъ было всего меньше неграмотныхъ: только 2 проц.; нѣмцевъ—4 проц.; на послѣднемъ мѣстѣ стоятъ русины, изъ которыхъ оказалось до 44 проц. неграмотныхъ.

Заявленіе львовскихъ студентовъ-русиновъ университетскому сенату. Русинскіе студенты львовскаго университета обратились по случаю записи (имматрикуляціи) на новый семестръ, къ университетскому сенату съ слѣдующимъ заявленіемъ:

«Такъ какъ рескриптъ министра народнаго просвѣщенія отъ 21 августа, не признающій за студентами львовскаго университета русинской національности права формулу студенческаго обѣщанія при записи читать на русинскомъ языкѣ, обжалованъ и потому не имѣетъ

еще обязательной силы, то нижеподписавшіеся студенты львовскаго университета, на основаніи оффиціальнаго отвѣта министра народнаго просвѣщенія д-ра Гартля, сообщеннаго осенней сессіи вѣнскаго парламента въ 1902 г., и на основаніи запроса депутата проф. Романчука о записяхъ во львовскомъ университетѣ, заявляютъ, что не примутъ участія въ оффиціальной университетской имматрикуляціи, назначенной на 16, 17, 18 и 19 декабря 1903 г., и просятъ, чтобы сенатъ распорядился выдать нижеподписавшимся имматрикуляційныя свидѣтельства через канцелярію».

Общество русинскихъ женщинъ въ Галиціи и Буковинѣ. Состоявшійся во Львовѣ 12-го марта прошлаго года съѣздъ русинскихъ женщинъ изъ Галиціи и Буковины рѣшилъ принять всѣ средства къ тому, чтобы русинскія женщины Червонной Руси вошли въ народную жизнь, вникли въ ея нужды, сознали свои обязанности по отношенію къ народу, изыскали путь къ саморазвитію и самообразованію.

Ближайшее осуществленіе всѣхъ мѣръ для достиженія указанной цѣли было возложено на особый исполнительный комитетъ. На-дняхъ этотъ комитетъ сообщилъ въ печати о томъ, что онъ основалъ «общество русинскихъ женщинъ», какъ наиболѣе подходящую организацію для осуществленія намѣченныхъ идеаловъ. Уставъ «общества»: 1) поднять среди русинскихъ женщинъ Австріи образованность посредствомъ газетъ, журналовъ и книгъ для женщинъ и дѣтей, посредствомъ открытія учебныхъ заведеній, устройства публичныхъ лекцій, литературныхъ вечеровъ и т. п.; 2) поддержать женскій трудъ путемъ открытія женскихъ профессіональныхъ школъ; 3) оказывать поддержку нуждающимся женщинамъ и дѣвушкамъ, открывая для нихъ пріюты и дома трудолюбія, помогая въ пріисканіи занятій; 4) открывать дѣтскіе сады; 5) распространять среди русинскаго населенія грамотность путемъ частнаго обученія.

Народная организація Русиновъ въ Сѣв.-Америк. Соединен. Штатахъ. Въ Йонкерсѣ недавно состоялось русинское виче, гдѣ между прочимъ былъ прочитанъ Н. Пидгорецькымъ рефератъ о необходимости создать русинамъ въ Сѣв.-Америкѣ народную организацію. Русиновъ въ Америкѣ около 400 тысячъ, но они не имѣютъ до сихъ

поръ ни одного общаго учрежденія, ни одного народнаго зданія. Хотя и существуетъ много русинскихъ братствъ, организацій, нѣсколько церковныхъ школъ, но каждое такое учрежденіе думаетъ только о себѣ, а не объ общемъ народномъ дѣлѣ. Нужно намъ, говоритъ Н. Пидгорецькый, имѣть своего епископа; нужно создать свой институтъ для высшаго образованія американской русинской молодежи; нужно намъ построить Русинскій Народный Домъ эмигрантовъ. Для всего этого необходимо установить сборы на одинъ народный фондъ, главнымъ образомъ при помощи русинско-американскихъ народныхъ марокъ, на которыхъ есть четыре буквы А. Р. Ф. Н. (Амер. Рус. Фондъ Нар.). Послѣ реферата Н. Пидгорецкаго виче выбрало главный народный комитетъ изъ семи членовъ, какъ органъ главной народной организаціи, и поручило ему добиваться всѣми способами осуществленія намѣченныхъ йонкерскимъ вичемъ желаній народа.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Отчетъ „Благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ“. *Спб. 1903.*

Петербургское «Благотворительное Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» переживаетъ пятый годъ отъ начала своего существованія. Какъ видно изъ отчета Общества, имъ издано въ 1902 г. 8 научно-популярныхъ брошюръ на украинскомъ языкѣ, изъ которыхъ двѣ представляютъ перепечатку вышедшихъ изъ продажи 1 и 2 №№ изданій Общества. Количество экземпляровъ изданныхъ книгъ равняется 85 тысячамъ на номинальную сумму въ 4440 рублей. Нижеслѣдующая таблица характеризуетъ движеніе суммъ «Благотворительнаго Общества» за два года.

Приходъ:	1901 руб.	1901 коп.	1902 руб.	1902 коп.
Членскіе взносы	987	—	1045	—
Пожертвованія	1603	92	1311	85
Спеціальные взносы	—	—	557	22
Выручка отъ изданій Общества	527	67	695	74
% по сберег. кассѣ и % бумаг.	8	21	62	10
Разныя поступленія	—	—	1	50
Итого	3126	80	3673	41
Расходъ:				
Издержки по изданіямъ	3137	54	2193	4
„ администраціи	402	13	520	40
Итого	3539	67	2713	44
Остатокъ или дефицитъ	—412	87	+ 959	97

Всего съ остаткомъ отъ 1901 года (414 р. 34 к.) въ кассѣ Общества находилось 4087 р. 75 к. Израсходовано 2713 р. 44 к. Въ остаткѣ къ 1903 г. 1374 р. 31 к. Сверхъ того въ 1903 году по день общаго собранія поступило 1239 р. 33 к.

Въ приведенной таблицѣ обращаетъ на себя вниманіе сокращеніе въ 1902 году, сравнительно съ предыдущимъ годомъ, расходовъ на издательскую дѣятельность рядомъ съ увеличеніемъ административныхъ расходовъ. «Такое, неблагопріятное съ перваго взгляда,—говорится въ отчетѣ,—измѣненіе отношенія между операціонными расходами Общества и расходами по управленію объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что серія изданій отчетнаго года и по числу изданій, и по количеству, потребовала менѣе значительныхъ издержекъ, а съ другой—тѣмъ, что въ число административныхъ расходовъ вошли очень крупныя издержки по распространенію свѣдѣній объ Обществѣ».

Въ отчетномъ году засѣданій правленія было 7 и одно общее собраніе—годовое. На разсмотрѣніе правленія поступило 14 рукописей и печатныхъ брошюръ, присланныхъ для изданій на средства Общества, но изъ нихъ признаны отвѣчающими основнымъ принципамъ Общества лишь 4 (они изданы подъ №№ 17, 19, 20 и 21).

По объявленному въ 1900 г. Обществомъ конкурсу на составленіе популярныхъ брошюръ сельско-хозяйственнаго и медицинскаго содержанія, въ правленіе Общества поступило всего 8 рукописей (3 по сельск. хоз. и 5 по медиц. и гигіенѣ). Двѣ изъ нихъ, до разсмотрѣнія особой коммиссіей, были представлены въ цензуру, но послѣдней не дозволены къ напечатанію. Изъ остальныхъ рукописей, переданныхъ на просмотръ двумъ коммиссіямъ, составленнымъ изъ спеціалистовъ, заслуживающею преміи была признана рукопись г. Задѣры «Якъ годуваты малыхъ дитей». Представленная въ цензуру, эта рукопись также не была разрѣшена къ печати.

Въ истекшемъ году правленіемъ Общества предпринятъ цѣлый рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ болѣе широкой постановкѣ и развитію дѣятельности Общества. Такъ, правленіемъ было возбуждено предъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія ходатайство о допущеніи книгъ на украинскомъ языкѣ, какъ лучшаго средства популяризаціи знаній среди украинскаго населенія, въ школьныя и народныя библіотеки и читальни, на основаніяхъ, одинаковыхъ съ книгами на русскомъ литературномъ языкѣ. Ходатайство это Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія признано неподлежащимъ удовлетворенію.

Далѣе, правленіе обратилось въ Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ съ ходатайствомъ о пособіи на усиленіе издательской дѣятельности, направленной къ распространенію сельскохозяйственныхъ знаній. Въ отвѣтъ на это ходатайство, уже въ текущемъ году Министерствомъ Земледѣлія ассигновано въ пособіе Обществу 200 р.

Не имѣя достаточныхъ средствъ для открытія собственнаго книжнаго склада, правленіе, для лучшей организаціи сбыта изданій Общества, въ отчетномъ году заключило соглашеніе съ книгопродавцемъ Н. Г. Мартыновымъ, который взялъ на себя содержаніе центральнаго склада изданій Общества въ С.-Петербургѣ и главное комиссіонерство по сношенію съ другими книгопродавческими фирмами, на обычныхъ основаніяхъ коммиссіонной скидки. Для распространенія свѣдѣній объ изданіяхъ Общества правленіе прибѣгло въ отчетномъ году къ широкой разсылкѣ публикацій съ перечнемъ и характеристикой вышедшихъ изъ печати изданій. Такія объявленія въ количествѣ 23,500 экз. были разосланы, между прочимъ, въ качествѣ приложеній при «Сельскомъ Вѣстникѣ» всѣмъ подписчикамъ этого журнала, проживающимъ въ южныхъ губерніяхъ Россіи.

Число членовъ Общества въ 1902 году увеличилось на 183; къ началу 1903 года общее число членовъ равнялось 732,—въ томъ числѣ почетныхъ членовъ 11, членовъ сотрудниковъ 25 и пожизненныхъ членовъ—20. Значительное число членовъ Общества далъ Петербургъ—20, 20% общаго числа членовъ. Это никого не должно удивлять, такъ какъ Общество находится въ Петербургѣ и тамъ естественно скорѣе всего могли распространиться о немъ свѣдѣнія. Херсонская губ. дала 16,71%, Кіевская—12,79%, Полтавская—11,33%, Харьковская—5,95%, Черниговская—4,94%, Екатеринославская—4,65%, Кубанская обл.—3,63%, Подольская—1,59%, Волынская—1,45% общаго числа членовъ.

Заботясь объ увеличеніи числа членовъ и о болѣе правильномъ поступленіи членскихъ взносовъ, правленіе Общества признало наиболѣе цѣлесообразнымъ расширить сѣть уполномоченныхъ Общества въ провинціальныхъ городахъ. Въ настоящее время такія уполномоченныя отъ общества лица находятся не только въ губернскихъ городахъ Малороссіи, но и въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ, какъ, напр.: въ Умани, въ Лубнахъ, въ Ананьевѣ и пр. Эти лица служатъ посредниками между Обществомъ и его членами, завѣдывая сборомъ членскихъ

взносовъ и, по возможности, заботясь объ увеличеніи числа членовъ Общества.

Мы исчерпали, въ существенныхъ чертахъ, почти все содержаніе «Отчета», характеризующаго съ разныхъ сторонъ дѣятельность «Общества» за 1902 годъ. Скромны, очень скромны цыфры этого отчета (8 брошюръ на болѣе чѣмъ 20-милліонную массу населенія!) Но если мы обратимъ вниманіе на тѣ обстоятельства, при которыхъ происходитъ дѣятельность Общества, то эти, на первый взглядъ, незначительныя цифры возрастутъ въ нашихъ глазахъ до размѣровъ весьма краснорѣчивыхъ фактовъ, говорящихъ непредубѣжденному читателю о многомъ. Помимо «независящихъ» обстоятельствъ, обратимъ вниманіе хотя бы на то, съ какимъ трудомъ удается получить въ настоящее время цензурное разрѣшеніе на напечатаніе самой безвредной, повидимому, научно-популярной брошюры на украинскомъ языкѣ. И безъ того ощущаемый недостатокъ въ пригодныхъ къ печати научно-популярныхъ брошюрахъ на украинскомъ языкѣ усиливается вслѣдствіе указанной нами причины и почти парализуетъ издательскія начинанія Общества, дѣятельность котораго, съ самаго его возникновенія, сосредоточивается преимущественно на популяризаціи полезныхъ знаній... Чтобы поставить дѣятельность Общества въ этомъ направленіи въ возможно меньшую зависимость отъ всякихъ случайностей, правленіе въ концѣ истекшаго года рѣшило составить особую коммиссію, которая выяснила бы, какіе недочеты ощущаются въ настоящее время въ популярной литературѣ. Когда это будетъ сдѣлано, правленіе будетъ имѣть возможность дѣйствовать по опредѣленному плану, заказывая извѣстнымъ популяризаторамъ обработку темъ, наиболѣе отвѣчающихъ настоятельнымъ нуждамъ читающей массы.

Тѣ, безспорно, высокія цѣли, какія поставило себѣ Петербургское Общество, заставляютъ сочувствовать его дѣятельности людей самыхъ различныхъ убѣжденій. Число членовъ Общества постепенно увеличивается, по мѣрѣ распространенія о немъ свѣдѣній. Но оттого ли, что вообще всякія полезныя свѣдѣнія у насъ медленно и съ большимъ трудомъ проникаютъ въ широкіе слои общества, или же по причинѣ инертности и косности этихъ слоевъ,—во всякомъ случаѣ настоящее число членовъ Общества далеко не отвѣчаетъ размѣрамъ того по-истинѣ колоссальнаго труда, какой предстоитъ ему исполнить для достиженія поставленныхъ цѣлей. «Будемъ надѣяться, что со временемъ, когда каждый, кому дорого благо родного народа, узнаетъ о дѣятельности

Петербургскаго Общества и отзовется на его добрый починъ, не будетъ имѣть мѣста себѣ то странное явленіе, что цѣлыя губерніи съ населеніемъ въ нѣсколько милліоновъ даютъ Обществу лишь 10—11 членовъ (волынская и подольская г.г.).

В. Поточный.

Підеша. Восток і Запад. Повість. *Коломия, 1903, ст. 1—155, in. 8⁰.*

«Востокъ и Западъ»—прочли мы въ числѣ вновь вышедшихъ книгъ широковѣщательное заглавіе недавно появившейся въ Коломыѣ повѣсти. Затѣмъ, спустя нѣкоторое время, встрѣчаемъ цѣлыхъ двѣ фельетонныхъ статьи въ одной и той же газетѣ («Діло», №№ 169 и 239—240), рекомендующихъ новую повѣсть вниманію публики,—основанія вполнѣ достаточныя для того, чтобы не отказаться удовлетворить своему любопытству. Оно удовлетворено,—и объ этомъ мы ничуть не скорбимъ: повѣсть, дѣйствительно, заслуживаетъ по многимъ причинамъ того, чтобы читатели обратили на нее вниманіе.

Въ сущности та мѣрка, которую мы обычно прилагаемъ къ повѣсти, въ данномъ случаѣ непримѣнима: это и не повѣсть, и не романъ, и не новелла,—авторъ не придавалъ, очевидно, особаго значенія порядку въ эпизодахъ, не старался развивать интригу и придавать искусственными способами интересъ своему произведенію,—оно и безъ этихъ украшеній представляетъ большой интересъ, свидѣтельствуя о художественномъ талантѣ автора и о его высокихъ интеллектуальныхъ качествахъ, которыя весьма выгодно отразились въ этомъ его, надо думать, первомъ литературномъ опытѣ.

Повѣсть состоитъ изъ двухъ почти самостоятельныхъ частей: съ одной стороны—исторія любви двухъ молодыхъ людей, богато одаренныхъ натуръ, съ другой—публицистика: разсужденія на тему о счастливомъ Западѣ (въ частности Швейцаріи, гдѣ и происходитъ дѣйствіе) въ сравненіи съ отсталымъ во всѣхъ почти отношеніяхъ Востокомъ (разумѣется—европейскимъ, куда имъ зачисляется и Галичина). Въ этой части повѣсти—собственно и центръ ея: здѣсь именно дается очеркъ швейцарской культуры, правъ, обычаевъ, характера страны—и все это ставится въ параллель съ соотвѣтствующими славянскими. Это, безспорно, одно изъ наилучшихъ мѣстъ въ книгѣ. Правда, со многими взглядами автора можно не согласиться, но они

оригинальны, теоретически обоснованы, и при томъ затрагиваютъ вопросы, которые касаются почти всѣхъ главнѣйшихъ стремленій и чувствъ человѣка...

Очевидно, цѣль автора была—обратить вниманіе на широкіе общечеловѣческіе вопросы, приподнять людей отъ мелкихъ дрязгъ и ссоръ на извѣстную высоту,—а такой цѣли нельзя не признать достойной уваженія.

Другая часть повѣсти—повѣсть въ собственномъ смыслѣ, содержаніемъ своимъ имѣетъ исторію любви молодой дѣвушки Лины Верони, кіевлянки, которая, по окончаніи института въ Москвѣ, отправилась въ Цюрихъ для осуществленія своего идеала жизни, и студента Степана Бѣлоцерковскаго, галичанина, пріѣхавшаго въ Цюрихъ изъ Вѣны, выдающагося, развитого человѣка. Любовь ихъ—въ высшей степени поэтична, красива, гармонична,—но оканчивается печально: Лина, не вынеся нервнаго потрясенія послѣ временнаго недоразумѣнія (Бѣлоцерковскій временно бросилъ ее), умираетъ отъ воспаленія мозга на рукахъ Степана и пріѣхавшей изъ Россіи матери. Эта часть повѣсти написана художественно, увлекательно, и если нѣкоторые поступки героя могутъ показаться мало обоснованными (хотя бы, напр., бѣгство отъ любимой женщины), то надо имѣть при этомъ въ виду исключительность натуры героя, котораго и умственныя силы, и сила чувства не подходятъ подъ среднюю мѣрку средняго человѣка.

Написана повѣсть оригинальнымъ языкомъ: съ одной стороны, видны несомнѣнные слѣды языка, свойственнаго лишь русскимъ украинцамъ, но съ другой—масса несомнѣнныхъ галицизмовъ. Но кто бы онъ ни былъ, повѣсть его оставитъ замѣтный слѣдъ въ нашей литературѣ, весьма не богатой еще произведеніями, выходящими за предѣлы обычной буденной литературы. Остается лишь пожелать, чтобы авторъ не ограничивался этимъ своимъ первымъ опытомъ и подарилъ нашей литературѣ еще не одно произведеніе, такъ же талантливо написанное, какъ и повѣсть «Востокъ і Западъ».

Что касается внѣшности изданія—то оно оставляетъ желать много лучшаго; корректура крайне небрежна и вызываетъ досаду у читателя.

В. Д.

Григорій Цеглинський. Кара совісти. Народня драма въ V діяхъ. *Перемишль, 1903, ст. 1—57, in. 8⁰.*

Олекса Вобикевич. „Настоящі“. Комедия в одній дії. *У Львові, 1903, ст. 1—55, in 16⁰.*

Малорусскій театръ въ Галицкой Руси находится въ несравненно худшемъ положеніи, чѣмъ у насъ. Если у насъ приходится нерѣдко слышать сѣтованія на далекую еще отъ идеала постановку театральнаго дѣла, то подъ этимъ обычно подразумѣвается сравнительная малочисленность хорошихъ, идейныхъ, содержательныхъ пьесъ, которыя бы шли на встрѣчу требованіямъ общества и удовлетворяли его запросамъ; на недостачу же украинскихъ труппъ и крупныхъ драматическихъ силъ мы, къ счастью, не можемъ пожаловаться. Совсѣмъ не то въ Галичинѣ: тамъ нѣтъ ни своего драматическаго репертуара, ни своихъ постоянныхъ драматическихъ труппъ, и до послѣдняго времени украинскій театръ заявлялъ о своемъ существованіи лишь спорадически, благодаря частной иниціативѣ, и выражался въ многочисленныхъ любительскихъ спектакляхъ, дававшихся во всѣхъ уголкахъ Галичины. Въ самое послѣднее время (второй годъ) въ Галичинѣ имѣется уже солидная постоянная труппа подъ управленіемъ г. Губчака, посѣщающая болѣе крупные центры своей родины и дававшая однажды съ большимъ успѣхомъ представленія и у насъ (въ г. Каменцѣ-Подольскомъ [1]). Выдвинутый въ послѣдніе годы вопросъ о необходимости имѣть во Львовѣ собственное театральное зданіе находится, повидимому, на пути къ осуществленію,—комитетъ по постройкѣ театра собралъ уже довольно солидную сумму для этой цѣли и пріобрѣлъ мѣсто для зданія. Такимъ образомъ, и наша родная сестра-Галичина, обогнавшая насъ на иныхъ поприщахъ культурнаго развитія, старается не отстать и въ этомъ случаѣ, что, надѣемся, въ недалекомъ будущемъ будетъ ею съ успѣхомъ достигнуто. Вопросъ же съ репертуаромъ остается для нея попрежнему больнымъ мѣстомъ: нѣтъ талантливыхъ драматурговъ, нѣтъ и выдающихся драматическихъ произведеній, и въ этомъ случаѣ ей приходится одолжаться у насъ.

Однимъ изъ продуктивныхъ драматическихъ писателей по ту сторону Збруча является Григорій Цеглинскій, имя котораго, какъ

---

[1]) См. текущ. извѣст. за 1902 г., кн. 11, стр. 109.

автора драматическихъ пьесъ, встрѣчаемъ уже давно. Къ сожалѣнію, намъ не приходилось читать ни одного изъ его прежнихъ прозведеній, поэтому мы и не можемъ составить должнаго понятія о писательской, въ частности какъ драматурга, физіономіи г. Цеглинскаго. Но послѣдняя его драма, заглавіе которой мы привели выше, ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть признана даже удовлетворительной. Авторъ, повидимому, не лишенъ знакомства съ народной жизнью и бытомъ, но то ихъ изображеніе, которое онъ предлагаетъ читателю и зрителю въ только что изданной имъ книжкѣ, нельзя назвать правдивымъ и реальнымъ. Всѣ дѣйствующія лица преднамѣренно подраздѣлены на двѣ категоріи: людей добродѣтельныхъ и порочныхъ, но и эти послѣдніе, какъ оказывается впослѣдствіи, заблуждались лишь временно, подъ вліяніемъ злыхъ чувствъ. Понятно, это ничуть не противорѣчило бы дѣйствительности, если бы поступки героевъ и не героевъ пьесы вытекали изъ ихъ природнаго характера, но этого-то мы и не находимъ, а все происходитъ лишь потому, что автору хотѣлось непремѣнно поступить такъ для подкрѣпленія извѣстной тендэнціи, для болѣе нагляднаго выраженія вытекающей, молъ, отсюда морали... Эта мораль, лѣзущая изо-всѣхъ щелей пьесы, не мало способствуетъ умаленію ея цѣнности, хотя бы посредственной. Сюжетъ пьесы въ сущности довольно благодарный, но использованъ авторомъ неумѣло.

Два брата (Прокипъ и Семенъ), получивъ отъ старика отца (Васыля) въ наслѣдство землю и хату, условились на томъ, что меньшій сынъ Прокипъ, будетъ содержать отца до смерти. Но подъ вліяніемъ жены (слабо впрочемъ мотивированнымъ въ пьесѣ), онъ предлагаетъ отцу перейти еще на жительство къ другому сыну, такъ какъ онъ выдаетъ замужъ дочь, и всѣмъ имъ помѣститься въ одной хатѣ нѣтъ возможности. Другой сынъ (Семенъ), конечно, отца не принимаетъ, и старикъ, воплощеніе смиренія и незлобивости, рѣшаетъ лучше уйти совсѣмъ отъ грѣха, изъ своего села, чѣмъ служить яблокомъ раздора между дѣтьми. И онъ уходитъ въ городъ. Пробуетъ поступить на службу—но силы ему уже не служатъ, и ему всюду отказываютъ, пока онъ не очутился въ тюрьмѣ какъ безпаспортный; не желая подвергаться позорной высылкѣ на родину по этапу, онъ бѣжитъ изъ заключенія, направляясь въ родное село (кстати—онъ въ душѣ уже простилъ все сыновьямъ, и опять стремится къ нимъ, хотя, надо думать знаетъ, что ему не очень будутъ рады). По дорогѣ его застигла метель, и онъ замерзъ. До сихъ поръ ходъ пьесы не оста-

вляетъ желать ничего лучшаго. Но дальше начинается часть фантастическая—очевидно, созданная авторомъ мозговымъ способомъ,—должно быть, для большей эффектности и картинности. Младшій сынъ старика Прокипъ вдругъ постигаетъ весь ужасъ совершеннаго имъ (хотя вина его изъ пьесы слабо вытекаетъ) поступка—удаленія отца. Безъ сомнѣнія, это натура необычайно чувствительная, впечатлительная, какую надо со свѣчей поискать. Онъ совершенно забылъ обо всемъ, и теперь его мечта—вернуть назадъ старика. Онъ сталъ самъ не свой, не ѣстъ, не пьетъ, и услышавъ, что поблизу села замерзъ какой-то человѣкъ, мчится туда въ полной увѣренности, что это его отецъ, но никого не находитъ, а лишь пріобрѣтаетъ простуду и заболѣваетъ. Старикъ тѣмъ временемъ очутился чудеснымъ образомъ среди рабочихъ на кирпичномъ заводѣ, которые въ то время были въ лѣсу и услышали крикъ жандарма. Пока жандармъ ѣздилъ въ село (NB. оставивъ замерзать, быть можетъ, живого человѣка!), рабочіе взяли старика съ собой (удивительно отважные люди!), привели въ чувство и пріютили у себя. Когда хозяинъ завода еврей прогоняетъ старика за неспособность къ труду, рабочіе (которые, кстати сказать, только теперь, послѣ двухмѣсячнаго пребыванія Васыля въ ихъ средѣ, поинтересовались узнать, кто онъ и откуда) подговариваютъ его пойти домой и въ отместку сыну поджечь его. Старикъ ни за что не соглашается сначала, но потомъ, ни съ того ни съ сего, идетъ осуществлять этотъ планъ. Между тѣмъ тамъ, въ селѣ, Прокипъ уже при смерти—его преслѣдуютъ галлюцинаціи, во время которыхъ къ нему неоднократно является отецъ... И когда послѣдній дѣйствительно приходитъ—Прокипъ, считая это за предвѣстникъ смерти, кричитъ: «Я йду, йду!» и падаетъ мертвымъ. Васыль (старикъ) считаетъ тѣмъ не менѣе своимъ долгомъ сказать обличительно-проповѣдническую рѣчь о томъ, что онъ «з карою прийшовъ такою, що й сонце може було б відвернулось від неі, та бачу, що еі вже не треба. Хтось иньший, більший і дужчий, покарав еі переді мною», а когда всѣ съ ужасомъ убѣждаются, что Прокипъ уже мертвъ, онъ все же продолжаетъ рѣчь, которую и заключаетъ характерными словами: «А на сім місци виросте нове покоління, у котрого ачей буде більше віри і більше любови!»,—словами, не менѣе характерными и для самаго автора.

Мы глубоко сомнѣваемся, чтобы такого рода пьеса была цѣннымъ вкладомъ въ нашу драматическую литературу и имѣла болѣе или менѣе прочный успѣхъ на сценѣ.

Совершенно въ иномъ родѣ комедія г. Бобыкевича «Настоящі». Написана она покойнымъ авторомъ, почтеннымъ галицкимъ дѣятелемъ и писателемъ (ум. въ декабрѣ 1902), довольно давно и до сихъ поръ находилась въ рукописи въ частныхъ рукахъ. Сюжетъ ея, довольно незамысловатый, рисуетъ картинку галицкой общественно-политической жизни, изображая въ смѣшномъ видѣ тѣхъ галичанъ, которые по какимъ-либо соображеніямъ перестаютъ вдругъ быть самими собой и надѣваютъ маску «общерусскости», стараются быть «настоящими русскими», что имъ, конечно, не удается. Въ данной комедіи выведенъ богатый хуторянинъ Боровичъ, благополучно много лѣтъ предававшійся хозяйскимъ интересамъ, равно какъ и жена его Магдалина, а въ свободное время удовлетворявшій духовнымъ запросамъ чтеніемъ газеты «Діло», которую онъ выписывалъ вмѣстѣ съ сосѣдомъ Ковтомъ (NB: У Ковта есть дочь невѣста, а у Боровича—сынъ, агрономъ, обучающійся въ Россіи). Но послѣ непріятнаго инцидента, вызваннаго Ковтовыми свиньями, которыхъ Боровичъ въ азартѣ подстрѣлилъ, дружба между сосѣдями кончилась: они судились, Боровичъ проигралъ, пробовалъ было свою обиду предать гласности въ «Ділі», но письма его не напечатали... Обозленный на «украінофільское» «Діло», Боровичъ выписываетъ «Галицкую Русь», рѣшаетъ быть «настоящимъ», «дѣлаетъ политику»—т. е. старается что-либо понять изъ статей «Галицкой Руси», но это ему не удается; а между тѣмъ хозяйственные интересы сильно страдаютъ, потому что Боровичъ всецѣло погрузился въ «политику»... Въ этотъ критическій для Боровичей, въ особенности его жены, моментъ появляется ихъ сынъ, не бывшій на родинѣ 3 года. Узнавъ о положеніи дѣлъ въ домѣ, онъ берется все исправить, и дѣйствительно исправляетъ самымъ простымъ образомъ: говоритъ съ отцомъ все время на литературномъ русскомъ языкѣ. Отецъ въ первый моментъ даже доволенъ, но затѣмъ оказывается, что онъ не понимаетъ сына и находится въ сильномъ затрудненіи и смущеніи, такъ что въ концѣ концовъ обращается къ сыну съ просьбой говорить «по нашому *по руски*, бо я, бач, ще всього не розумію». Но сынъ съ удивленіемъ возражаетъ: «какъ же, батюшка? Я говорю *по русски*... говорю, какъ умѣю, не ради политики, лишь только по убѣжденію», и считаетъ себя обиженнымъ, что отецъ требуетъ говорить съ нимъ «по ихнему». Боровичъ искренно возмущенъ, что сынъ отрекается отъ него, отъ материнскаго языка и съ прискорбіемъ убѣждается, что сынъ для него чужой человѣкъ: «пропавъ!». Затѣмъ все выясняется; сынъ, оказы-

вается, лишь притворялся, отецъ съ позоромъ отрекается отъ стремленія быть «настоящимъ», даетъ даже согласіе на бракъ съ дочерью Ковта—и все оканчивается ко взаимному удовольствію.

Пьеса написана въ общемъ живо и правдиво (въ особенности хороши типы Боровича и его жены), хотя въ деталяхъ (напр.—въ роли парубка-лакея Леська) есть немало шаржа.

Въ концѣ брошюры помѣщена тепло написанная біографія покойнаго, свидѣтельствующая о томъ, какой свѣтлой личностью былъ покойный авторъ.

В. Д.

Алексѣй Львовичъ Суходольскій. „Помста, або Загублена Доля“ драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. „Хмара“ драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. *Обѣ пьесы въ одномъ томѣ, съ портретомъ автора. Изданіе автора. Ростовъ на Дону, 1902, стр. 1—103, in 8°. Ц. 1 р. 50 коп.*

Г. Суходольскій—частый гость Кіева; въ послѣдніе годы каждое лѣто подвизается онъ со своей труппой въ лѣтнемъ театрѣ купеческаго сада, угощая публику пьесами собственными и чужими. До сихъ поръ намъ не приходилось быть знакомымъ съ его пьесами; но съ появленіемъ въ печати упомянутыхъ двухъ драмъ пробѣлъ нашъ въ настоящее время съ успѣхомъ восполняется. При этомъ, послѣ знакомства съ пьесами, невольно рождается вопросъ: много ли мы потеряли, пребывая въ невѣдѣніи относительно пьесъ г. Суходольскаго и окупается ли наше, или чье бы то ни было, любопытство, оплачиваемое достаточно солидною для двухъ обыкновенныхъ 4—5 актныхъ пьесъ суммою въ 1 р. 50 коп.? По поводу этого мы и намѣреваемся въ нижеслѣдующихъ строкахъ высказать свои размышленія и сомнѣнія.

Пьесы Алексѣя Львовича Суходольскаго, какъ онъ неукоснительно рекомендуется на обложкѣ и вкладномъ листѣ, не что иное, какъ старая погудка на новый ладъ: съ одной стороны—„она его любила, но онъ ее кинулъ“, и въ результатѣ „страшная месть“: смерть жены „его“ по настоянію „ея“ и самоубійство „его“—вслѣдствіе сознанія своего преступленія; съ другой—сельскій Донъ-Жуанъ, и чуть-чуть не катастрофа: мужа „ея“, подозрѣваемаго въ убійствѣ тещи, уже ведутъ закованнаго на каторгу, но внезапно правда торжествуетъ, а порокъ пораженъ: одна изъ жертвъ Донъ-Жуана изобли-

чаетъ истиннаго преступника. Несомнѣнно, что такая вѣчно старая исторія, какъ любовь, и вытекающія изъ нея дѣйствія и состоянія человѣческія, можетъ быть вѣчно свѣжею и вѣчно юною подъ перомъ талантливаго, близко знающаго душу людскую и народную жизнь писателя. Но у г. Алексѣя Львовича Суходольскаго—перо—увы! не первосортное, и драмы его изъ сельскаго быта такъ же разнствуютъ отъ современныхъ хорошихъ драмъ, какъ издѣлія горшечника отъ художественныхъ произведеній хорошаго писателя. Типы, изображаемые имъ, избитые, шаблонные, каррикатурные—всякіе знахари, старые писаря и прочіе смертные, толкущіе воду въ ступѣ и на протяженіи всѣхъ 4 или 5 актовъ наводящіе одно лишь уныніе на читателя (да, несомнѣнно, и на зрителя). Оригинальныя сценки или разговоры—оазисы въ пустынѣ, и то слишкомъ ничтожные. Въ тенденціозности какой либо или идейности автора нельзя заподозрить,—на этотъ счетъ онъ безукоризненъ,—лишь изрѣдка, и то совершенно безуспѣшно, пытается влагать въ уста дѣйствующимъ лицамъ моралистическія сентенціи, которыя единственно лишь свидѣтельствуютъ о благомысліи автора, но ничуть не вытекаютъ изъ характера героевъ пьесы. Кого, напр., растрогаютъ чувствительныя слова знахаря: „вси повынни служыты Богу й Государю"; „треба такъ дитей учыты, щобъ булы и людямъ мыли, и Богу вгодни" (стр. 17),—или убѣдятъ слова современнаго парубка (а не идиллическаго пастуха!): не вже жъ вы не розуміете, що серце бажае не багатства, а тилькы (NB!) щырого кохання? и т. п.

Чтобы читатель имѣлъ представленіе о реальности изображенія душевныхъ состояній героевъ пьесъ г. Суходольскаго, иначе—о способѣ писанія имъ драматическихъ пьесъ, мы приводимъ отрывокъ изъ заключительной сцены „Помсты", або „Загубленои доли" (стр. 47—48).

Ява 16-я.

Степанъ и Галя.

Галя (выбигае зъ кимнаты зъ крыкомъ) рятуйте! (бижыть до дверей). Степане, за що ты мене...

Степанъ (догналъ (!) іи коло дверей, схопывъ за волосся, тягне на передъ). *Нема часу розсказувать* [1]).

---

[1]) Курсивъ нашъ.

Галя (упала на колина, пиднимае рукы у гору). Дай Богу помолытысь!

Степанъ (ударылъ (!) іи ножемъ у груды). На!

Галя. А-ай!!!

Степанъ. Молысь!! (Галя повалылась на землю и корчытця у мукахъ).

Степанъ. *Свое дило я зробывъ*... Теперъ (опускаемъ 2 строки).

Галя (ледве промовляе). Охъ... не мучъ... добый мене... Повирь... люблю... безъ выны пропадаю! Прощай... *(Хотила его поцилувать, але померла)* и т. п.

Параллельно со способомъ писанія стоитъ и языкъ автора, преисполненный непростительныхъ руссизмовъ, въ родѣ: «дывытьсяй на іи тинь видъ *луны»*, (эха?) а въ слѣдующей же строкѣ „якъ мисяць высоко пиднявся"..., „облакотывшысь", „дрижащимъ голосомъ" „сверкнула очыма", „пры пиднятіи зависы", „шукать защиты"; а знаменитый „заповитъ" Шевченка, который поютъ парубки на улицѣ, выглядитъ между прочимъ такъ:

„Щобъ ланы *широке поле*
И Днипро и кручи,
Було бъ выдно, було бъ чуты,
Якъ реве *ревуче!*

Вообще къ вставкѣ въ пьесу пѣсенъ авторъ имѣетъ огромную склонность, причемъ, желая явить себя міру не только на поприщѣ прозы, но и поэзіи, предлагаетъ ихъ отъ собственнаго измышленія, въ родѣ, напр. слѣдующей пѣсни (стр. 16) (Галя поетъ):

«На що жъ мою душу
Ты ревешъ на шматкы?
Чы вынна жъ я въ чымъ,—
Скажы мени ты!
Иды жъ, мылый, швыдче,
Бо я пропадаю!
Безъ тебе я серця
Свого не здолаю:
Невже жъ ты не чуешъ?
Невже жъ ты не прыйдешъ?
Ой ты жъ мене бидну
На вики убьешъ!

Чѣмъ не поэзія! Пожалуй въ XVIII в. какой либо бакалявръ позавидовалъ бы...

Корректура въ книгѣ также въ своемъ родѣ чудо природы: можно подумать, что спеціально кто-то старался, чтобы ни одно почти слово не было напечатано такъ, какъ ему надлежало бы... Очевидно, наборщики были не имѣвшіе понятія объ украинскомъ языкѣ, а издатель (онъ же и авторъ) не потрудился прочесть ни одной корректуры.

Въ общемъ же сожалѣемъ отъ души и о тѣхъ неосвѣдомленныхъ любителяхъ украинской драматической музы, которые погубятъ и уже погубили понапрасну 1 р. 50 коп. Отчего бы автору сразу не поставить было цѣну 30 коп., по каковой стоимости продавалась его книга въ театрѣ купеческаго собранія минувшимъ лѣтомъ въ день бенефиса автора?

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 12; 2) Историч. Вѣстн., № 12; 3) Всемірн. Вѣстн. № 10 и 11; 4) Журн. Мин. Нар. Просв. № 12; 5) Вѣстникъ Европы, № 12; 6) Русская Мысль, № 12; 7) Русскій Вѣстникъ, № 12; 8) Русское Богатство, № 11 и 12; 9) Міръ Божій, № 12; 10) Труды Кіев. Духовн. Акад, № 7—11; 11) Земскій Сборн. Черниг. губ., № 10—11; 12) Учен. Записки Импер. Казан. Унив., № 12; 13) Книжки Восхода, № 11; 14) Южныя Записки, 1904 г., № 1—4; 15) Лит.-Науков. Вистн. 1904 г., № 1.

Историческій Вѣстникъ, № 12.

Д. В. Өедоровъ. «Подложный указъ» (стр. 907—925). Хотя не указано точно мѣсто описаннаго въ этой статьѣ происшествія, но по всѣмъ признакамъ видно, что дѣло происходило въ Малороссіи. Дѣло-же это состояло во томъ, что лѣтъ 15 назадъ въ с. Михайловкѣ произошло недоразумѣніе съ полученнымъ сенатскимъ указомъ, предписывавшимъ крестьянамъ этого села отвести изъ своей надѣльной земли 700 десятинъ для солдатскихъ дѣтей. Среди крестьянъ пошелъ слухъ, что указъ под-

ложный, и даже когда появился въ концѣ концовъ для увѣщаній самъ губернаторъ, то и его посчитали подставнымъ. Дѣло окончилось сравнительно благополучно, хотя не безъ нѣкоторой экзекуціи.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ: 1) Альбомъ выставки XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Подъ ред. и съ объяснит. текстомъ проф. Е. Рѣдина (стр. 1075—1077); 2) Костомаровъ Н. И. Собраніе сочиненій. Т. I—III. Издан. Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (стр. 1087); 3) Д. Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи. Въ 3-хъ частяхъ. 4-ое изданіе (стр. 1088—1090).

Русская Мысль, № 12.

С. Русова «Старое и молодое въ современной малорусской литературѣ» (стр. 191—201). Статья эта, проводящая ту мысль что современная малорусская литература освѣщаетъ уже не только формы прежней жизни націи, но и новыя явленія въ ней, для иллюстраціи останавливается, главнымъ образомъ, на четырехъ авторахъ: Мирный, Карпенко-Карый, Коцюбинскій и Стефаникъ.

Въ отдѣлѣ «Внутреннее Обозрѣніе» помѣщена маленькая замѣтка объ украинскомъ композиторѣ Н. В. Лисенкѣ по поводу 35-тилѣтія его музыкальной дѣятельности (стр. 247).

Въ «Библіографич. отдѣлѣ» напечатана маленькая рецензія о книгѣ М. Комарова «Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ» (стр. 420).

Русское Богатство, № 11 и 12.

Въ № 11 напечатано «Письмо въ редакцію» редактора и сотрудниковъ VII-тома «Россіи» (изд. А. Ф. Девріена). Письмо это вызвано рецензіей на указанный томъ, посвященный описанію Малороссіи. Рецензія была напечатана въ іюльской книжкѣ Русск. Богатства и отмѣтила цѣлый рядъ промаховъ составителей

этого тома. Въ письмѣ даются разъясненія и возраженія рецензенту (стр. 230—237).

Труды Кіевской Духов. Акад., № 7—11.

Д. Вишневскій. Кіевская Академія въ первой половинѣ 18-го вѣка. (№ 7, 8 и 9; окончаніе). Начиная съ 3-ей главы (первыя главы напечатаны въ № 5 и 6), авторъ разсматриваетъ задачу академическаго образованія и средства ея выполненія; науки, преподававшіяся въ Академіи, общее направленіе ихъ; внѣклассныя занятія учителей. Общее состояніе нравственно-воспитательнаго дѣла въ Академіи первой половины 18-го в. (№ 7, стр. 353—410; № 8, стр. 586—632; № 9, стр. 49—67 и приложенія: стр. 68—100).

А. Н. Войтковъ. Іовъ Базилевичъ, епископъ Переяславскій, и участіе его въ церковно-политич. жизни Польской Украины 1771—1776 г.). Начиная съ 3-ей главы (первыя главы напечатаны въ № 5 и 6), посвященной преосв. Іову, какъ епископу Украйны, авторъ передаетъ факты изъ жизни преосвящ. съ момента прибытія его въ Переяславъ въ 1771 г. Въ первые два года въ краѣ замѣчается торжество православія и русской народности, хотя украинское духовенство далеко не отличалось нравственными качествами, съ чѣмъ преосв. Іову пришлось вести упорную борьбу, особенно-же съ пьянствомъ. (№ 7, стр. 429—500). Въ главѣ 4-ой, и послѣдней, указывается на поворотъ къ худшему въ жизни православной церкви, такъ какъ съ 1773 года начинается въ краѣ превосходство польско-уніатской партіи. (№ 8, стр. 633—715).

В. Дурдуковскій. Историч. записка о соединенныхъ Кіево-Подольскомъ и Богуславскомъ духовныхъ училищахъ (№ 9, стр. 118—142). Это есть актовая рѣчь, въ которой кратко указана исторія кіево-подольскаго духовнаго училища, ведущаго свое начало отъ старой бурсы, возникшей около половины 18-го вѣка.

Ѳ. Т. Къ вопросу о значеніи Кіевской Академіи для православія и русской народности въ XVII—XVIII в.в. (№ 11, стр. 375—407; окончаніе слѣдуетъ). Это есть рефератъ, читанный

въ Церковно-историческомъ и Археологическомъ Обществѣ при Кіевской Духовной Академіи. Вызванъ былъ этотъ рефератъ статьей г. Яблоновскаго подъ заглавіемъ «W sprawie «Akademii Kijowsko-Mohilanskiej», wydanej w 1900 r. «ad honorem quingentesimi anniversarii almae matris Iagellonicae». Дѣло въ томъ, что по поводу обширнаго сочиненія г. Яблоновскаго о «Кіево-Могилянской Академіи», Ѳ. Т. напечаталъ обширный разборъ въ Трудахъ Кіевск. Дух. Академіи, чѣмъ вызвалъ отвѣтную статью г. Яблоновскаго въ «Kwartalnik'ѣ historyczn'омъ» съ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Сущность реферата Ѳ. Т.—доказать, что Кіевская Академія исполняла свою самобытную роль и не была только посредницей между западною и восточною культурою, что она не можетъ быть по своему образовательному и воспитательному вліянію на юношество приравниваема къ Краковскому Ягеллоновскому университету, какъ это утверждаетъ г. Яблоновскій.

Земскій Сборникъ Черниг. губ., № 10—11

Въ отдѣлѣ «Земскія Извѣстія» напечатаны краткія извѣстія о проектѣ Лохвицкаго земства издавать учебники для народной школы, приноравливая ихъ къ особенностямъ мѣстнаго языка. Указаны мнѣнія коммиссіи, избранной Полтавск. губ. земствомъ для разсмотрѣнія этого вопроса, и медленность ея работъ. А между тѣмъ, говорится въ «обзорѣ», нужда въ учебникахъ, вполнѣ понятныхъ по языку для дѣтей малорусскихъ школъ, весьма настоятельная (стр. 32—36).

Гр. Коваленко. Дѣятельность и значеніе И. П. Котляревскаго въ исторіи украинскаго общества (стр. 152—163).

Учен. Записки Имп. Казанск. Унив., № 12.

К. Михальчукъ. «Къ вопросу объ отвердѣніи слоговъ въ малорусскомъ яз.» (стр. 24—30). Эта маленькая статейка есть извлеченіе изъ письма автора къ проф. Казан. унив. В. А. Богородицкому, написаннаго по поводу его сочиненія «Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку». Мысль автора письма, что южно-

русскіе говоры, по отношенію къ мягкости согласныхъ и небныхъ гласныхъ звуковъ, всегда занимали, какъ и теперь занимаютъ, средину между группами сѣверо-славянскихъ говоровъ—съ одной стороны, и южно-славянскихъ—съ другой.

Южныя Записки, № 1—4.

Съ 14 декабря прошлаго года началъ издаваться въ Одессѣ еженедѣльный журналъ «Южныя Записки», посвященный, какъ видно изъ вступительной статьи «Отъ редакціи», всесторонней разработкѣ вопросовъ жизни южныхъ губерній. Привѣтствуя появленіе органа, въ которомъ давно уже чувствуется настоятельная нужда, мы вносимъ его въ число обозрѣваемыхъ нами журналовъ, отмѣчая въ немъ заглавія всѣхъ тѣхъ статей, которыя касаются жизни Южной Руси, кромѣ отчетовъ о разныхъ засѣданіяхъ и собраніяхъ городскихъ думъ и земствъ.

Кондратенко. Къ юбилею Н. В. Лисенка (№ 1, стр. 49—57).

Р-ръ. Рецензія о книгѣ М. Комарова «Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ». Библіографическій указатель. (№ 2, стр. 33).

Литературно-Науков. Вистныкъ, 1904 г. № 1.

1) «Соловейко» (Зъ нагоды 35 литъ ювилею М. В. Лисенка), напысала *Ганна Барвинокъ.*

2) «Мыколи Лисенкови на спомынъ дня 7-го грудня 1903 року». *Богдана Лепкого* (стихъ, выголошеный авторомъ пидъ часъ музычнои Академіи на честь М. Лисенка).

3) «Кантата на честь и славу М. Лисенку».

4) «Артыстъ» *Якова Жарка.*

5) Герой по неволи» *Ивана Франка* (перша половына повисткы на тли подій зъ 1848 року у Львови).

6) «Мынуле» (оповидання батюшкы), *Лысака Тамаренка.*

7) «На стричу сонцю золотому», початокъ повисти *Маріи Колцунякъ.*

8) Изъ недрукованыхъ поэзій *Юрія Федьковыча.*

6) «Рай чы пекло?» *Марка Твайна,* перекл. М. Лозинськый.

10) «250 литъ» *Михайла Грушевського* (зъ нагоды 250-ои ричныци договору Хмельныцького зъ Москвою).

11) «Нови погляды на діяльнисть св. Кирила и Методія», початокъ науковои полемики д-ра *Володимира Коцовського* зъ берлинскимъ профессоромъ д-ромъ *А. Брикнеромъ.*

12) «Платоничный панславизмъ», видчытъ *И. Бодуэна де Куртене.*

13) «Лисенкове свято въ Австріи» *Ивана Франка.*

14) Хроника и библіографія.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Святе пысьмо Старого Завиту мовою русько-украиньскою. Перекладъ Кулиша, Левицького и д-ра Полюя. Выдання Британського и заграничного библийного товарыства въ Лондыни. Покойный Кулишъ послѣдніе годы своей жизни, какъ извѣстно, работалъ главнымъ образомъ надъ переводомъ св. Писанія на украинскій языкъ. Не успѣлъ онъ окончить своей работы, такъ-что послѣ его смерти осталась почти четвертая часть Стараго Завѣта непереведенной, и заканчивалъ эту работу извѣстный нашъ писатель И. С. Нечуй-Левицкій. Когда-же въ 1902 году право изданія этого перевода перешло въ собственность Лондонскаго Библейскаго Общества, то оказалось, что и Псалмы еще не переведены. За этотъ послѣдній трудъ взялся проф. Полюй въ Прагѣ, который, кромѣ того, принялъ на себя редакцію всего труда. Какъ сообщаетъ «Дило». Старый Завѣтъ уже отпечатанъ, и первые экземпляры его посланы С.-Петербургской Академіи Наукъ, Науковому Товариству имени Шевченка во Львовѣ и Товариству «Просвита» во Львовѣ.

Новыя русинскія газеты. Въ декабрѣ мѣсяцѣ начали выходить въ Галиціи и Буковинѣ три новыя газеты: 1) въ Тернополѣ «Подольськый Голосъ», органъ Тернопольской народной организаціи: выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ и стоитъ 3 кор. въ годъ; 2) въ Станиславовѣ «Нова Сичъ», еженедѣльная газета, цѣна 4 кор. въ годъ; 3) въ Вашкивцяхъ

(на Буковыни) «Проминь», органъ русинскаго учительства; выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ и стоитъ 6 кор. въ годъ.

—

Въ городѣ Одессѣ сданъ въ цензуру объемистый украинскій альманахъ «Багаття», составленный подъ редакціей І. Л. Липы. Въ настоящее время тамъ же готовится подъ редакціей Сергія Павленка изданіе альманаха «Проминь». Для этого изданія редакція, въ числѣ другихъ произведеній на украинскомъ языкѣ, уже имѣетъ въ своемъ портфелѣ прекрасную повѣсть нашего талантливаго украинскаго писателя Ивана Левицького — «На гастроляхъ въ Мыкытянахъ», только что оконченную авторомъ.

Редакція «Проминя» проситъ авторовъ оказать изданію содѣйствіе присылкой своихъ произведеній на украинскомъ языкѣ для напечатанія въ альманахѣ, по адресу: въ городъ Одессу, Херсонская, домъ № 52, доктору медицины Ивану Митрофановичу Луценку.

—

Въ Кіевѣ приступаютъ къ печатанію украинскаго альманаха «На згадку про Ив. Котляревського». Къ сожалѣнію весь матеріалъ, предназначавшійся для этого солиднаго изданія не попадетъ, по независящимъ отъ издателей обстоятельствамъ. Такъ напримѣръ, не будутъ помѣщены научныя и критическія статьи, написанныя на украинскомъ языкѣ и кое-что изъ беллетристики; тѣмъ не менѣе изданіе это представляетъ значительный интересъ, такъ какъ въ немъ принимаютъ участіе всѣ выдающіяся силы украинской литературы обѣихъ частей Украины—россійской и австрійской.

Въ Кіевѣ же составляется другой альманахъ въ честь маститаго украинскаго писателя И. С. Левицкаго по случаю его 35-тилѣтней литературной дѣятельности.

Изъ Кіева же посланъ на разрѣшеніе петербургской цензуры сборникъ стихотвореній извѣстнаго украинскаго поэта—сатирика Самійленка (псевд. Сывенькій).

—

Въ «Вѣстн. Юга» (№ 640) *Гр. Сьогобочный* помѣстилъ довольно большую рецензію о книгѣ *Б. Гринченка* «Пысання». Томъ I. У Кыиви 1903 р.

—

Въ «Полтав. Вѣстн.» (№ 292) напечатана статья по поводу предстоящаго празднованія столѣтія Полтавской епархіи; тутъ дается крат-

кая историческая справка о всемъ времени существованія этой епархіи, именовавшейся первоначально Переяславскою (въ XI в.). Въ №№ 302—304 той-же газеты помѣщено описаніе празднества столѣтія Полтавской епархіи, происходившаго въ Полтавѣ, въ покояхъ преосв. Иларіона; большая часть этого описанія посвящена изложенію прочитанной въ засѣданіи В. Терлецкимъ исторической записки «о прошломъ Полтавской епархіи и ея архипастыряхъ».

—

Въ газ. «Волынь» (№ 252 и 254) помѣщена статья *д-ра Антонія И.* въ переводѣ съ польск. яз. «Городъ Каменецъ-Подольскъ. Историческій очеркъ».—Въ томъ-же № 254 начата печатаніемъ и другая статья подъ заглавіемъ «Послѣдніе дни господства турокъ въ Каменцѣ и передача города Польшѣ» (Историч. справка по Ролле).

—

Въ газ. «Вѣстникъ Юга» (№ 625) помѣщена статья *Гр. Сьогобочного* подъ заглавіемъ «Нѣсколько мыслей вслухъ, о „педагогическихъ бесѣдахъ“ г. Лубенца». Содержаніемъ статьи служатъ мысли автора по вопросу о малорусскомъ языкѣ въ школѣ, о чемъ г. Лубенецъ въ своихъ бесѣдахъ высказалъ мнѣнія, слишкомъ неглубоко заглядывающія въ сущность вопроса

—

Въ газ. «Вѣстн. Юга» (№ 617) напечатана поминка о покойномъ украинскомъ беллетристѣ и публицистѣ А. Я. Конисскомъ по поводу третьей годовщины его смерти.

—

Во львовской газетѣ «Дило» на дняхъ помѣщена статья, подъ заглавіемъ «Въ справи потребы заснованя Музычного Института у Львови», въ которой приводятся интересныя свѣдѣнія объ украинской музыкѣ и представителяхъ ея въ прежнее время, преимущественно въ началѣ XVII вѣка.

—

Появился въ продажѣ «Збирныкъ исторично-фильософычнои секціи Наукового товарыства имени Шевченка». (Томы VI и VII).

—

Появился въ продажѣ сборникъ разсказовъ Ивана Франка, подъ заглавіемъ «Малый Мыринъ и инши оповиданя».

—

Профессоръ львовскаго университета М. Грушевскій недавно подписалъ контрактъ съ извѣстной книгоиздательской фирмой Тайбнера въ Лейпцигѣ объ изданіи на нѣмецкомъ языкѣ его труда «Історія Украины--Руси». Право продажи этого изданія дается на 15 лѣтъ. Переводъ будетъ сдѣланъ со 2-го украинскаго изданія, первый томъ котораго появится въ продажѣ въ началѣ 1904 года.

—

Вышелъ во Львовѣ *первый русинскій иллюстрированный календарь музыкальный на 1904-й годъ,* съ литературнымъ приложеніемъ. Въ этомъ календарѣ, между прочимъ, есть большая статья Домета о Н. В. Лисенкѣ.

Библіографическій указатель музыкальной и литературной дѣятельности Н. В. Лисенка.

(1868—1903 г.).

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Предлагаемый указатель извлеченъ изъ предпринятаго мною, но пока незаконченнаго, труда по малорусской библіографіи. Не разсчитывая поэтому на совершенную полноту настоящаго указателя, думаю однакожъ, что все выдающееся въ дѣятельности Н. В. Лисенка вошло въ мой указатель и пропуски могутъ быть незначительные. Заглавія произведеній Н. В. Лисенка вошли въ мой указатель непосредственно изъ подлинниковъ и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ заимствованы изъ каталоговъ или иныхъ подобныхъ источниковъ. Весь собранный матеріалъ размѣщенъ въ двухъ отдѣлахъ: въ первомъ приведены заглавія произведеній Н. В. съ указаніемъ извѣстныхъ мнѣ рецензій и другихъ библіографическихъ свѣдѣній подъ тѣми произведеніями, къ которымъ онѣ относятся, а во второмъ—помѣщена литература о Н. В. Лисенкѣ, т. е. библіографическія замѣтки и очерки и статьи общаго содержанія о его дѣятельности, какъ композитора и этнографа. Въ обоихъ отдѣлахъ собранный матеріалъ изложенъ въ хронологическомъ порядкѣ, при чемъ въ первомъ отдѣлѣ иногда приходилось считаться съ затрудненіемъ относительно времени выхода въ свѣтъ тѣхъ или иныхъ музыкальныхъ произведеній, такъ какъ годъ изданія на такихъ произведеніяхъ обыкновенно почему то не обозначается. Большая часть указаній заносилась въ мои записи не-

посредственно послѣ выхода въ свѣтъ того или иного произведенія Н. В., и такія указанія безошибочны: но не всегда я имѣлъ къ этому возможность, и въ такихъ случаяхъ приходилось опредѣлять годъ изданія на основаніи цензурной даты съ принятіемъ въ соображеніе закона, по которому цензурное разрѣшеніе имѣетъ силу въ теченіе года, такъ что въ подобныхъ случаяхъ ошибка во времени, конечно, можетъ быть, но лишь въ предѣлахъ одного года. Заглавія всѣхъ произведеній Н. В. и оглавленія содержанія ихъ вносились въ указатель съ точнымъ соблюденіемъ правописанія, какимъ онѣ напечатаны, чѣмъ и объясняется разнообразіе въ малорусскихъ заглавіяхъ и отлавленіяхъ, приведенныхъ въ указателѣ. Въ концѣ указателя мною приложено краткое оглавленіе перваго отдѣла, съ распредѣленіемъ при разысканіи по родамъ творчества, могущее служить къ облегченію произведеній того или иного произведенія и вмѣстѣ съ тѣмъ дающее возможность наглядно видѣть разнообразіе творческой дѣятельности Николая Витальевича Лисенка.

М. К.

I.

Творчество Н. В. Лисенко.

1868 г.

1. **Збирныкъ украинськыхъ писень**. Зибравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко*. Выпускъ I-й. 95 ст. 4°. Ц. 2 р. 50 к. Кіивъ Лыськый у Редера (40 пѣсенъ съ нотами для пѣнія и фортепіано: 1. Ой зійшла зоря вечировая. 2. Оженывся козак. 3 и 4. Ой пыла та Лемерыха. 5. Охъ и ты Гетьмане. 6. Ой пущу я коныченька вь саду. 7. Ой ще не свитъ. 8. Ой у поли та у Барышполи. 9. Та не журь мене, моя маты. 10. Охъ и горе, нещаслыва доле. 11. Ой у лузи та и при березi. 12. Максымъ козакъ Зализнякъ. 13. Гей не дывуйте. 14. Ой косыть хазяинъ. 15. Ой не стелыся, хрещатый барвинку. 16. Ой у поли крыныченька. 17. Ой глыбокый колодязю. 18. Ой поплывы вутко 19. Ой и зрада, кари очи, зрада. 20. Ой маты. 21 23. Ой гаю, мій гаю. 24. Чы ты мылый прыпавъ пыломъ. 25. Зеленая липцынонько. 26. Ой на гору козакъ воду носыть. 27. Ой повій, буйный витре. 28–29. Та бодай тая степовая могыла. 30. Лугомъ иду, коня веду. 31. Дощыкъ

капае дрибненько. 32. Ой не шумы луже. 33. Ой учора оравъ 34. Ой ишовъ я вулыцею разъ. 35—36. Джыгунъ. 37. Чумарочка рябесенька. 38. Чорна гречка, били крупы. 39. Колы бъ мени Господы. 40. Король).

Кіевлянинъ, 1868 г. № 139. Музыкальная новость.

1869 г.

2. Збирныкъ украинськыхъ писень. Зибравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко.* Выпускъ II-й, 81 ст., 4⁰. Ц. 2 р. 50 коп. Кіивъ-Лыпське. Дозволено цензурою. Спб. 27 мая. 1858 г. (40 пѣсенъ съ нотами для пѣнія и фортепіано: 1) Про Палія та Мазепу, 2) Про Швачку, 4) Про Саву Чалого, 4) Про руйнованя Сичи, 5) Про Харька, 6) Ой не гараздъ запорожци, 7) Гоминъ, гоминъ по диброви, 8) Ой не пугай пугаченьку, 9) Ой крыкнула лебедонька, 10) Ой изъ-за гори та зъ-за кручы, 11) Ой чумаче, чумаче, 12) Ой по гори сири волы ходылы, 13) Ой щожъ бо то тай за воронъ, 14) Та не спавъ я ничку, 15) Та забилилы снигы, 16) Та по-за садомъ, 17) Ой по горахъ снигы биліють, 18) У Кыиви на рыночку, 19) Та туманъ яромъ, 20) Та жыла соби та удивонька, 21) Казавъ мени батько, 22) Ой ты мисяцю, зоре, 23) Щось у лиси зашумило, 24) Ой ходыла дивчына бережкомъ, 25) Ой у поли озерце, 26) Ой запывъ козакъ, 27) Ой важу я, важу, 28) Выйду я на гироньку, 29) Ой ненько, зацвило серденько, 30) Туманъ по долыни, 31) Розвывайся ты дубочку, 32) Ой я въ батька едыныця, 33) Ой выйду я за воритечка, 34) Ой зійды ясенъ мисяцю, 35) Ой по горахъ, по долынахъ, 36) Ой пиду жъ я лисомъ, 37) Не хылыся сосно, 38) Ой не свиты мисяченьку, 39) Горе мени на чужыни, 40) Ой, Ганцзю мылостыва).

1871 г.

3. Музыка до Кобзаря Т. Шевченка. Спорудывъ *М. Лисенко.* Стихотворенія Т. Шевченка, на музыку переложенныя Н. В. Лисенкомъ. Спб. Изданіе второе. (О первомъ изданіи свѣдѣній не имѣю). Кыивъ. У Б. Корейво, 1871 г.). (Дозволено цензурою. Спб. 9 іюня 1870 г.) 54 ст., 4⁰. Ц. 1 р. 25 к. (10 піесъ для пѣнія съ аккомпаниментомъ фортепіано: 1) Ой одна я, одна, якъ былынонька въ поли (для сопрано), 2) Туманъ, туманъ долыною (сопр.), 3) На горόди коло броду (сопр.). 4) Садокъ вышневый коло хаты (сопр.), 5) Ой чого ты почорнило (барит.). 6) На що мени чорни бровы (сопр.), 7) Ой люди,

люли (сопр.), 8) Якъ бы мени, мамо, намысто (сопр.), 9) Надъ Днипровою сагою (контръ-альто), 10) Сонце заходыть (тріо).

1873 г.

4. **Збирныкъ украинськыхъ писень.** Зибравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко.* Выпускъ I. Друге выдання. 81 сот., 4⁰. Ц. 2 р. 50 к. Лыпське-Кыивъ. (Содержаніе см. за 1868 г. № 1).

5. **Збирныкъ украинськыхъ писень.** Зибравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко.* Выпускъ II. Друге выдання. Лыпськый-Кыивъ. Ц. 2 карбованця. (Содержаніе см. за 1869 г. № 2).

Ларошъ. Голосъ, 1873 г. № 252.

1874 г.

6. **Плачъ Ярославны.** Частына зъ поэмы «Слово о полку Игоря» по перекладу *М. Максимовича.* Музыку зложывъ *М. Лисенко.* Кыивъ, 13 ст. 8⁰. Ц. 50 к. Нотопечатня Бесселя въ С.-Петербургѣ.

7. **Чумацкія народныя пѣсни.** Собралъ *И. Рудченко.* К. 1874 г., 257 ст. 8⁰. Ц. 1 р. 30 к. Въ сборникѣ этомъ 72 пѣсни со многими варіантами, изъ которыхъ 13 положены на ноты *М. Лисенкомъ.*

8. **Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-западный край**, снаряженной Императорскимъ Географическимъ Обществомъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя д. ч. Общества *П. Чубинскимъ.* Т. IV, Спб., 718 ст. 8⁰. Обряды: родины, крестины, свадьба съ соотвѣтствующими пѣснями подъ редакціей *Н. Костомарова.* Въ этомъ томѣ напечатано болѣе 2000 пѣсенъ, изъ которыхъ 138 положены на ноты *Н. Лисенкомъ.*

5. **Характеристика музыкальныхъ особенностей малорусскихъ думъ и пѣсенъ, исполняемыхъ кобзаремъ Остапомъ Вересаемъ.** Рефератъ *Н. Лисенка.* Записки юго-западнаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества. Т. 1-й за 1873 г. К., 1874 г. ст. 339—366. Тамъ же: *Ноты къ думамъ и пѣснямъ, исполняемымъ О. Вересаемъ*, всѣхъ 9+7 номеровъ, стр. 1—28. Все это вмѣстѣ со статьей А. Русова: «*Остапъ Вересай, одинъ изъ послѣднихъ кобзарей*» издано также въ 1874 г. отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: „*Кобзарь Остапъ Вересай, его музыка и исполняемыя имъ народныя пѣсни*“.

10. **Риздвяна ничъ**. Оперета по Гоголю въ 4 діяхъ. Текстъ М. Старыцького. Музыка *М. Лисенка.* К. Ц. 35 к.—Тоже 2 изд. Южнорусскаго книжнаго магазина, К., 1876 р., 82 ст. 8°. Ц. 35 к. Тоже 3-е изд. Л. Ильницкаго подъ заглавіемъ **Риздвяна ничъ**, музыкальна комедія въ 4 діяхъ. Текстъ и вирши М. Старыцького, музыка *М. Лисенка.* К., 1882 г., 109 ст. 12°. Ц. 50 к. Во всѣ эти изданія вошелъ лишь текстъ оперетты безъ музыки. О самой оперетѣ и музыкѣ къ ней, а также о постановкѣ оперетты на сценѣ см.

1. *Кіевлянинъ*, 1873, № 26 и 1874, № 15 и 18.
2. *И. Ив-ко,* Кіевскій Телеграфъ, 1874, № 3.
3. *С.-Петербургскія Вѣдомости,* 1874, № 91 и 179.
4. *Кіевскій телеграфъ*, 1875, № 30.

1875 г.

Молодощи. Збирныкъ танкивъ та веснянокъ. Гры, спивы весняни, дытячи, дивочи, жиночи, мишани. *М. Лисенка.* К., 60 ст. 4°. Ц. 1 р. 20 к. (Всѣхъ пѣсенъ съ нотами для пѣнія 37. *Гры:* 1) Огирочкы, 2) У калача, 3) Горобейко, 4) Макъ, 5) Макъ иншый, 6) Ще макъ, 7) Дзёбка, 8) Лёнъ, 9) Перепилка, 10) Галка, 11) Шумъ, 12) Воротарь, 13) Король, 14) Диброволонька або дощечка, 15—17) Крывый танець, 18) Плету плетеныцю. Танокъ, 19) Нелюбъ, 20) Горобейко, 21) Щитка, 22) Зайко, 23) Кизлыкъ, 24) Чоловикъ та жинка *Веснянкы:* 1) Ой не росты, кропе, 2—3) Ой весно весняночко, 4) Ой вже весна красна, 5) Ой ты сывая та зозуленько, 6) Ходыть сорока коло болота, 7) Ой тамъ на гори, 8) Перелеты соколоньку, 9) Выйды, Грыцю, на вулыцю, 10) Коло Дунаечку, коло бережечку, 11) Та вплынь селезню, 12) Просылася галочка, 13) Ой тамъ на морижку).

1876 г.

12. **Збирныкъ украинськыхъ писень.** Зибравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко.* Выпускъ III, Кыивъ, 83 ст., 4°. Ц. 2 р. 50 к. Всѣхъ пѣсенъ съ нотами для пѣнія и фортепіано 40: 1) Про Кальнышевського, 2) Про Нечая, 3) Про Байду, 4) Тече вода зъ-пидъ каменю, 5) Що въ Кыиви на рыночку, 6) Ой летивъ пугачъ, 7) Ой горе тій чайци, 8—9) Вылиталы орлы, 10) Ой ты багачу, 11) Ой оре Семенъ, 12) Що молода жинка зъ старымъ мудровала, 13) Ой хмелю мій, хмелю, 14) Тяжко важко ой хто кого любыть, 15) Ой у

поли былынонька колыхается, 16) Охъ и бачытся лисокъ не высокъ. 17) Не спивайте пивни, 18) Ой чыи то волы по гори ходылы. 19) Та и за тучамы громовымы, 20) Ой жаль мени вечиронька, 21) Ой сама жъ я, сама, якъ былынонька въ поли. 22) Ой сама жъ я пшеныченьку жала, 23) Ой щось мени не легко, 24) Чы я вплыла, чы я вбрела, 25) Ой жаль мени. 26) Тыхо Дунай воду несе, 27) Та колы бъ мени доля, 28) Ой не стукай, 29) Ой у лузи волыкы въ плузи. 30) Ой у поли крыныченька, 31) Та болять ручкы-нижкы, 32) Ой ишовъ козакъ зъ косовыци, 33) Ой перепилочка, 34) Що слава въ свити мала, 35) Безъ тебе Олесю, 36) Колы бъ маты не была, 37) Та куды йидешъ, Явтуше, 38) Якъ пойихавъ мій мыленькый, 39) Чомъ, чомъ чорнобровъ, 40) Про Куперьяна).

13. Писни М. Лисенка. Слова *Т. Шевченка.* Спб., у Бесселя. (Дозволено цензурою, Спб., 2 мая 1875 г.). Три піесы: 1) Полюбылася я (для мецо-сопрано або альта), 2) Утоптала стежечку, 3) Закувала зозуленька. Ц. за 1 и 2 по 20 к., за 3—30 к.

14. Ор. 2. **Сюита in g зъ украинськыхъ писень.** Для фортепіано уложывъ *М. Лисенко.* К. Ц. 1 р. 80 к. Всѣхъ 6 номеровъ: 1) Preluda (Хлопче молодче), 2) Couranta (Помалу-малу, братику, грай), 3) Toccata (Пишла маты на село), 4) Sarabanda (Сонце нызенько) 5) Gavotte (Ой, чыя ты, дивчыно), 6) Scherzo (Та казала мени Солоха прыйды). Цѣна каждой въ отдѣльности отъ 30 до 60 коп.

15. Ор. 8. **Rhapsodie sur des thèmes de l'Ukraine**: Grand morceau de concert pour le Piano par *Nicolas Lissenco.* (Дозвол. цензурою, К., 11 мая 1875 г.). 21 ст. 4⁰. Ц. 1 р. 50 к Посвящается à Madame Sophie Roussow. Лейпцигъ. Типогр. Гройхена и Риля. Кіевъ, у Б. Корейво.

16. Ор. 15. **Barcarolle.** Compositiones pour le Piano *Nicolas Lissenko.* (Дозволено цензурою 14 мая 1875 г.). Лейпцигъ. Типографія Гройхена и Риля. Kieff, cherz B. Korejwo. Ц. 75 к.

17. Ор. 18. **Думка-шумка. 2-me Rhapsodie de l'Ukraine** pour le piano composèe par *N. Lissenko.* (Дозволено цензурою. Кіевъ. 14 мая 1875 г.). 11, ст. 4⁰. Prix 90 cop.

1877 г.

18. Ор. 6. **Valse brillante.** Pour le Piano. *N. Lissenko.* К. Ц. 1 р. 20 к.

19. Op. 7. **Polonaise de Concert en g** Pour le Piano. *N. Lissenko.* К. Ц. 1 р. 50 к.

20. Op. 10. **Deux chants sans paroles**. Pour le Piano. *N. Lissenko.* К. 75 к.

21. Op. 12. **Le Rève. „На солодкимъ меду"**. Мрія. *N. Lissenko.* К. Ц. 90 к. (для фортепіано).

22. Op. 17. **Valse mélancolique**. Pour le Piano. *N. Lissenko.* К. Ц. 75 к.

23. Op. 22. **Ходыть гарбузъ по городу**. Pour le Piano *N. Lissenko.* К. Ц. 75 к.

1878 г.

24. **Чорноморци**. Оперетта по Кухаренку въ 3 діяхъ *М. Старыцького.* К. 71 ст., 8°. Ц. 25 к. Къ ней музыка *М. Лисенка* для скрипки и фортепіано. К. Ц. 75 к.

1881 г.

25. **Автобіографія М Лисенка.** Сьвіт (Львовская газ. подъ ред. И. Франка) 1881 г. № 5.

1882 г.

26. **Гамлетъ, прынцьДанськый.** Трагедія І. Шекспира. Пер. *М. Старыцькый.* Зъ прылогою музыки *М. Лисенка.* К., 202 ст. 12° Ц. 1 . Въ концѣ приложены ноты: *Спивъ Офеліи*, музыка М. Лисенка, № 1 - 9 стр. 1--12.

1883 г.

27. **Чорноморци**. Оперетта у 3 діяхъ. За-для скрипки зъ проводомъ фортепьяно або-жъ за-для спивъ зъ фортепьяно. Текстъ по Кухаренку склавъ *М. Старыцькый.* Музыка *М. Лисенка.* К. 60 ст. 8°. Цѣна для скрипки съ акомпаниментомъ фортепіано 1 р., съ прибавленіемъ текста для пѣнія въ отдѣльной папкѣ 1 р. 20 коп. Ноты 30 стр. 4°. Всѣхъ № 32. Кіевъ, у Б. Корейво. Типографія К. Милевскаго. (Дозв. цензурою, К. 1883 г. 21 января). Рецензіи на эту оперетку, главнымъ образомъ по поводу постановки ея на сценѣ, см.

1) *Одесскій Вѣстникъ*, 1884, № 2.
2) *Сусидъ*, Одесскій Вѣстникъ, 1884, № 10 (о музыкѣ).
3) *Другой рецензентъ*, Одесскій Вѣстникъ, 1884, № 17.

4) *Бекаръ.* Одесскій Вѣстникъ, 1884, № 21. Письмо въ редакцію.
5) *Дѣло.* (Львовская газ.) 1885, № 125. Театръ.
6) *Новости.* (Петерб. газ.) 1886, № 321.
7) *Коцовскій В.* Зоря (Галиц.) 1888. № 20. Театръ.

28. Риздвяна ничъ. Опера въ 4 діяхъ и 5 картынахъ. Либрето по Гоголю зложывъ *М. Старыцькый.* Музыка *М. Лысенка.* К. Коштомъ Л. Ильницкого. 128 ст. 12⁰. Ц. 50 к. Въ этомъ изданіи помѣщенъ только текстъ оперы, съ изложеніемъ содержанія каждой сцены по-русски. Объ этомъ изданіи см.:

1. *Заря* (Кіев. газ.) 1883 № 17. Искусство и литература.
2. *Кіев. Старина* 1883 кн. 6. Малорус. изданія.

1884 г.

29. Риздвяна ничъ. Комико-лирична опера *М. Лисенка.* Текстъ по Гоголю *М. Старыцькою.* К. 350 ст. 8⁰. Ц. 10 р. (Поставлена впервые въ г. Харьковѣ въ 1883 г. Теперь ц. 8 р.).

1. *Б—цкій.* Музыкальный міръ 1883 № 8.
2. *Заря.* (Кіев. Газ.) 1883 № 68. „Два мнѣнія о малорусской оперѣ Риздвяна ничъ".
3. *Зоря.* (Галиц. газ.) 1883 № 4. Нова малоруська опера.
4. *Статистическій листокъ.* (Харьков. газ.) 1883 № 1.
5. *Южный край.* 1883 № 728 отъ 2 февраля.
6. *Journal de St. Peterburg.* 1884 № 239.
7. *Заря.* (Кіев.) 1884 № 275. Отзывъ П. Сокальскаго объ оперѣ „Риздвяна ничъ".
8. *Ма(твѣе)въ А.* Къ исторіи южно-русской музыки. (Опера „Риздвяна ничъ"—М. Лисенка) Одесса. 1884 г. 32 стр. 16⁰. Оттискъ изъ газ. Одесскій Вѣстникъ 1884 № 236.
9. *Сокальскій П.* Одесскій Листокъ 1884 № 257 и 258.
10. *Матюкъ В.* Зоря (Галиц.) 1885 № 7—13. Музык. оцѣнка.
11. *Московскія Вѣдомости* 1887 № 334. (По поводу постановки въ Москвѣ).
12. *Кіевское Слово* 1887 № 258. „Риздвяна ничъ" на московской сценѣ.
13. *Дѣло* (Галиц.) 1889 № 289. „Рôздвяна нôчъ" на сценѣ въ Галичинѣ.

30. Materiały etnograficzne z okolic Pliskowa w powiecie Lipowieckiem zebrane przez Pannę *Z. D.* Opracowal *C. Nejman.* W Krakowie. Osobne odbicie ze Zbioru Wiadomosci do Antoropologii krajowej. T. VIII. 134 ct. 8⁰. Въ этомъ изданіи 137 малорусскихъ пѣсенъ, изъ которыхъ 20 положены на ноты для пѣнія *М. Лисенко.*

31. Тетрадь безъ заглавія. На обложкѣ виньетка съ изображеніемъ бандуриста и группы крестьянъ. Внизу подпись: Дозволено цензурою. Кіевъ. 12 декабря 1883 г. 14 стр. 8⁰. Ц. 30 к. Всѣхъ номеровъ 7: 1) Ой на гори васылечкы. Раскладка *Н. Лисенка* (народня писня): 2) На бережку у ставка. Народня. Розложывъ для хора Н. Лисенко: 3) Дивка въ синяхъ стояла. Народня писня. Розложивъ для хора Н. Лисенко; 4) Ой надину черевыки. Изъ оперетты «Чорноморци». Муз. Лисенка: 5) Ой тамъ на рынку. Народня. Н. Лисенко: 6) Сонце нызенько, вечиръ блызенько. Народня. Для хора положывъ Н. Лисенко: 7) Ой любывъ та кохавъ. (Изданіе литографированное).

1885 г.

32. Утоплена (Майська ничъ). Оперета по Гоголю въ 3-хъ діяхъ *М. Старыцького.* Музыка *Н. Лисенка.* Одесса. 86 стр. 8⁰. Ц. 25 к. Изъ сборника «Ныва», вышедшаго въ томъ же году въ Одессѣ. Изданъ только текстъ.

1. *Заря.* (Кіев.) 1884 № 248. По поводу постановки оперетты въ г. Харьковѣ.

2. *Одес. Вѣстникъ* 1889 № 333.

3. *Крымскій Вѣстникъ* 1890 № 15 и 85. Представленія малороссовъ.

4. *Южанинъ* 1890 г. № 32.

33 Чорноморци. Оперета по Кухаренку въ 3 діяхъ *М. Старыцького.* Муз. *М. Лисенка.* 2 выдання коштомъ Б. Корейво. К. Ц. 25 к. Только текстъ, къ которому музыка Лисенка издана въ Кіевѣ въ 1883 г.

34. Молытва. Гимнъ на жиночи голосы зъ акомпаниментомъ фортепьяно. Слова *О. Конистького.* Музыка *Н. Лисенко.* Львовъ. Музыкальная библіотека. В. III-й. Ц. 15 кр.

35. Вѣнець. Збирнычокъ найлипшыхъ квартетовъ польськихъ и руськихъ. Коштомъ товарыства «Лютня». Львивъ. 42 ст. Ц. 45 кр. Въ этомъ сборникѣ между прочимъ помѣщена музыка *М. Лисенка* къ стихотворенію *М. Старицкаго*: «На прю!».

1886 г.

36. Збирныкъ народнихъ украинськыхъ писень. Зибравъ и *для хору* уложывъ *М. Лисенко.* Перший десятокъ. (Дозв. цензурою К. 16 сентября 1885 г.) К. 14 ст. 8⁰. Ц. 50 к.: 1) Про Байду: 2) Ой на гори та женци жнуть: 3) Охъ и горе, нещаслыва доле: 4) Та

щука рыба въ мори; 5) Ой не стелыся хрещатый барвинку; 6) Гулявъ чумакъ на рыночку; 7) Ой тамъ за Дунаемъ; 8) Ой изъ за горы буйный витеръ віє; 9) На що було старому женытыся; 10) Та туманъ яромъ котыться).

37. Музыка до Кобзаря Т. Шевченка—*М. Лисенко.* Спивы про жиночи та чоловичи голосы, по-одыноки, якъ такъ и гуртови (дуэты, тріо, квартеты, хоры). Серія 1-я. К. Изд. Б. Корейво. Повтореніе изданія 1871 г. съ присоединеніемъ 3-хъ піесъ, изданныхъ въ 1876 г. (см. № 3 и 13-й), а всего 13 піесъ. Ц. въ одной тетради 1 р. 80 к. и отдѣльно каждая піеса 30—60 к.

Заря (Кіев.) 1886 № 9.

38. Музыка до Кобзаря Т. Шевченка—*М. Лисенка.* Спивы про жоночи и чоловичи голосы, якъ поодыноки, такъ и гуртови (дуэты, тріо, квартеты, хоры). Серія II. К. У Б. Корейво. (Дозв. цензурою. К. 9 марта 1885). Въ эту серію также входятъ 13 піесъ: 14) И богата я и вродлыва я; 15) Мынають дни (для баритона); 16) Огни горять, музыка грае (теноръ); 17) Тежъ (барит.); 18) Ой Днипре, мій Днипре! Спивъ Яремы зъ «Гайдамакивъ» (басъ); 19) Гетьманы, гетьманы! Свято въ Чытырыни. Зъ «Гайдамакивъ» (барит.); 20) Не женыся на багатій (барит.); 21) Зацвила въ долыни (дуэтъ сопрано и тенора); 22) Не тополю высокую (сопр.); 23) За сонцемъ хмаронька плыве. (Квартетъ сопрано, альта и баса); 24) Ой на гори роменъ цвите (тен.); 25) Якъ бы мени черевыкы (сопр.); 26) Бьють порогы, мисяць сходыть. Кантата про одыноки голосы чоловичи, дуэты, тріо и мишаный гуртъ зъ проводомъ оркестра; фортепьяновый укладъ (Klavierauszug) автора. Ц. № 14—26 въ однимъ зшытку 2 р. 50 к., а наризно видъ 20—50 к., а кантата 1 р. 20 к.

39. До Хортыци. Слова *Я. Щоголева* (Стугоныть Днипро по скеляхъ). Музыка *М. Лисенка.* До дня 25-хъ роковынъ смерти Тараса Шевченка. Коштомъ Б. Корейво. К. Ц. 60 к.

1887 г.

40. Збирнык народнихъ украинськихъ писень. Зибравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко.* Выпускъ IV-й. К. 80 стр. 4°. Ц. 3 р. Дозв. цензурою. К. 7 августа, 18 ноября и 17 декабря 1886 г.). Всѣхъ пѣсенъ съ нотами для пѣнія и фортепьяно 40: 1) Про Нечая; 2) Про Харка; 3) Про татарськый полонъ; 4) Про Мыхайла; 5) Про

Довбуша; 6) Про Голоту; 7) Ой въ городи на ростоци; 8) Та на биду козакъ уродывся; 9) Ой пылы козаченькы; 10) Ой на гори огонь горыть; 11) Гей шпорынъ по дорози; 12) Ой у Кыиви та на городыщи; 13) Гей у степу крыныченька; 14) Та занывъ чумакъ; 15) Иде чумакъ у дорогу; 16) Охъ и я съ горя; 17) Вулыця гуде; 18) Ревуть воды; 19) Ой изъ за горы зъ за крутои; 20) Побратався сокилъ зъ сызокрылымъ орломъ; 21) Ой изъ за горы та буйный витеръ віє; 22) Та колыбъ маты знала; 23) Ой добрая годынонька; 24) Ой чы воленька чы неволя; 25) Роменъ зилля та й у кучеры вьется; 26) Ой тамъ за горою; 27) Та нема гиршъ никому, якъ тій сыротыни; 28) Що сьогодня я тута; 29) Иду жъ бо я, коня попасаю; 30) Ой ты мисяцю-зоре; 31) Щаслывому по грыбы ходыты; 32) Ой мала я два садочкы; 33) Гиля, сири гуси; 34) Плыве качуръ; 35) Жали мои; 36) Бескыдо зеленый; 37) Маріє, Маріє, чого ходышъ-нудышъ; 38) Задумавъ дидочокъ; 39) Чомъ не прыйшовъ; 40) Ой мій мылый умеръ.

41. Збирныкъ народнихъ украинськихъ писень. Зибравъ и *для хору* уложывъ *М. Лисенко.* Другый десятокъ. (Дозв. цензурою. К. 18 ноября 1886 г.) 18 ст. 8⁰. Ц. 50 к. (1. Ой Сичь маты; 2. Ой Морозе, Морозенку; 3. Ой пущу я коныченька; 4. Ой у поли два яворы; 5. Ой гаю мій, гаю; 6. Гей по сынёму морю; 7. Ой пье козакъ; 8. Ой любывъ та кохавъ; 9. Ой та спывся козакъ; 10. Ой послала мене маты).

42. Quodlibet зъ народнихъ писень. Хоръ *М. Лисенка.* Львовъ. Музыкальная библіотека, выпускъ VIII. Ц. 30 кр.

1888 г.

43. Дума о Богданѣ Хмельницкомъ и Барабашѣ. Записалъ изъ Кобзаря П. Братыцы *Н. Лисенко.* Съ нотами. Кіевская Старина, кн. 7, приложеніе 17.

44. Иванъ Гусъ. Гурговый спивъ зъ супроводомъ фортепьяно до словъ *Т. Шевченка.* Спысавъ до дня 20 роковинъ смерти Т. Шевченка *М. Лисенко.* Львовъ. 7 ст. 4⁰. Ц. 50 кр. Выдавъ К. Паньківській.

1889 г.

45. Збирныкъ народнихъ украинськихъ писень. Зибравъ и *для хору* уложывъ *М. Лисенко.* Третій десятокъ. (Дозв. цензурою, К. 16 января 1889 г.). К. 22 ст. 8⁰. Ц. 50 к. (1) Гей гукъ, маты,

гукъ: 2) Розлылыся круто бережкы; 3) Та забилилы снигы; 4) Що по горахъ снигы лежать; 5) Охъ и закувала сыва зозуленька; 6) Туманъ яромъ; 7) Ой на гори васылечкы сходять; 8) Та нема 'гиршъ никому; 9) Ой знаты хто кого любе; 10) Часъ до дому, часъ).

46. Мылованка и Вечеръ. Дви писни тенорови зъ супроводомъ фортеньяно Слова *М. Старицкаго.* Музыка *М. Лисенка.* Львовъ. Библіотека музыкальна в. XIII, 6 ст. 8⁰. Ц. 20 кр.

47. Матушка царица, солнце наше красно. Юбилейный хоръ къ празднованію 50-лѣтія Кіевскаго Института благородныхъ дѣвицъ. Слова *Е. Полянской.* Музыка *Н. Лисенко.* К. 15 ст. 4⁰. У Б. Корейво. Ц. 1 р 20 к. (Дозв. цензурою. К. 29 марта 1889 г.).

48. Торжественный маршъ ко дню празднованія 50-лѣтняго юбилея Кіевскаго Института благородныхъ дѣвицъ. Для фортепіано въ 8 рукъ *Н. Лисенко.* К. Ц. 1 р. 50 к.

1890 г.

49. Збирныкъ украинськихъ писень. Зибравъ и у ноты завнвъ *М. Лисенко.* Першый выпускъ. Власнисть выдавця на вси рокн. К. 95 ст. 4⁰. Ц. $2^1/_2$ карбованця. Складъ у Л. Идзиковскаго въ Кіевѣ. (3 изданіе, содержаніе см. за 1868 г. № 1).

50. Наталка-Полтавка. Перша украинська оперета у 3-хъ діяхъ *И. Котляревського.* Музыку впорядкувавъ *М. Лисенко.* (Дозв. цензурою. К. 24 іюля 1889 г.) К. У Б. Корейво. 16 ст. 4⁰. Ц 1 р. 50 коп. 1500 экз. Литографія Редера въ Лейпцигѣ. (Текстъ оперетты, увертюра и 22 № для пѣнія съ акомпаниментомъ фортепіано).

1. *Дякъ.* Одесскій Вѣстникъ 1890 № 158.
2. *Комарь М.* Зоря (Галиц.) 1890 № 17 и 23.

51. Коза-дереза. Дытяча комична оперета въ 1 діи. *Рус. Граб. Лано.* Музыку впорядкувавъ *М. Лисенко.* Дзвинокъ (Галиц. журналъ) № 23. (Текстъ съ музыкой).

52. Риздвяна ничъ. Комико-лирична опера въ IV діяхъ, V картынахъ. Либрето зложывъ *М. Старыцькый.* Музыка *М. Лисенка.* Накладомъ товарыства «Руска бесида» у Львови. 64 ст. 16⁰. Ц. 30 кр. (Текстъ безъ музыки).

53. Образкы зъ колышнього. Картинки изъ прошлаго. Rêverie, par *Nicolas Lissenko.* Op. 13. Посвящается Л. М. Д. Для фортепіано въ 2 руки. СПБ. Музыкальныя приложенія журнала «Баянъ» 1890 г. Апрѣль.

1890—1893 г.г.

54. **Музыка до Кобзаря Т. Шевченка.**—*М. Лисенка.* Спивы про жиночи та чоловичи голосы, якъ поодыноки, такъ и гуртови. (дуэты, тріо, квартеты, хоры). Серія III. (Дозв. цензурою. К. 16 января 1889—19 іюня 1893 г.) Кіевъ. У Б. Корейво. Москва. Печатня В. Гроссе. (Въ эту серію вошли также 13 піесъ: № 27. Реве та стогне Днипръ шырокый (басъ); № 28. И шырокую долыну: 30. У недилю вранци рано; 31. Мы заспивалы, розійшлысь (дуэтъ—басъ и сопр.); 32. Ой умеръ старый батько (К.-альто); 32-б. Тежъ (сопр.); 33. Та не дай, Господы, никому (баритонъ або басъ): 34) Матерынъ жаль; Ой сяду я пидъ хатою (М.-сопр.); 35) У тіеи Катерыны хата на помости (басъ): 36) По диброви витеръ віе (сопр. або теноръ); 37) Тече вода зъ пидъ явора. Дуэтъ (два сопр.); 39-а) Буває иноди старый (бар.); 39-б) Тежъ (тен.). Ц. каждой піесы отъ 20—60 к.

1891 г.

55. **Збирныкъ народнихъ украинськихъ писень.** Зибравъ и *для хору* уложывъ *М. Лисенко.* Четвертый десятокъ. (Дозв. ценз. К. 16 октября 1890 г.) 25 ст. 8°. Ц. 50 к. [1) Наступыла та чорна хмара; 2) Ой чы се жъ той бурлацюга: 3) Ой бре море; 4) Ой по горахъ снигы билiють; 5) Ой пидъ горою, пидъ перевозомъ: 6) Ой гыля гусонькы на ставъ: 7) Не топыла, не варыла: 8) Коло млына, коло броду; 9) Спать мени не хочется; 10) Охъ, та не любы двохъ).

56. **А. Головатый.** Запорожськый депутатъ и кобзарь. Напысавъ *М. Уманець.* Львовъ. 28 ст. 8°. Оттискъ изъ журнала «Правда» за тотъ же годъ. Въ концѣ приложена: «*Писня А. Головатого*» (Ой Боже нашъ мылостывый). Запысавъ зъ голоса видъ профессора харьк. университета А. Потебни *М. Лисенко.*

1892 г.

57. **Збирныкъ украинськихъ писень.** Зибравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко.* Выпускъ V-й (Дозв. ценз. К. 25 февраля 1892 г.) К. 84 ст. 4°. У Б. Корейво. Ц. 3 карбованця. (Всѣхъ пѣсенъ съ нотами для пѣнія и фортепіано 40: 1) Про Перебыйноса; 2) Про Супруна: 3) У городи у Тамани: 4) Ой пидъ лисомъ та пидъ Лебедыномъ; 5) У суботу рано; 6) Ой у недиленьку рано: 7) Ой зивьяла червона калына; 8) Ой у Гали свекруха лыхая: 9) Ой изъ за горы

доцыкъ: 10) Голивонька моя бидная; 11) Ой-давно я въ батька була; 12) Чорна хмара наступае: 13) Выйду за ворота: 14) Калынонька та малынонька: 15) Ой гай маты; 16) Ой кряче та чорненькый воронъ; 17) Ишовъ козакъ дорогою: 18) Ой здорова чорноброва; 19) Теперъ моя головонька въ гори; 20) Куды витеръ віе: 21) Плыве щука зъ Кременчука: 22) Чомъ дубъ не зеленый: 23) То зеленая горишшына: 24) Ой видсиль гора; 25) Копавъ же я та крыныченьку: 26) Ой бувай здоровъ: 27) Ой прыбудь, хочъ коня добудь: 28) Ой ты горо кремьяная: 29) Ой у лиси кленъ дерево; 30) Беру воду та зъ переброду: 31) Ой ты дубе кучерявый; 33) То малюсеньке соловьятко: 34) Пилъ горою деркачъ дере: 35) На вгороди калына; 36) Стояла на колодци: 37) Ой умеръ та козаченько; 38) Про Петруня: 39) Про чечитку; 40) Ой куме, куме, добра горилка).

58. Збирныкъ народнихъ украинськихъ писень. Зибравъ и *для хору* уложывъ *М. Лисенко.* Пятый десятокъ, (Дозв. цензурою 25 февраля 1892 г.). К. 19 ст. 8⁰. Ц. 50 к. [1) Тече вода зъ пидъ города; 2) Ой та витеръ повивае: 3) Ой на гори вивчаръ вивци ганяе; 4) Кому воля, а кому неволя; 5) Сыдыть дидъ на печи; 6) Ой тамъ за яромъ брала дивка ленъ; 7) Куды витеръ віе: 8) Выйду я на гироньку: 9) Ой чый же це двиръ; 10) Гарбузъ билый качается).

59. О торбанѣ и музыкѣ пѣсенъ Видорта. (Съ приложеніемъ музыки трехъ піесъ: Спивъ Ревухы, Подорожъ В. Ржевуского и Видортова письня: Не журыся мій хазяинъ) *Н. Лисенко.* Кіевская Старина. Кн. 3 стр. 380—387.

60. Увертюра изъ оперы „Риздвяна ничъ“—*М. Лисенка.* Ouverture „La nuit de Noel“, opera lirique—N. Lissenko. К. ц. 1 р. 50 к.

61. Op. 4. Украинскій козакъ—Шумка.—*Н. Лисенка.* Danse nationale de l'Ukraine. Scherzo pour le grand Orchestre, orrangè pour le piano à 4 mains par l'Auteur, 1 р. 65 к.

1894 г.

62 Музыка до Кобзаря Т. Шевченка.—*М. Лисенка.* Спивы про жиночи та чоловичи голосы, якъ поодыноки, такъ и гуртови (дуэты, тріо, квартеты, хоры). Серія 1. (Дозв. цензурою. К. 13 іюля 1894 г.). К. У автора и по всихъ кныгарняхъ. М. Печатня В. Гроссе. (Въ эту серію входятъ слѣдующія піесы: № 40) Доля. Ты не лукавыла зо мною (тен.): № 40-б, Тежъ (барит.): № 40-в, Тежъ (басъ)

№ 41. Рослы у куночци. Дуэтъ. (сопр. и тен.); 42) Не вернувся изъ походу гусарынъ москаль; 43) По надъ полемъ иде; 44) Хустыночка; 45) Учитеся, браты мои. (Дальнѣйшіе номера этой серіи напечатаны въ 1903 г.

63. Народни музычни струменты на Вкраини. Напысавъ *Боянъ.* Зоря (галицкій журналъ) 1894 г. № 1, 2 и 5—10. Содержаніе: 1) *Кобза.* 2) *Бандура* (зъ двома малюнками бандуры). 3) *Торбанъ* (зъ малюнкомъ). Репертуаръ торбанисты Видгорта. 4) *Лира.* Лирныцькый репертуаръ. 5) *Гусли.* 6) *Цимбалы.* (Зъ малюнкомъ).

1895 г.

64. Збирныкъ народнихъ украинськихъ писень. Зибравъ и у ноты завивъ *М. Лисенко.* Выпускъ VI-й. (Дозв. цензурою. К. 24 іюля 1895 г.). К. 83 стр. 4⁰. Ц. $2^1/_2$ карбованця. М. Печатня В. Гроссе. (Всѣхъ пѣсенъ съ нотами для пѣнія и фортепіано 40: 1) Ой пойихавъ панъ Лебеденко; 2) Ой колысь була въ степу доля; 3) А що изъ за горы вылитавъ сокилъ; 4) Ой 1791 року; 5) Жыла вдова на Подоли; 6) Ой умру-жъ я, мій мыленькый; 7) Чоловиче мій; 8) Журба за журбою; 9) Пиды, хлопче, введы коныка вороного; 10) Въ темнимъ лиси; 11) У недилю по за силлю; 12) У недилю рано пораненьку; 13) Ой колыбъ я знала; 14) Ой жыла удивонька; 15) Ой тры сестрыци жалибныци; 16) Чорна хмара наступае; 17) Про Коваленка; 18) Ой выорю нывку; 19) Чого мыла губы дмешъ; 20) Не идна годына одъ Бога настала; 21) Ой журавлю; 22) Ой хмарыться дощъ буде; 23) Ой запывъ козакъ; 24) Ой пиду я по надъ море; 25) Журба мене сушыть; 26) Калыно, малыно; 27) Ой жаль, маты, вечирочка; 28) Пожену я на яръ товаръ; 29) Ой пидъ горою; 30) Плыве човенъ воды повенъ; 31) Козакъ выйизджае, дивчынонька плаче; 32) Ой Боже що те кохання зможе; 33) Коло броду брала дивка воду; 34) Ой зійды зиронько; 35) Идуть коровы та изъ дибровы; 36) Молода дивчына шынкувала; 37) Ой на гори санчата; 38) Чы ты мени, серденько, мыла; 39) Соломьяни бычкы мавъ; 40) Дивчыно ты-жъ моя).

65 Письни и спивы. Музыка *М. Лисенка.* (Дозв. цензурою. К. 14 апрѣля 1891 г.). М. Литографія Гроссе. № 1. Колы наставъ чудовый май. Слова *Г(ейне).* Переспивъ *Л. У.*—№ 2. Чого такъ поблидлы троянды? Слова Г. Переспивъ *Л. У.*—№ 3. Зъ мого тяжкого суму. Слова Г. Переспивъ *М. С.*—№ 4. Вси люде, кохана, дурни. Слова Г. Переспивъ *М. С.*—№ 5. На лыченьку у тебе. Слова Г. Пе-

респивъ *М. С.*—№ 6. У мене бувъ коханый ридный край (теноръ). Слова Г. Переспивъ *М. С.*—№ 6-б. Тежъ (барит.)—№ 7. Тебе, моя любко, едына. Слова Г. Переспивъ *Л. У.*—№ 8. Колы розлучаются двое. Дуэтъ (сопр. и альтъ або теноръ и басъ). Слова Г. Переспивъ *М. С.*

1896 г.

66 Коза-дереза. Дытяча комична оперка въ одній діи. *Граф. Рус. Линд.* Либрето уложыла *Днипрова чайка.* Музыку впорядкувавъ *М Лисенко.* (Дозв. цензурою. К. 7 августа 1895 г.). К. 39 стр. 8⁰. Ц. 1 р. 25 к. У Б. Корейво. М. Литографія В. Гроссе.

67. Моя могыла. Вирши *В. Александрова.* Спивъ *М. Лисенка* (Дозв. цензурою. СПБ. 9 января 1895 г.) Харькивъ. Типографія А. Доре. 8 стр. 8⁰. Это стихотвореніе съ музыкой Лисенка приложено тоже къ вышедшему въ г. Харьковѣ въ 1896 году альманаху *Складка.* На Спомынъ В. Александрова. Стр. 265—271.

1897 г.

68. Збирныкъ народнихъ украинськихъ писень. Зибравъ и *для хору* уложывъ *М. Лисенко.* Шостый десятокъ. (Дозв. цензурою. К. 17 мая 1896 г.). К. 19 ст. 8⁰. Ц. 50 к. Нотопечатня В. Гроссе въ Москвѣ. [1) У Кыиви на рынку; 2) У мистечку Богуслави: 3) Паситеся сири волы; 4) Котылася та зоря зъ неба; 5) По той бикъ гора; 6) Та по надъ берегамы; 7) Копавъ же я та крынычeньку; 8) Ой гай, маты, зелененькый; 9) Ой що-жъ то за шумъ учынывся; 10) По опенькы ходыла).

69. Украинськи обрядови письни. У чотырёхъ збиркахъ. Уложывъ за-для мишаного хору *М. Лисенко.* (Дозв. цензурою 17 мая и 16 сентября 1896 г.) К. Нотопечатня В. Гроссе въ Москвѣ. I. *Веснянкы.* 1-й винокъ, 23 ст. 8⁰. II. *Веснянкы.* 2 винокъ. 23 ст. 8⁰. III. *Купальська справа.* 10 ст. 8⁰. IV. *Колядкы, щедривкы.* 23 ст. 8⁰. Ц. I, II и IV выпуска по 50 к., а III выпускъ—20 к.

70. Украинськи обрядови письни. Веснянкы. Другый винокъ. На хоръ мишаный уложывъ *М. Лисенко.* Львивъ, Пидручне видавництво Львивського Бояна. Ц. 50 кр.

1898 г.

71. Збирныкъ народнихъ украинськыхъ писень. Зибравъ и *для хору* уложывъ *М. Лисенко.* Сёмый десятокъ (Дозв. цензурою. К., 18 іюня и 11 октября 1897 г.). Кіевъ, 25 стр. 8°. Ц. 50 к. (1. Ой у поли тры крыныченькы, 2) Ой жыла вдова на край села, 3) Козакъ одйизжае, 4. Пожурылысь молоди хлопци, 5. Ой ляше, 6. Ой по морю сынёму, 7. Плыве човенъ воды повенъ, 8. Козаченьку, куды йдешъ, 9. Ой летила горлыця, 10. Верховыно).

72. Збирныкъ народнихъ украинськыхъ писень. Зибравъ и *для хору* уложывъ *М. Лисенко.* Вósьмый десятокъ. (Дозв. цензурою. К. 11 октября 1897 г.) 29 ст. 8°. Ц. 50 к. Складъ у Л. Идзиковскаго въ г. Кіевѣ (1. Ой зійду я на могылу, 2. Шумыть, гуде диброволька, 3. Ой мижъ вашою та громадою, 4. Пишла Оляна до броду, 5. Ой утерявъ соловейко голосъ, 6. Ой зъ-за горы орелъ воду носыть, 7. Та туманъ яромъ, 8. Ой що жъ то та за воронъ, 9. На вгорóди калынонька, 10. Про Куперьяна).

73. Народни украинськи письни. Уложывъ для фортепіано *М. Лисенко.* Chants populaires de L'Ukraine, transcripts pour Piano par. N. Lissenko. № 1. *Безъ тебе, Олесю.* Народня писня зъ Волынського Полисся. Муз. М. Лисенка. К. Ц. 30 к.

Квартеты на мужеськый хоръ. «На прю!» Слова *М. Старыцького*, музыка *М. Лисенко.* Выдавныцтво «Торбанъ». Выпускъ III. Львивъ. Ц. 20 кр.

1899 г.

76. Зивьяли лысткы. Композиціи до поезіи *Ивана Франка*, выдани въ 25-ты-литній ювилей ёго литературнои діяльносты. Ювилейне выдання (1874—1898 р.) Л. 1899 р. Литографія А. Андрейчука. 30 стр. 4°. Ц. 1 зр. 20 кр. Въ этомъ изданіи помѣщены слѣдующія композиціи *М. Лисенка* къ стихотвореніямъ И. Франка: 1. Не забудь юныхъ днивъ (соло), II. Мисяцю князю (тежъ), III. Розвійтеся зъ витромъ лысточкы зивьяли, IV. Безмежнее поле въ снижному завою.

1900 г.

76. Збирныкъ народнихъ украинськыхъ писень. Зибравъ и *для хору* уложывъ *М. Лисенко.* Девьятый десятокъ. (Дозволено цен-

зурою, К. 30 октября 1899 г.). К., 21 ст. 8°. Ц. 50 к. Литографія Редера въ Лейпцигѣ. (1. Ой, не гараздъ запорожци, 2) Ой сивъ пугачъ на могыли, 3. Максымъ козакъ Зализнякъ, 4. Тече ричка бережкамы, 5. Червона калына тай у лузи стояла, 6. Посію я коноцелькы, 7. Гей знатся, догадатся, 8. Ой у поли озеречко, 9. Чомъ, чомъ не прыйшовъ, 10. Полюбыла коваля).

77. **Збирныкъ народнихъ украинськыхъ писень.** Зибравъ и *для хору* уложывъ *М. Лисенко.* Девьятый десятокъ. (Дозв. цензурою 30 октября 1899 г.). К., 25 ст. 8°. Ц. 50 к. Литографія Редера въ Лейпцигѣ. Складъ у Л. Идзиковскаго въ Кіевѣ. (1. За Сыбыромъ сонце сходыть, 2. Ой наварылы ляхы пыва, 3. Гей, послухайте, гей повидайте, 4. Ой зъ-за горы, зъ-за крутои, 5. Червоная калынонька на яръ подалася, 6. Ой ты зиронько та вечирняя, 7. Ой ковалю, молодый ковалю, 8. Ой тыхая вулыченька, 9. Кучерява Катерына, 10. Ой пойихавъ мій мыленькый до млына).

78. **Утоплена.** (Майська ничъ). Лырычно-фантастычна опера у 3 діяхъ и 4 одминахъ. Текстъ по Гоголю склавъ *М. Старыцькый.* Музыка *М. Лисенка.* Власнисть автора. Кыивъ, 208 стр. 8°. Ц. 4 карбованця.

79. **Ой що въ поли за дымове.** Хоръ мишаный зъ акомпаниментомъ фортепьяно або оркестра *М. Лисенка* до сливъ *Ивана Франка.* Библіотека Львивського Бояна. Львивъ, 1900 р.

О. Людкевичъ. Литературно-Науковый Вистникъ, 1900 кн. 4 ст. 62.

80. **Chant sans paroles. N. Lissenko.** Иллюстрированный сборникъ Кіевскаго Литературно-артистическаго Общества. К. 1900 г. Ноты ст. 9—12. Тамъ же въ 1-й части сборника, на стр. 81, портретъ Н. В. Лисенка, какъ участника въ музыкальныхъ собраніяхъ Общества.

81. **Пятьдесятъ украинскихъ пѣсенъ**, избранныхъ изъ 1 и 2 сборниковъ *Н. В. Лисенка* для пѣнія и передѣланныхъ для фортепьяно въ легкомъ переложеніи *В. Зентарскимъ.* К. Изданіе Л. Идзиковскаго. Ц. 2 р.

82. **Моя мылованка, якъ часомъ жартовлыво.** Мазурка для пѣнія *Н. Лисенка.* Слова *М. Старицкаго.* К. Изданіе Л. Идзиковскаго Ц. 50 к.

1903 г.

83. **Збирныкъ народнихъ украинськыхъ писень.** Зибравъ и *для хору* уложывъ *М. Лисенко.* Одынадцятый десятокъ. (Дозв. цензу-

вою, К., 11 февраля 1903 г.). К., ст. 8⁰. Ц. 50 к. Власнисть автора. Нотопечатня И. Чоколова въ Кіевѣ. (1. Про Мазуренка, 2. Ой 1791 року, 3. Прыверталы вильни чумаченькы, 4. Ой, зъ-за горы та вылиталы орлы, 5. Ой чого селезень та смутный, 6. Охъ и закладався сызый орелъ, 7. Ой у поли круты горы, 8. Витеръ коло хаты, 9. Та казала мени Солоха: прыйды! 10. Гей волошынъ сино косыть).

84. Збирныкъ народнихъ украинськыхъ писень. Зибравъ и *для хору* уложывъ *М. Лисенко.* Дванадцатый десятокъ. К. 1903 г. 27 ст., 8⁰. Ц. 50 к. Нотопечатня И. Чоколова въ Кіевѣ. (1. Ой горе не салдацьке жыття, 2. Туманъ туманамы, 3. Ой чыи жъ то волы, 4. По горахъ по долынахъ, 5. Ой у поли былыночка колыхается, 6. Чогось мени трудно-нудно, 7. Плыве човенъ воды повенъ, 8. Ой не цвиты буйнымъ цвитомъ, зеленый катране, 9. Дивчынонька вирнесенька, 10. Чы я не хазяйка, чы не господыня).

85. Музыка до Кобзаря Т. Шевченка. М. Лисенка. Спивы про жиночи та чоловичи голосы, якъ поодыноки, такъ и гуртови, съ проводомъ фортепіано (дуэты, тріо, квартеты, хоры). Серія VI. (Продолженіе, см. за 1894 г. № 52) К. У автора и по всихъ кныгарняхъ. Нотопечатня Редера въ Лейпцигѣ (№ 46. Чого мени тяжко? Думка (сопр.). 47. Есть на свити доля (барит.). 48. Ой стричечка до стричечкы мережаю тры ниченькы (сопр.). 49. Якъ бы зустрилыся мы знову (мец. сопр.). 50. Чы мы ще зійдемося знову? (тен. съ аккомп. віолончеля). 51. У гаю, гаю витру немае. Серенада зъ «Гайдамакивъ» (барит.). 52. Гомонила Украина—зъ «Гайдамакивъ» (тен.). Ц. за каждую піесу отъ 20—30 к. Серія V. № 53. Княжна. Зоре моя вечирняя. мец.-сопр.). Ц. 50 к.

86. На вичну памьять Котляревському. Слова *Т. Шевченка.* Кантата про сольови голосы, хоры и оркестръ. До дня видкрыття памьятныка въ Полтави 30 серпня 1903 року. Першому зачынателеви сучасноі украинськоі литературы Иванови Котляревському; музыку зложывъ *М. Лисенко.* У Кыиви. Власнисть автора. 20 стр., 8⁰. Ц. 1 р. 65 к. (Дозв. цензурою, Спб., 20 августа 1903 г.).

87 У досвита вставъ я. Вирши *П. Кулиша.* Спивъ *М. Лисенка.* (Про тенора). Дубове лыстя. Альманахъ на згадку про П. О. Кулиша. К., 1903 р. ст. 17—21.

88. У досвита вставъ я. Сольо тенорове въ супроводи фортепьяно «Слова *П. Кулиша,* музыка *М. Лисенка.* Видання Станиславовського Бояна». Львивъ, 1903 р. Ц. 80 сот.

89. Зима й весна. (Снигова краля). Дытяча оперка у двохъ одминахъ. Фантастычни образкы зъ народнихъ подань. К. Ц. 2 р.

90. Попури зъ першои украинськои оперы «Наталка-Полтавка» И. П. Котляревського. Для спиву зъ проводомъ фортепіано упорядкувавъ *М. Лисенко,* уложывъ для фортепіано на дви рукы *А. Н. Артемовськый.* К. Нотопечатня И. Чоколова въ Кіевѣ. Ц. 90 к. Собственность Э. Островскаго въ Одессѣ.

91. «Жалибный маршъ» до дня 27 роковынъ смерты Т. Шевченко (25 лютого 1888 року). Для фортепіано въ 2 руки. Транскрипція *М. Лисенко.* К. У Л. Идзиковскаго. Нотопечатня И. Чоколова, 7 стр. 4°. Ц. 60 к.

93. Народни украинськи писни. Уложывъ для фортепьяно *М. Лисенко.* Chants populaires de L'Ukraine, transcrits pour piano par N. Lissenko. № 2. *Плыве човенъ воды повенъ.* (Barcarole). К. У Л. Идзиковскаго. Нотопечатня И. Чоколова, 5 ст., 4°. Ц. 60 к.

№ 3. **Ой зрада, кари очи зрада.** Тема зъ варіаціями. Ц. 50 к. (№ 1, Безъ тебе Олесю—см. за 1898 г. № 73).

94. Serenade F-molle. Op. 28. Для фортеп. въ 2 руки *N. Lissenko* К. Нотопечатня И. Чоколова. Ц. 45 к.

95. Shant sans paroles. Op. 31. Для фортепьяно въ 2 руки. *N. Lissenko.* (Пieса эта премирована Кіевскимъ Литературно-артистическимъ Обществомъ на конкурсѣ 1898 г., напечатана впервые въ Сборникѣ того Общества, см. за 1900 г. № 80). К. Нотопечатня И. Чоколова. Ц 75 к.

96. Capriccio elegico. Op. 32. Для скрипки съ аккомпаниментомъ оркестра или фортепьяно. *Н. Лисенка.* К. Нотопечатня И. Чоколова. Ц. 1 р. 50 к.

97. Valse. D-moll. Op. 35 Pour piano *N. Lissenko.* Ц. 35.

98. Fantasie sur 2 thêmes populaires de l'Ukraine pour la Flûte (ou Violon) avec accomp. de piano. Op. 21. *N. Lissenko.* К. Нотопечатня И. Чоколова.

99. На добы. 3 pièces pour le piano. Album d'été 1900. Op. 37. *N. Lissenko.* 1. Aveu. 2. Chant d'amoure 3. Serenade К. Нотопечатня И. Чоколова. Ц. 25+35+40 к.

100. Impromptu (style Chopin). pour le piano. Op. 38. *N. Lissenko.* К. Ц. 10 к.

101. Trois pièces pour le piano D'album de'été 1901. Op. 39. *N. Lissenko.* 1. Valse «La Séperation». 2. Marche solennelle. 3. Elégie

«La tristesse». Ц. 60 к.+50+50 к. Отдѣльно транскрипція авторская послѣдней піесы для віолончели съ аккомпаниментомъ фортепьяно.

102. D'Album privé: Moment de déséspoir (transcript pour piano et Violon par l'auteur). 2. Moment d'enchantement. Op. 40. *N. Lissenko.*

103 D'album d'été 1902: 1. La langueur. 2. Impression d'un jour heureux. 3. Elegie. *N. Lissenko.* К. Нотопечатня И. Чоколова.

104. Deux chant sans paroles: 1. E-mol. Dedieé à M-me Olga Lissenko. 2. B.-mol. Славному нашому пысьменныкови Ивану Нечуеви.—Op. 10. *N. Lissenko.* К. Ц. по 75 к. Нотопечатня И. Чоколова въ Кіевѣ.

Печатаются:

105. Украинськи обрядови писни. V. Весилля. Весильни писни, упоряджени за ритуальнымъ ходомъ людового весилля. Соло, хоры парубочи, дивочи, мишани зъ проводомъ фортепьяно. Уложывъ *М. Лисенко.*

106. Панъ Коцькый. Комична дытяча оперка у 4-хъ одминахъ *М. Лисенко.*

II.

Литература о Н. В. Лисенкѣ и его произведеніяхъ

(кромѣ рецензій, указанныхъ въ 1 отдѣлѣ).

1. *Кіевлянинъ,* 1872, № 49 и 50. Н. В. Лисенко, какъ концертантъ и композиторъ.

2. *Свитъ* (галицк. газ.). 1881. № 5. Автобіографія.

3. *Бажанскій П.* Колька увагъ на кантату М. Лисенка: «Бьютъ пороги». Дѣло (галиц. газ.), 1882, № 19.

4. *Красковскій А.* Концерты Н. В. Лисенка Трудъ (Кіев. газ.). 1882, № 28.

5. *Заря* (Кіев. газ.). 1883, № 78. Концертъ Н. В. Лисенка. Письмо въ редакцію.

6. *Кіевлянинъ,* 1883, № 77. Концертъ Н. В. Лисенка.

7. *Иллюстрированный календарь товариства «Просвита» на 1884 рикъ.* Львивъ, 1883 року, ст. 48. Зъ житя Русынивъ. (Біографія съ портр.).

8. *Рубецъ А.* Біографическій словарь русскихъ композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей. Спб., 1885 г. (Біографія Н. В. Лисенка).

9. *Atheneum.*, 1885 кн. 7 стр. 355.—Zarysy ruchu literackiego rusinów.

12. *И. Нечуй.* Въ концертѣ. (Впечатлѣнія концерта Н. В. Лисенка) Зоря (галиц.) 1887, № 11—12.

11. *Кіевское Слово*, 1887, № 66. Концерты Н. В. Лисенка.

12. *Корницкій Н.* Минскій листокъ 1888, № 68. Біографія и обзоръ дѣятельности.

13. *Илюстрований календарь товариства «Просвита» на рикъ 1899.* Львивъ, 1889 р., ст. 78 —85. Біографія съ портретомъ.

14. *Библіотека для молодежи*, 1889, № 7. Славни Русины. Житепись М. Лисенка (съ портр.).

15. *Дзвинокъ* (галиц. газ.), 1891, № 13. Біографія съ портр. Н. В. Лисенка.

16. *В. Шухевичъ.* Мыкола Лисенко. Дзвинокъ, 1892, № 6.

17. *Днипрова Чайка.* Славному Кобзареви М. Лисенкови. (Стихотвореніе) Зоря (галиц.). 1893, № 6. Тамъ же, рисунокъ грамоты Львовскаго Бояна, поднесенной Н. В. Лисенку по случаю 25-лѣтняго юбилея его дѣятельности.

18. *Дѣло* (галиц.), 1893, № 15. Прывиты М. Лисенкови на ювилей.

19. *Заря* (галиц.) 1898, № 1 и 2. Мыкола Лисенко. Біографическій очеркъ и обзоръ трудовъ по поводу 25-лѣтняго юбилея. Кромѣ того въ 1 № помѣщены портретъ Н. В. Лисенка и «грамота» отъ Львовскаго музыкальнаго общества «Боянъ», присланная Лисенку по поводу избранія его почетнымъ членомъ общества, а въ № 2—три стихотворенія, посвященныя Н. В. Лисенку, присланныя изъ Полтавы, Харькова и Чернигова.

20. *Зоря* 1893, № 4. Концерты М. Лисенка. Два письма *І. С.* и *Значковенка* о концертахъ въ Полтавѣ.

21. *Крымскій А.* проф., Н. Лисенко. По случаю 25-лѣтняго юбилея. Этнографическое Обозрѣніе, 1893 и 1894 г., т. XIX № 4 ст. 145—146.

22. *Одесскій Листокъ*, 1893, № 4. Н Лисенко. Фельетонъ *М. К.*—№ 6. Концерты капеллы Н. Лисенка въ Одессѣ и корреспонденція изъ Полтавы о его концертахъ.—№ 9. По поводу концертовъ Н. В. Лисенка. *А-ръ.*

23. *Брокгаузъ.* Энциклопедическій словарь. Спб. 1896 г., кн. 34 стр. 736. Біографія. *Н. С.*

24. *Дѣло* (галиц.), 1898, № 125. Про концертъ М. Лисенка 8 марця 1898 року.

25. *Левицькый И.* Въ концерти. (Впечатлѣнія концерта Н. В. Лисенка). Повѣсти и оповидання. Спб., 1899. Томъ I, стр. 389—408.

26. *Русская музыкальная газета*, 1900, № 12. Н. В. Лисенко, какъ художникъ-этнографъ. *К. Н.* Объ этой статьѣ см. Кіевская Старина, 1900, кн. 5. Библіографія, стр. 111.

27. *Корифеи украинской сцены.* К., 1901 г., стр. 96—125. Біографія и обзоръ дѣятельности, съ портретомъ.

28. *Сѣверъ,* 1901, № 47. Портретъ Н. В. Лисенка по фотографіи Завадскаго.

29. *Бичъ-Лубенскій.* Н В. Гоголь въ музыкѣ. Харьковскія Губернскія Вѣдомости, 1902, № 50 (Объ операхъ Н. В. Лисенка на сюжеты изъ соч Гоголя).

30. *Энгель.* Н В. Гоголь въ музыкѣ. Русскія Вѣдомости, 1902, № 76 (То же).

31. *В Василенко.* Къ юбилейному чествованію Н. В. Лисенка. Полтавскій Вѣстникъ, 1903, № 75.

32. *Л. П.* Къ юбилейному чествованію Н. В. Лисенка. Полтавскій Вѣстникъ, 1903, № 237, отъ 10 октября.

33. *Мировець В.* Къ предстоящему юбилею Н. В. Лисенка. Кіевская Старина, 1903, кн. 3 Текущія извѣстія, стр. 148—152 и Волынь, 1903 г., № 71.

34. *По поводу предстоящаго юбилея Н. В. Лисенко*, см. также статьи и замѣтки за 1903 г., Биржевыя Вѣдомости, № 175, Кіевская Газета, № 83, Кіевская Старина, кн. 6, Документы, ст. 184, Полтавскій Вѣстникъ, № 94.

35. *С. Русова.* Н. В. Лисенко. (Къ 35-лѣтію композиторской дѣятельности). Журналъ для всѣхъ, 1903, 11 стр., 1367—1372. (Съ портретомъ).

36. *Страшкевичъ В.* По поводу предстоящаго юбилея Н. В. Лисенка. Кубанскія Областныя Вѣдомости, 1903, № 67.

37. *С. Р.* Малорусскій композиторъ Н. В. Лисенко. Образованіе, 1903 г., кн. XI, стр. 178—180.

Краткое оглавленіе I-го отдѣла указателя.

I.

Народныя украинскія пѣсни.

1. *Сборники пѣсенъ:* В. 1-й № 1. 4, 49.—В. 2 № 2, 5.—В. 3-й № 12.—В. 4-й № 40.—В. 5-й № 57.—В. 6 № 64.

2. *Сборники пѣсенъ для хора:* Десятокъ 1-й № 36.—Д. 2-й № 11.—Д. 3-й № 45.—Д. 4-й № 55.—Г. 5-й № 58.—Д. 6-й № 68.—Д. 7-й № 71.—Д. 8-й № 72.—Д. 9-й № 76.—Д. 10-й № 77.—Д 11-й № 83. Д. 12-й № 84.

3. *Собранія обрядовыхъ пѣсенъ* № 11, 69, 70, 105.

4. *Народныя пѣсни, положенныя на ноты, въ разныхъ изданіяхъ:* № 7, 8, 9, 30, 31, 43, 81.

II.

Оперетты и оперки:

1. *Різдвяна нічъ.* № 10, 28.
2. *Чорноморци.* № 24, 27, 33.
3. *Утоплена.* № 32.
4. *Наталка-Полтавка.* № 50, 90.
5. *Коза-дереза.* № 51. 66.
6. *Зима и весна.* № 89.
7. *Панъ Коцькый.* № 106.

III.

Оперы.

Різдвяна нічъ. № 29, 52, 60.
Утоплена. № 78.

IV.

Музыка до Кобзаря Т. Г. Шевченка:

№ 3. 13. 37, 38, 44, 54, 62, 85, 86, 91, 92.

V.

Музыка къ произведеніямъ другихъ писателей:

В. Александрова. № 67.
Г. Гейне. № 65.
А. Головатого. 56.
А. Конисскаго. № 34.
П. Кулиша. № 87, 88.
М. Максимовича. № 6,
Е. Полянской. № 47.
М. Старицкгао. № 26, 35, 46, 74, 82.
И. Франка. № 75, 79.
Я. Щоголева. № 39.

VI.

Музыкальныя произведенія на мотивы украинскихъ пѣсенъ:

№ 14, 15, 17, 21 23, 42, 61, 73, 93, 98.

VII.

Разныя музыкальныя произведенія:

№ 16, 18, 19, 20, 22, 48, 53, 80, 94, 95, 96, 97, 99, 100—104.

VIII.

Статьи о малорусской музыкѣ:

№ 9, 25, 59, 63.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

НА **1904** ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. **Въ отдѣлѣ наукъ**: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. **Въ отдѣлѣ критики и библіографіи**: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. **Университетская лѣтопись**: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. **Приложенія:** университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки: выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *А. Александровъ.*

3—3

ста 2 руб. Лица, служащія въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, при подпискѣ на газету черезъ казначеевъ и экзекуторовъ пользуются льготою въ уплатѣ подписныхъ денегъ по 1 руб. въ теченіи первыхъ мсѣяцевъ и другими льготными условіями, по соглашенію.—Народные учителя, учащіеся, учебныя заведенія и библіотеки могутъ получать газету на особо льготныхъ условіяхъ, по соглашенію съ редакціей.

Подписку по почтѣ адресовать исключительно въ редакцію газеты: „Областное Обозрѣніе и Вѣстникъ Казачьихъ Войскъ". С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 13-я линія, д. № 22.

Пробный № по требованію высылается безплатно.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 годъ

на ежемѣсячный литературный общественный, политическій и историческій журналъ

ВСЕМІРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Направленіе журнала общественно-прогрессивное. Редакція будетъ слѣдить за ходомъ литературы, науки и культурной жизни за границей и, по мѣрѣ появленія выдающихся трудовъ въ этой области, а также событій, будетъ знакомить съ ними своихъ читателей. Въ ближайшихъ нумерахъ журнала будутъ помѣщены труды: К. И. Арабажина, кн. В. В. Барятинскаго, В. П. Батуринскаго, Н. Н. Болтина, Б. П. Бурдесъ, пр.-доц. В. В. Святловскаго, В. А. Мазуркевича. Н. А. Гастфрейнда, Е. А. Герцыкъ, Д. Г. Глоба, С. Ф. Годлевскаго, Е. В. Давыдова, Е. Дубельтъ (Зеландъ), И. И. Забрежнева, И. М. Иванова, П. Н. Исаевича, проф. М. М. Ковалевскаго, проф. П. И. Ковалевскаго, Е. Н. Лебедевой, Г. Ѳ. Львовича, В. Н. Никитина, В. П. Панаева, проф. В. Н. Перетца, А. П. Плетнева, Н. А. Попова, проф. М. А. Рейснера, Н. А. Россовскаго, Скитальца (О. Яковлева). Л. Ухтомской, Ф. Н. Фальковскаго, Н. А. Фалѣева, Н. Б. Хвостова, В. Е. Чешихина и мн. др.

Съ первой же (январьской) книжки начнется печатаніемъ:

1) Неизданныя въ Россіи стихотворенія декабристовъ.

2) Посмертные труды А. М. Бобрищева-Пушкина.

3) Воспоминанія Ф. П. Фонтона (статья эта будетъ печататься съ вышедшаго за границей (Лейпцигъ, 1862 г.) изданія.

4) Воспоминанія Н. И. Панаева о холерномъ бунтѣ въ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 г.

5) В. П. Батуринскаго: «А. И. Герценъ, его друзья и знакомые»—матеріалы для общественнаго движенія къ Россіи въ XIX столѣтіи.

6) І. Мадачъ: «Трагедія человѣка», пер. съ венгерскаго В. А. Мазуркевича.

7) Функъ-Бретано: «Бастилія, ея архивъ и легенды»,—историческая мнографія.

8) Новый трудъ проф. И. И. Мечникова.

Въ журналѣ постоянные отдѣлы: обзоръ иностранной жизни, журналовъ, театра, лѣтопись, библіографія и смѣсь. Въ каждой книжкѣ не менѣе двухъ приложеній съ отдѣльной нумераціей страницъ. Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, книжками, около 15 листовъ въ каждой, съ илюстраціями.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на 1 годъ—**6** р., 1/2 года—**3** р., 1 мѣс.—**50** коп.

Рзастрочка по 50 коп. въ мѣсяцъ. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція и контора помѣщается въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, д. № 90.

Редакторъ-Издатель *С. Сухонинъ.*

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 годъ.

ХУТОРЯНИНЪ

IX годъ изданія.

цѣна 2 руб. въ годъ, на полгода 1 руб.,

еженедѣльное изданіе, посвященное интересамъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, промышленности и торговли,

органъ Полтавскаго общества сельскаго хозяйства.

Программа: 1) Правительственныя распоряженія и извѣстія. 2) Дѣятельность мѣстныхъ сельскохозяйствен. обществъ, ихъ отдѣловъ и отдѣленій. 3) Сатьи по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ экономическія и техническія. 4) Хроника, сельскохозяй-

ственное обозрѣніе и корреспонденціи. 5) Сельскохозяйственная и экономическая дѣятельность земскихъ учрежденій. 6) Библіографія и обзоръ сельскохозяйствен. и экономической литературы. 7) Сел.-хоз. фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговыя извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія.

Задачи газеты: 1) Распространять въ общедоступной формѣ сел.-хоз. знанія примѣнительно къ потребностямъ сельскихъ хозяевъ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній. 2) Служить органомъ для взаимнаго общенія сельскихъ хозяевъ и сельскохозяйств. обществъ. 3) Доставлять населенію современныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и сел.-хоз. обществъ въ области народнаго хозяйства. Главными условіями для достиженія этихъ задачъ поставлены: общедоступность изложенія и дешевизна изданія.

Кромѣ еженедѣльныхъ номеровъ въ размѣрѣ 2—3 печатныхъ листовъ, при *„Хуторянинѣ“* подписчикамъ даются безплатныя приложенія; такъ, за послѣдніе четыре года были приложены: 5 книгъ Чикаленко „Розмова про сельске хозяйство“, „Біографія Н. В. Гоголя“, „Хуторянинъ и его читатели“, 12 книжекъ „Экономическая и сельскохозяйств. дѣятельность Полтавскаго губ. земства“, различныя огородныя и полевыя сѣмена и друг.

Въ 1904 году всѣмъ годовымъ подписчикамъ будутъ разосланы составленныя завѣдующимъ фито-патологической станціи при И. Бonическомъ Садѣ въ С.-Петербургѣ, А. А. Ячевскимъ и изданныя Департаментомъ Земледѣлія *три раскрашенныя*

„Таблицы главнѣйшихъ паразитныхъ грибовъ и насѣкомыхъ плодовыхъ деревьевъ и огородныхъ растеній“,

заключающія изображеніе въ краскахъ разнообразныхъ вредителей растеній и указываніе на мѣры борьбы съ ними.

Подписавшимся до 1-го января 1904 г. годовымъ подписчикамъ, кромѣ того, будутъ разосланы сѣмена *кормовыхъ растеній, многолѣтнихъ травъ, огородныя и полевыя.*

„Хуторянинъ“ допущенъ въ безплатныя библіотеки-читальни и въ библіотеки сельско-хозяйствен. учеб. завед. и М. З. и Г. И.

Плата за объявленія: за одну строку петита въ концѣ текста 8 коп., впереди вдвойнѣ.

Подписка принимается въ г. Полтавѣ—въ конторѣ редакціи „Хуторянина“, при Полтавскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства.

священъ справкамъ, совѣтамъ и отвѣтамъ на предлагаемые читателями журнала вопросы.

Годовая подписная цѣна журнала на полувеленевой бумагѣ, съ доставкою и пересылкою: 1 р.; изданіе на веленевой бумагѣ 2 рубля.

Подписка и объявленія принимаются въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, Гостинный Дворъ, № 18; Москва, Кузнецкій Мостъ, № 12. Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 16 лин., д. 5—7.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ

(ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Условія подписки на годъ съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи: 12 р., на 9 мѣс.—9 р., на 6 мѣс.—6 р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р.; за границу на годъ: 14 р., на 9 мѣс.—10 р. 50 к., на 6 мѣс.—7 р., на 3 мѣс.—3 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апрѣля, 1 іюля, 1 октября по 3 рубля—при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія.

Цѣна отдѣльнаго номера съ пересылкой 1 р. 30 к. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ годовой цѣны журнала.

Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ В. А. Гольцевъ, А. П. Чеховъ и А. А. Кизеветтеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Ваганьковскій пер., д. Куманина; *въ Петербургѣ:* въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Литейный, д. № 46; *въ Кіевѣ:* въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ; *въ Варшавѣ:* въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова; *въ Вильнѣ:* въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Редакторъ-издатель *В. М. Лавровъ.*

1—3

скать газету и помѣщать въ ней тѣ новости и телеграммы, которыя получаются даже поздней ночью.

Имѣя въ виду дать читателямъ беллетристическій матерьялъ для чтенія, Редакція рѣшила выпускать особыя литературныя приложенія къ «Кіевской Газетѣ», въ которыхъ будутъ помѣщаться стихотворенія, очерки, разсказы, какъ оригинальные, такъ и переводные, а также очерки русской и заграничной жизни. Кромѣ того, въ приложеніяхъ будутъ помѣщаться рисунки, касающіеся современнымъ событій, и портреты выдающихся дѣятелей. Приложенія будутъ выпускаться еженедѣльно, съ особымъ счетомъ страницъ. Изъ нихъ составится за годъ полный экземпляръ иллюстрацій въ 52 тетради.

Такимъ образомъ въ 1904 году каждый подписчикъ «Кіевской Газеты» получитъ: 1) Ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ. 2) 52 №№ Еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ литературно-художественныхъ приложеній.

Стремясь постоянно расширять кругъ своихъ сотрудниковъ, редакція пригласила къ участію въ газетѣ новыхъ лицъ. Въ 1904 г. въ «Кіевской Газетѣ» будутъ принимать постоянное участіе слѣдующіе извѣстные столичные литераторы и журналисты: А. В. Амф—тровъ (И. Л. Иксъ), К. С. Баранцевичъ, П. В. Быковъ, П. И. Вейнбергъ, М. В. Крестовская, В. С. Лихачевъ, Lolo (Л. Г. Мунштейнъ), М. А. Лохвицкая, А. А. Луговой (Тихоновъ), Ѳ. Ѳ. Тризонеръ (Мечтатель), Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

Въ 1904 году всѣ подписчики «Кіевской Газеты» будутъ попрежнему пользоваться правомъ получать въ театрѣ «Соловцовъ» на спектакли драматической труппы М. М. Глѣбовой билеты по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ,—разъ въ недѣлю, въ дни, указанные дирекціей театра.

Условія подписки съ доставкой и пересылкой: на годъ 9 р., на 9 мѣс. 7 р. 10 к., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 2 р. 70 к., на 1 мѣс. 1 р. Безъ доставки: на годъ 8 р., на 9 мѣс. 6 р. 20 к., на 6 мѣс. 4 р. 40 к., на 3 мѣс. 2 р. 40 к., на 1 мѣс. 90 коп.

Годовые подписчики, желающіе воспользоваться разсрочкой, вносятъ: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р и къ 1-му іюля 3 р. Подписка на 1904 годъ и объявленія принимаются: 1) въ Главной Конторѣ и 2) въ книжныхъ магазинахъ и кіоскахъ. Заграничные подписчики къ подписной цѣнѣ приплачиваютъ за каждый мѣсяцъ по 60 коп. За перемѣну адреса 40 коп., причемъ необходимо сообщать заблаговременно прежній и новый адресы. О каждой перемѣнѣ адреса просятъ сообщать отдѣльно. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе, какъ до конца года.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: Кіевъ, Владимірская ул., № 34. Телефонъ № 1276.

Издатели: *С. Я. Богдановъ, А. Ф. Френкель.* Редакторъ *А. Ф. Френкель.*

1—3

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.